

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРАВО

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

LAW

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Вестник БГУ.
Серия 3, История. Экономика. Права»)

Выходит три раза в год

3

2024

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **БАЛАШЕНКО С. А.** – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: balashenko@bsu.by
- Ответственный секретарь** **ШАХРАЙ И. С.** – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: shakhray@bsu.by
- Балюк Г. И.** Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Киев, Украина.
Ванг Г. Чжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; Тулейнский университет, Новый Орлеан, США; Городской университет Гонконга, Гонконг, Китай.
- Василевич Г. А.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вердуссен М. Католический университет Лувена, Лувен-ла-Нев, Бельгия.
Каменков В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Карпович Н. А. Конституционный Суд Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Келли К. Р. Арканзасский государственный университет, Джонсборо, США.
Крюссман Т. Университет глобального развития, Грац, Австрия; Грацкий университет им. Карла и Франца, Грац, Австрия; Центр глобальной Европы Кентского университета, Брюссель, Бельгия.
- Макарова Т. И.** Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Матье Б. Университет Париж 1 Пантеон-Сорбонна, Париж, Франция.
Мацкевич И. М. Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия.
Мещанова М. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Некросиус В. Институт гражданского процесса и римского права Вильнюсского университета, Вильнюс, Литва.
- Скаков А. Б.** Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Астана, Казахстан.
Хелльманн У. Потсдамский университет, Потсдам, Германия.
Чуприс О. И. Администрация Президента Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Шидловский А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief** **BALASHENKO S. A.**, doctor of science (law), full professor; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: balashenko@bsu.by
- Executive secretary** **SHAKHRAI I. S.**, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: shakhray@bsu.by
- Baliuk G. I.** Taras Shevchenko National University of Kyiv, Kyiv, Ukraine.
Chupris O. I. Administration of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Hellmann U. University of Potsdam, Potsdam, Germany.
Kamenkov V. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Karpovich N. A. Constitutional Court of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Kelley C. R. Arkansas State University, Jonesboro, USA.
Kruessman T. University of Global Development, Graz, Austria; University of Graz, Graz, Austria; Global Europe Centre, University of Kent, Brussels, Belgium.
- Mackevich I. M.** University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia.
Makarova T. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Mathieu B. University Paris 1 Pantheon-Sorbonne, Paris, France.
Miashchanava M. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Nekrosius V. Institute of Civil Procedure and Roman Law, Vilnius University, Vilnius, Lithuania.
Shidlovsky A. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Skakov A. B. L. N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.
Vasilevich G. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Verdussen M. Catholic University of Louvain, Louvain-la-Neuve, Belgium.
Wang G. Zhejiang University, Hangzhou, China; Tulane University, New Orleans, USA; City University of Hong Kong, Hong Kong, China.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

УДК 349.6

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРИРОДЫ БЕЛАРУСИ

С. А. БАЛАШЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются историко-правовые аспекты становления правовой охраны природы в Средние века, особенности правового регулирования, санкции в данной сфере, эволюция законодательных норм в Великом княжестве Литовском, политическим центром которого являлись земли Беларуси. Анализируется правовая регламентация особо охраняемых территорий в статутах Великого княжества Литовского. Работа посвящается исследователю истории права профессору Т. И. Довнар.

Ключевые слова: история государства и права Беларуси; право собственности; охрана природы; охота; леса; особо охраняемые территории; заповедник; статуты Великого княжества Литовского.

Образец цитирования:

Балашенко С.А. Исторические источники правовой охраны природы Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:3–8.
EDN: CUTJVB

For citation:

Balashenko SA. Historical sources of legal protection of nature in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:3–8. Russian.
EDN: CUTJVB

Автор:

Сергей Александрович Балашенко – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Author:

Siarhei A. Balashenko, doctor of science (law), full professor; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
balashenko@bsu.by

HISTORICAL SOURCES OF LEGAL PROTECTION OF NATURE IN BELARUS

S. A. BALASHENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article examines the historical and legal aspects of the development of legal protection of environment in the Middle Ages, the peculiarities of legal regulation, sanctions, and the evolution of legislative norms in the Grand Duchy of Lithuania with the lands of Belarus as a political centre. The legal regulation of specially protected territories in the three statutes of the Grand Duchy of Lithuania is analysed. The article is dedicated to the researcher of the history of law professor T. I. Dovnar.

Keywords: history of the state and law of Belarus; property right; environmental protection; hunting; forests; specially protected territories; reserve; statutes of the Grand Duchy of Lithuania.

Науки столп нерукотворный,
источник мысли, права и добра...
С. А. Балашенко

Нам выпало особое счастье быть причастными в той или иной степени к научной, учебно-педагогической деятельности Таисии Ивановны Довнар.

Труды Таисии Ивановны характеризуются системностью, логичностью, особой глубиной исследований. Современные подходы правовой науки Беларуси во многом базируются на работах доктора юридических наук, профессора Т. И. Довнар.

Историко-правовое наследие является основой формирования правосознания, высокой правовой культуры, гражданского общества, правового государства, поэтому трудно переоценить роль историко-правовых исследований. Без глубинного анализа исторических предпосылок и усвоения исторического опыта невозможно построить правовое сообщество, сформировать правосознание, правопонимание, высокую правовую культуру.

Одна из современных работ Т. И. Довнар «Ахова прыроды ў Беларусі ў Сярэднявекі» [1] посвящена историческому анализу защиты права собственности на природные ресурсы и охраны природы на землях Беларуси. Данное исследование имеет целью углубление понимания некоторых вопросов охраны природы и окружающей среды Беларуси, а также их переосмысление.

В эколого-правовой науке существуют различные подходы к анализу развития и периодизации правовых отношений в области природопользования и охраны природы (в современном понимании – охраны окружающей среды). Советские ученые-правоведы связывали становление основ охраны природы, как правило, с Октябрьской революцией 1917 г. и созданием СССР или с новым пониманием значения окружающей среды для человечества, сложившимся в 1960-х гг., и формулировкой современных принципов охраны окружающей среды.

Необходимо учитывать, что одним из важных критериев этапа становления правовой охраны при-

роды является принятие и функционирование норм, не только закрепляющих и гарантирующих право собственности на природные ресурсы и объекты, но и обеспечивающих особое правовое положение ценных природных ресурсов, растительных сообществ, объектов животного мира. С учетом подобных подходов представляется, что правовое регулирование охраны объектов растительного и животного мира на землях современной Беларуси имеет глубокие традиции и богатую историю.

Особо охраняемые территории получили правовое закрепление более 600 лет назад. В дошедших до нашего времени летописях и документах судебной системы XIII–XVI вв. часто встречаются материалы, в которых говорится об охране рыбных и охотничьих угодий, бобровых гонов, бортных деревьев.

Постепенно вместе с формированием института землевладения уже в XI–XIII вв., как отмечают Т. И. Довнар [2; 3], М. В. Довнар-Запольский [4], В. И. Пичета [5], Д. Л. Похилевич [6], О. В. Турчинович [7], И. А. Юхо [8] и другие ученые, на территории белорусских княжеств начинает формироваться лесное право, увеличивается количество мероприятий, проводимых государственными органами в области регулирования природопользования, разрабатывается нормативное регулирование охраны природных ресурсов [3, с. 139]. Первые действия государственных органов по охране объектов природы в XIV–XV вв. зафиксированы в период существования Великого княжества Литовского – государства, политическим и экономическим центром которого были белорусские земли. Начиная с XIV в. на территории современной Беларуси закрепляется письменная правовая регламентация охраны диких животных, пуш, ценных лесов.

В конце XIV в. при великом князе Витовте беловежские леса получают статус великокняжеского государственного владения. В начале XV в. в Беловеж-

ской пуще запрещается охота на крупного зверя (указ великого князя литовского и короля польского Ягайло), а в XVI–XVIII вв. – любая охота. Лишь за большие заслуги перед государством великий князь мог разрешить поохотиться в пуще или получить охотничий трофей из нее. В 1616 г. инспектор-контролер государственных имуществ (инстигатор) ВКЛ Н. Пузелевский называет Беловежскую пущу «гордостью и украшением» всего государства¹.

Вопросы охраны природы и использования природных ресурсов находят отражение и в трех статутах Великого княжества Литовского. Необходимо указать, что документы печатались на кириллице и издавались на старобелорусском языке, который был государственным языком Великого княжества Литовского. В первом Статуте Великого княжества Литовского (далее – Статут ВКЛ) 1529 г. содержался раздел «О ловах, о пущах, о бортном дереве, об озерах, о бобровых гонах, о хмельниках, о соколиных гнездах» [9].

Статут ВКЛ 1529 г. устанавливает значительный штраф за незаконную охоту на бобров, причем не только за их убийство и кражу, но и за повреждение бобровых гонов, а также за создание препятствий бобрам или изгнание их из мест обитания. Санкции об охране животного мира применялись за нарушения на землях как великого князя, так и частных владельцев. Под угрозой штрафа в размере 12 руб. запрещалось тревожить бобров в их норах, в том числе пахать землю, вырубать кусты, косить сено в местах их обитания. Если бобры переходили в другое место, то и там их нельзя было беспокоить. За убийство бобра штраф увеличивался в несколько раз (артикул 9 разд. 9). В документе была предусмотрена и охрана птиц. Так, за разрушение лебединого или соколиного гнезда, умышленную ловлю сокола или похищение из гнезда молодых соколов устанавливался штраф в размере 12 руб. (артикул 8 разд. 9). В Статуте ВКЛ 1529 г. закреплялись не только нормы природоохранного характера, но и сервитуты землепользования.

27 февраля 1538 г. великий князь литовский и король польский Сигизмунд I Старый издал Лесной устав об охране королевских пущ и зверей. Устав охватывал самые разнообразные стороны экономической жизни, связанной с лесом, и был издан на старобелорусском языке. Кроме того, Сигизмундом I Старым была утверждена комиссия, имеющая право разрешать людям пользоваться в пущах лесом и сенокосами.

Значительная часть лесов (Беловежская, Гродненская, Перштунская пущи) находилась в княжеском, фактически государственном ведении. Налибокская пуща принадлежала Радзивиллам. В XVI в. были изданы Устава на волоки (1557), Ревизия пущ и звери-

ных переходов (1559) и Лесной устав (1567), ставшие одними из первых природоохранных документов.

Устава на волоки 1557 г., например, вводила запрет на разделение Беловежской пущи на небольшие частные участки, что положило начало сохранению ее как единого природного комплекса с особым статусом. В данном документе также говорилось о порядке использования водных объектов для рыболовства.

Статут ВКЛ 1566 г. закреплял ряд новых положений для развития всех отраслей и институтов права, в том числе направленных на охрану природы. Дальнейшее совершенствование природоохранных норм в Статуте ВКЛ 1566 г. имело важное значение для сохранения природных богатств. Леса, реки, озера, животные и птицы находились под охраной закона. За нарушение установленных норм виновные привлекались к ответственности. Так, за умышленные действия, в результате которых в лесах возникали пожары, наносящие, как говорилось в статуте, большой вред птицам, пчелам и зверям, предусматривалась даже смертная казнь. Ряд артикулов был направлен на охрану природы от хищнического уничтожения. Устанавливались более высокие, по сравнению со Статутом ВКЛ 1529 г., штрафы за повреждение бортного дерева, причем меры наказания регламентировались подробнее [10].

В Статуте ВКЛ 1566 г. интересующий нас раздел содержал уже 17 артикулов. Вместе с тем наиболее разработанным источником, регулирующим отношения природопользования на территории Беларуси, являлся Статут ВКЛ 1588 г., в котором достаточно подробно освещались вопросы приобретения, отчуждения земель, лесов и других природных ресурсов. Этот документ детально определял порядок пользования природными ресурсами, устанавливал правила охоты, бортничества, рыбной ловли. За нарушение установленных правил была предусмотрена ответственность [11].

Регулирование вопросов лесного хозяйства и охраны природных ресурсов описано в разд. 9 Статута ВКЛ 1529 г. «О ловах, о пущах, о бортном дереве, об озерах, о бобровых гонах, о хмельниках, о соколиных гнездах», включающем 11 артикулов. Запрещалась незаконная охота на чужих угодьях под угрозой выплаты штрафа в размере 12 руб. владельцу земли. А если во время охоты нарушитель убивал лесное животное, штраф выплачивался великому князю. При этом закон устанавливал штрафы за незаконную охоту на лесных животных: зубра (12 руб.), лося (6 руб.), медведя, лошадь (3 руб.) и т. д. Человека, пойманного с убитым зверем, должны были сдать властям для суда. Закон требовал применения к такому преступнику смертной казни (артикулы 1–2 разд. 9).

¹Лицкевич С. В поисках утраченного. Национальный парк «Беловежская пуща» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/v-poiskakh-utrachennogo-170.html> (дата обращения: 29.04.2024); По страницам истории: первый закон об охране лесов и зверей пущи [Электронный ресурс]. URL: <https://npbp.by/about/news/po-stranitsam-istorii-pervyy-zakon-ob-okhrane-lesov-i-zverey-pushchi/> (дата обращения: 29.04.2024).

Как видим, все перечисленные законодательные нормы были направлены на регулирование отношений и сохранение прав собственности на природные объекты и ресурсы имущих слоев населения, церкви, государственных образований, а также в значительной степени способствовали поддержанию в естественном состоянии экосистем, культурных и природных богатств.

В разд. 9 Статута ВКЛ 1529 г. регулировалось право пользования бортями, озерами и лугами на чужих землях. Исторические источники свидетельствуют о повсеместном развитии бортничества у восточных славян уже в IX в. Вместе с расширением бортничества и превращением его из вспомогательного занятия в самостоятельный вид лесного хозяйства отношения, связанные с ним, начали регулироваться нормами закона. Положения Статута ВКЛ 1529 г. подробно регламентировали порядок содержания бортей (ульев), права и обязанности их владельцев, но больше всего закон заботился о защите прав землевладельца (артикул 3 разд. 9). Под угрозой штрафа закон запрещал повреждать бортные деревья и те метки на них, которые указывали на принадлежность определенному владельцу. В статуте затрагивался вопрос о порядке разрешения споров о принадлежности бортного дерева, говорилось о праве владельца передать бортное дерево своим дочерям в приданое (артикул 6 разд. 9) и т. д.

В Статуте ВКЛ 1566 г. в основном отражались положения Статута ВКЛ 1529 г. об охране бобровых гонов. Однако в новом законе больше внимания уделялось защите природы и животного мира. Так, впервые была закреплена уголовная ответственность за действия, приводящие к возникновению лесных пожаров, и законодатель подошел к этому вопросу очень серьезно. Анализ артикула 17 разд. 10 показывает, что даже небрежное поведение, при котором люди находились в лесу и не потушили пожар самостоятельно, каралось смертью. Однако позже законодатель признал необоснованность подобных суровых санкций, вследствие чего в Статуте ВКЛ 1588 г. было закреплено положение, согласно которому лица, допустившие лесной пожар по неосторожности, освобождались от ответственности [3].

В Статут ВКЛ 1588 г. вошли основные положения Статута ВКЛ 1566 г. с существенными изменениями и дополнениями [11], коснувшимися вопросов охраны природных ресурсов, которые были сосредоточены в разд. 10. В артикуле 1 этого раздела за охоту на чужой земле исключается такое наказание, как смертная казнь, и предусматривается двойной штраф и тюремное заключение. Артикул 2 «Цена дикого животного» устанавливала штраф за незаконное убийство диких животных и в основном включал нормы Статута ВКЛ 1566 г. Например, штраф за

убийство зубра составлял 12 руб., штраф за убийство лося – 6 руб., штраф за убийство медведя – 3 руб. и т. д. Кроме того, предусматривался штраф за незаконное убийство соболя в размере 2 руб., в то время как штраф за убийство куницы составлял половину данной суммы (артикул 2 разд. 10).

Артикул 3 более подробно определял порядок использования собственниками лесов, озер и лугов, находящихся в чужом лесу. Им запрещалось брать с собой собак, оружие, которое могло бы потревожить лесных зверей или навредить им. Хозяин леса, где располагались чужие участки леса, озера и луга, обязывался не создавать препятствий для их использования. В указанных исторических документах мы видим правовое закрепление и функционирование сервитутов.

В отличие от Статута ВКЛ 1566 г., устанавливавшего смертную казнь за умышленные поджоги в пущах и лесах, Статут ВКЛ 1588 г. в аналогичном артикуле предусматривал лишь полное возмещение причиненного ущерба. В случае, когда человек непреднамеренно устроил пожар в лесу, он освобождался от ответственности при условии принесения клятвы о неосторожности этого поступка. Если он отказывался от присяги, ему приходилось полностью возмещать причиненный ущерб.

Последний артикул разд. 10 в Статуте ВКЛ 1588 г. запрещал охоту на чужих землях с «праздника седьмой субботы» до окончания уборки урожая под страхом уплаты большого штрафа и устанавливал, что, если какое-либо лицо, охотясь в запрещенное время на чужих угодьях, причиняло этим землям ущерб, оно обязано было не только возместить убытки, но и уплатить потерпевшей стороне штраф в размере 3 коп денег. В целом Статут ВКЛ 1588 г., действовавший несколько столетий, существенно дополнил положения об охране природных ресурсов [11].

После раздела Речи Посполитой в 1795 г. Беловежская пушча стала частью Российской империи. Она рассматривалась как популярное место охоты и организации лесных угодий. Безграничные просторы и ресурсы Российской империи в меньшей степени выявляли необходимость принятия на законодательном уровне ограничений природопользования и охраны природы и не стимулировали его.

В 1919 г. в Беловежской пушче был застрелен последний зубр. Его популяцию смогли восстановить лишь благодаря селекции и завозу нескольких зубров из зоопарков Европы в 1929 г.² Известный биолог и селекционер И. В. Мичурин писал о том, что мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее – наша задача [12]. Данная фраза цитировалась в контексте абсурдных, объективно вредных для интересов человечества планов по «покорению» природы, потребительского отношения к ней. Нужно

²Лицкевич С. В поисках утраченного. Национальный парк «Беловежская пушча» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/v-poiskakh-utrachennogo-170.html> (дата обращения: 29.04.2024).

отметить, что И. В. Мичурин в эту фразу закладывал совсем иной смысл.

Интересными представляются два, казалось бы, взаимоисключающих факта. С одной стороны, БССР можно было охарактеризовать как республику с очень высоким уровнем правовой мысли, правового регулирования природопользования, охраны природы, особо охраняемых природных территорий и окружающей среды. С другой стороны, научные правовые исследования в области охраны природы в БССР не являлись приоритетом. Формирование нового правового отношения к природе, осмысление таких правовых категорий, как окружающая среда, экология, в мире в целом и в БССР в частности мы относим ко второй половине XX в.

С правовой точки зрения особыми событиями являются создание 29 августа 1960 г. специализированного государственного органа, обеспечивающего охрану природы, и принятие 21 декабря 1961 г. комплексного нормативного акта – Закона БССР от 21 декабря 1961 г. № 38 «Об охране природы в Белорусской ССР».

В соответствии с постановлением Совета Министров БССР от 29 августа 1960 г. № 480 образован Государственный комитет Совета Министров БССР по охране природы. На него были возложены обязанности по сохранению, восстановлению и обогащению природных ресурсов, контролю за их рациональным использованием, охране рационального использования водных ресурсов республики и контролю за ним. Данному комитету были переданы следующие государственные структуры:

- Государственная инспекция по охране рыбных запасов и регулированию рыболовства при Совете народного хозяйства БССР;
- Управление охотничьего хозяйства и заповедников Главного управления лесного хозяйства при Совете Министров БССР;
- Березинский государственный заповедник, а также Волмянский, Ленинский, Козьянский, Налибокский, Чериковский и Чечерский охотничьи заказники.

Глубинное переосмысление вопросов охраны окружающей среды во многом связано с аварией на четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС, произошедшей 26 апреля 1986 г., и ее последствиями.

В постановлении Верховного Совета СССР от 27 ноября 1989 г. № 72 «О неотложных мерах эколо-

гического оздоровления страны» впервые в истории СССР раскрывалась объективная информация о состоянии окружающей среды в стране и предписывалось «начиная с 1990 года открывать финансирование работ по всем проектам и программам только при наличии положительного заключения государственной экологической экспертизы, обеспечить независимость экологической экспертизы» (п. 2).

В 1990 г. Государственный комитет БССР по охране природы был переименован в Государственный комитет Республики Беларусь по экологии, а в 1994 г. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 марта 1994 г. № 145 «О совершенствовании структуры органов государственного управления Республики Беларусь и сокращении расходов на их содержание» данный комитет был преобразован в Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь.

В начале 1990-х гг. в Беларуси сформировались два самостоятельных взаимодействующих правовых центра – Институт философии и права НАН Беларуси (в дальнейшем Институт государства и права НАН Беларуси) и юридический факультет Белорусского государственного университета, которые специализировались на научном и образовательном сопровождении природопользования и охраны окружающей среды. Институт государства и права НАН Беларуси обеспечивал высокий уровень исследований, связанных с аграрными и природоресурсными отношениями.

Правовая охрана окружающей среды, право природопользования, аграрное право и подготовка кадров в данной области являлись приоритетными направлениями юридического факультета БГУ. Исследования его специалистов послужили базой для разработки и принятия первого на постсоветском пространстве закона об охране окружающей среды [13].

Исторический анализ правовых документов дает возможность по-новому осмыслить ряд вопросов, касающихся в том числе правовой охраны природы и окружающей среды. Современники являются лишь продолжателями фундаментальных исследований, заложенных многими поколениями мыслителей. Мы основываемся не только на уникальных исторических памятниках права, но и на религиозных текстах, которые отражают непревзойденную ценность нашей среды обитания.

Библиографические ссылки

1. Доўнар ТІ. Ахова прыроды ў Беларусі ў Сярэднявекіі. В: Макарова ТІ, Шахрай ІС, редакторы. *Эвалюцыя навучнай школы аграрнага, экалагічнага і прыродарэсурснага права: преемстваносць і стратэгія будучага. Сборнік статей по материалам круглого стола с международным участием, посвященного памяти профессора Н. В. Сторожева; 30 мая 2024 г.; Минск, Беларусь.* Минск: БГУ; 2024. с. 34–42.
2. Доўнар ТІ. *Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях.* Мінск: Пропілей; 2000. 224 с.
3. Доўнар ТІ. *Гісторыя дзяржавы і права Беларусі.* Мінск: Адукацыя і выхаванне; 2014. 438 с.
4. Довнар-Запольский МВ. *История Белоруссии.* Минск: Беларусь; 2016. 591 с.

5. Пичета ВИ. *Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. Части 1–2*. Москва: Издательство АН СССР; 1958. 545 с.
6. Похилевич ДЛ. *Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI–XVIII вв.* Львов: Издательство Львовского университета; 1957. 174 с.
7. Турчинович ОВ. *Огляд истории Белоруссии с древних времен*. Санкт-Петербург: [б. и.]; 1857. 326 с.
8. Доўнар ТІ, Сатолін УМ, Юхо ЯА. *Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 года*. Мінск: Тэсей; 2003. 352 с.
9. Академия наук БССР. *Статут Великого княжества Литовского 1529 года*. Минск: Издательство Академии наук БССР; 1960. 254 с.
10. Довнар ТІ. Значение и место Статута 1566 года в правовом развитии Великого княжества Литовского. *Аннали юридычної історії*. 2017;1(1):30–37.
11. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. *Статут Велікаго Княства Літоўскага 1588*. Мінск: Прынткорп; 2010. 612 с.
12. Мичурин ИВ. *Итоги шестидесятилетних трудов по выведению новых сортов плодовых растений*. Москва: Сельхозгиз; 1934. 366 с.
13. Балашенко СА. Становление и развитие правовой охраны окружающей среды Беларуси. В: Макарова ТИ, Шахрай ИС, редакторы. *Эволюция научной школы аграрного, экологического и природоресурсного права: преемственность и стратегия будущего. Сборник статей по материалам Круглого стола с международным участием, посвященного памяти профессора Н. В. Сторожева; 30 мая 2024 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2024. с. 5–18.

References

1. Dovnar TI. [Nature protection in Belarus in the Middle Ages]. In: Makarova TI, Shakhrai IS, editors. *Evolutsiya nauchnoi shkoly agrarnogo, ekologicheskogo i prirodoresurnogo prava: preemstvennost' i strategiya budushchego. Sbornik statei po materialam kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennogo pamyati professora N. V. Storozheva; 30 maya 2024 g.; Minsk, Belarus'* [The evolution of the scientific school of agrarian, environmental and natural resource law: succession and future strategy. Proceedings of the round table with international participation dedicated to the memory of professor N. V. Storozhev; 2024 May 30; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2024. p. 34–42. Belarusian.
2. Dovnar TI. *Razvycjco asnownyh instytutaw gramadzjanskaga i kryminal'naga prava Belarusi w XV–XVI stagoddzjah* [Development of the main institutions of civil and criminal law of Belarus in the 15th–16th centuries]. Minsk: Propilei; 2000. 224 p. Belarusian.
3. Dovnar TI. *Gistoryja dzjarzhavy i prava Belarusi* [History of the state and law of Belarus]. Minsk: Adukacyja i vyhavanne; 2014. 438 p. Belarusian.
4. Dovnar-Zapolskii MV. *Istoriya Belorussii* [History of Belarus]. Minsk: Belarus; 2016. 591 p. Russian.
5. Picheta VI. *Agrarnaya reforma Sigizmunda-Avgusta v Litovsko-Russkom gosudarstve. Chasti 1–2* [Agrarian reform of Sigismund-Augustus in the Lithuanian-Russian state. Parts 1–2]. Moscow: Publishing House of Academy of Sciences of the USSR; 1958. 545 p. Russian.
6. Pokhilevich DL. *Krest'iane Belorussii i Litvy v XVI–XVIII vv.* [Peasants of Belarus and Lithuania in the 16th–18th centuries]. Lviv: Publishing House of Lviv University; 1957. 174 p. Russian.
7. Turchinovich OV. *Oglyad istorii Belorussii s drevnikh vremen* [Review of the history of Belarus since ancient times]. Saint Petersburg: [s. n.]; 1857. 326 p. Russian.
8. Dovnar TI, Satolin UM, Juho JaA. *Statut Vjalikaga Knjastva Litovskaga 1566 goda* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1566]. Minsk: Theseus; 2003. 352 p. Belarusian.
9. Academy of Sciences of the BSSR. *Statut Velikogo knyazhestva Litovskogo 1529 goda* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1529]. Minsk: Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR; 1960. 254 p. Russian.
10. Dovnar TI. The value and location of the Statute (1566) in the legal development of the Grand Duchy of Lithuania. *The Annals of Legal History*. 2017;1(1):30–37. Russian.
11. Belarusian State University. *Statut Velikogo Knjaztva Litovskogo 1588* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania 1588]. Minsk: Pryntkorpp; 2009. 612 p. Belarusian.
12. Michurin IV. *Itogi shestidesyatiletних трудов по выведению новых сортов плодовых растений* [The results of 60-year works on the breeding of new varieties of fruit plants]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo sel'skokhozyaistvennoi literatury; 1934. 366 p. Russian.
13. Balashenko SA. [Formation and development of legal environmental protection in Belarus]. In: Makarova TI, Shakhrai IS, editors. *Evolutsiya nauchnoi shkoly agrarnogo, ekologicheskogo i prirodoresurnogo prava: preemstvennost' i strategiya budushchego. Sbornik statei po materialam Kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennogo pamyati professora N. V. Storozheva; 30 maya 2024 g.; Minsk, Belarus'* [The evolution of the scientific school of agrarian, environmental and natural resource law: succession and future strategy. Proceedings of the round table with international participation dedicated to the memory of professor N. V. Storozhev; 2024 May 30; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2024. p. 5–18. Russian.

Статья поступила в редакцию 14.11.2024.
Received by editorial board 14.11.2024.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Л. В. АНДРИЧЕНКО¹⁾, Т. С. МАСЛОВСКАЯ²⁾, И. В. ПЛЮГИНА¹⁾

¹⁾Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, ул. Большая Черемушкинская, 34, 117218, г. Москва, Россия

²⁾Белорусский государственный университет пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется вопрос исторической преемственности конституционных ценностей, основной закон рассматривается как один из механизмов сохранения и передачи наиболее важного исторического опыта, позволяющий обеспечить конституционную стабильность и устойчивость развития. Значение конституции рассматривается не только в контексте сохранения базовых устоев государства и общества, но и в контексте создания условий для их дальнейшего развития, адаптации к современным реалиям. Отмечается, что одним из последствий все более широкого применения аксиологического подхода в законодательстве является расслоение ценностной основы, выделение различных видов ценностей (конституционных, традиционных духовно-нравственных, национальных и др.), которые не всегда четко разграничены.

Ключевые слова: конституция; конституционные ценности; историческая преемственность; традиционные ценности; историческая память; историческая правда.

Образец цитирования:

Андриченко ЛВ, Масловская ТС, Плюгина ИВ. Конституционные ценности в условиях исторической преемственности. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:9–19.
EDN: FTLIZG

For citation:

Andrichenko LV, Maslovskaya TS, Plyugina IV. Constitutional values in the conditions of historical continuity. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:9–19. Russian.
EDN: FTLIZG

Авторы:

Людмила Васильевна Андриченко – доктор юридических наук, профессор; руководитель Центра публично-правовых исследований.

Татьяна Станиславовна Масловская – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры конституционного права юридического факультета.

Инна Владимировна Плюгина – кандидат юридических наук; ведущий научный сотрудник Центра публично-правовых исследований.

Authors:

Lyudmila V. Andrichenko, doctor of science (law), full professor; head of the Centre for Public Law Research.
cppi@izak.ru

Tatiana S. Maslovskaya, PhD (law), docent; associate professor at the department of constitutional law, faculty of law.
maslovskayat@bsu.by

Inna V. Plyugina, PhD (law); leading researcher at the Centre for Public Law Research.
inna_wp@mail.ru

CONSTITUTIONAL VALUES IN THE CONDITIONS OF HISTORICAL CONTINUITY

L. V. ANDRICHENKO^a, T. S. MASLOVSKAYA^b, I. V. PLYUGINA^a

^a*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation,
34 Bolshaya Cheryomushkinskaya Street, Moscow 117218, Russia*

^b*Belarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

Corresponding author: T. S. Maslovskaya (maslovskayat@bsu.by)

Abstract. The authors of the article examine the issue of historical continuity of constitutional values. The constitution is considered as one of the mechanisms for preserving and transmitting the most important historical experience, which allows for constitutional stability and sustainable development. The significance of the constitution is considered not only in the context of preserving the basic foundations of the state and society, but also in creating conditions for their further development, adaptation to modern realities. It is noted that one of the consequences of the increasingly widespread use of the value approach in legislation is the stratification of the value basis, the allocation of various types of values (constitutional, traditional spiritual and moral, national, etc.), which are not always clearly distinguished.

Keywords: constitution; constitutional values; historical continuity; traditional values; historical memory; historical truth.

Введение

Вопрос о конституционных ценностях является одним из центральных в правовой науке. Аксиологические интерпретации конституции становятся начальной точкой государственного строительства, поскольку конституционные ценности оказывают «давление» на все ключевые элементы правовой системы: правосознание, правовую культуру, правотворчество, правоприменение. Некоторые ученые даже считают, что вопрос о конституционных ценностях – это вопрос содержания и сущности государственной идеологии, спор о необходимости установления которой уже долгие годы остается в числе наиболее острых [1, с. 595; 2].

Следует отметить, что возникшая в юридической литературе и практике избыточность использования термина «конституционные ценности» привела к многовариантности толкования вкладываемых в него значений. Не вдаваясь в полемику об определении названного термина, отметим, что конституционные ценности – это признанные наиболее приоритетные социальные принципы (цели, идеалы, ориентиры, установки), формализованные в Основном Законе и (или) исходящие из конституционно-оценочной деятельности судебных органов

конституционного контроля. В данном случае речь идет о наборе объективных конституционных ценностей, способных адаптироваться к социальным изменениям [3, с. 17–35].

Конституционные ценности обеспечивают наиболее оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов, опирающегося на принцип справедливости, а также служат основой для функционирования государства. Они отражают взгляды общества на права, свободы и обязанности граждан, а также на взаимоотношения между индивидуумом и государством.

Конституционные ценности выступают в качестве своего рода индикатора правового государства, способствуют разрешению в нем коллизий. По конституционным ценностям определяется соотношение юридической и фактической конституции. Кроме того, они обеспечивают творческий потенциал конституции, в том числе посредством деятельности органов конституционного контроля, в частности, Конституционного Суда Российской Федерации, который дает их трактовку через оценку правовых регуляторов¹, и Конституционного Суда Республики Беларусь².

¹Конституционный Суд Российской Федерации нередко в своих правовых позициях и итоговых решениях конкретизирует и поясняет, какие явления, процессы и цели социальной практики следует рассматривать как конституционные ценности, конституционно значимые ценности, конституционно защищаемые ценности, конституционно охраняемые ценности, базовые конституционные ценности. См.: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 мая 2011 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 15 и пункта 1 статьи 164 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Костенко»; постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июня 2011 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 7 статьи 16 Закона Российской Федерации “О статусе судей в Российской Федерации” и части первой статьи 9 Федерального закона “Об оперативно-розыскной деятельности” в связи с жалобой гражданина И. В. Аносова» и др.

²Конституционный Суд Республики Беларусь чаще использует понятия «фундаментальные конституционные ценности», «конституционные ценности», «конституционно защищаемые ценности» при изложении правовых позиций в своих решениях, а также в посланиях о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь (например, в посланиях о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2010, 2012, 2015, 2021 гг. и др.).

Основная часть

Говоря об исторической преемственности конституционных ценностей, мы имеем в виду сохранение тех социальных, духовных и культурно-нравственных ценностей, которые получили закрепление на уровне конституционных текстов, передачи их от одного поколения другому. Такая преемственность – это не фиксация и дальнейшая ретрансляция конституционных норм, обозначающих данные ценности, не воспроизведение конституционных норм в последующих текстах Основного Закона.

Процесс конституционной преемственности более сложен, он сопряжен с развитием как самого государства, так и общества, при котором передача наиболее важного прошлого конституционного опыта позволяет, с одной стороны, создавать новые конституционные условия такого развития, а с другой – сберегать и воспроизводить на каждом новом этапе развития базовые устои, сохраняющие неизменными их сущностные характеристики. По сути, «развитие идет от переходящих законов каждого поколения к универсальным, вневременным законам нации» [4, с. 52].

Конституция представляет собой один из механизмов сохранения и передачи наиболее важного исторического опыта. Так, конституции стран СНГ, особенно на первоначальном этапе их независимости, почти не провозглашали связь с прошлым, отражая в преамбулах лаконичные положения, подтверждающие связь с фундаментальными принципами государственности (Армения) и традициями своей государственности (Азербайджан, Беларусь, Узбекистан и др.), непрерывность государственности народа в историческом и этническом пространстве его национального становления (Молдова). В Преамбуле Конституции Республики Беларусь 1994 г. провозглашалось, что она опирается «на многовековую историю развития белорусской государственности»; в соответствии с преамбулой Конституции Республики Узбекистан 1992 г. народ Узбекистана опирается «на исторический опыт развития узбекской государственности». В Преамбуле Конституции Республики Казахстан 1995 г. подчеркивается, что народ Казахстана, объединенный общей исторической судьбой, созидает государственность на исконной казахской земле. В отдельных конституциях связь с прошлым отражена посредством признания верности заветам предков (Армения, Туркменистан). Таким образом, наблюдается обращение к историческому опыту без конкретизации определенных наиболее важных исторических событий.

Обратим внимание на то, что в упомянутых конституциях акцент был сделан на развитие национальной государственности, а не на наличие либо отсутствие связи с советским государством. Такие упоминания появились в текстах отдельных постсоветских конституций позднее. Например, в Кон-

ституцию Российской Федерации в 2020 г. вошли положения о правопреемстве в отношении Союза ССР (ч. 1 ст. 67.1). В результате проведения последних конституционных реформ на постсоветском пространстве в учредительные акты государств (как правило, их преамбулы) включаются положения о сохранении национальной самобытности, опоре на культурные и духовные традиции (Беларусь, 2022), сохранении верности традициям предков, следовании заветам Манаса Великодушного жить в единстве, мире и согласии, гармонии с природой (Кыргызстан, 2021), что отражает особую роль культурно-духовного наследия, служит ценностным ориентиром. В отдельных конституциях усиливаются положения, подчеркивающие глубокие исторические традиции государственности, связь с прошлым, включая советское прошлое. Так, в Преамбуле Конституции Республики Узбекистан в редакции 2023 г. говорится об опоре на более чем трехтысячелетний исторический опыт развития государственности, а также научное, культурное и духовное наследие великих предков, внесших бесценный вклад в развитие мировой цивилизации.

Россия провозглашает историческую преемственность в качестве отдельной конституционной ценности, что выражается в том числе в признании Российской Федерации правопреемницей Союза ССР на своей территории. Это положение касается и членства Российской Федерации в международных организациях, их органах, участия в международных договорах, а также предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами своей территории. В Конституции Российской Федерации закреплен принцип, по которому Россия признает исторически сложившееся государственное единство, сформированное в результате ее тысячелетней истории. При этом в Основном Законе впервые принцип исторической преемственности явно отражен в тексте. Безусловно, следует отметить при этом роль преамбулы Конституции Российской Федерации, где провозглашается историческое единство судьбы многонационального народа, а также государственное единство на базе таких принципов – конституционных ценностей, как равноправие и самоопределение народов, почитание памяти предков, вера в добро, справедливость, суверенная государственность и др.

В настоящем исследовании речь идет о более широком контексте – закреплении в тексте Основного Закона исторической памяти как части национальной жизни общества. Именно с этой целью в Конституцию Российской Федерации были включены нормы о необходимости чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды и не допускать умаления значения подвига народа

при защите Отечества. По итогам республиканского референдума 27 февраля 2022 г. в Конституцию Республики Беларусь были включены положения о том, что государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (ч. 2 ст. 15), а также о том, что сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь (ч. 2 ст. 54). Как справедливо отмечает Г. А. Василевич, этот долг можно рассматривать как священную обязанность передавать из поколения в поколение те сведения о героической борьбе против гитлеровских захватчиков за свободу и независимость, которыми обладают участники войны, их дети и внуки [5, с. 16].

Историческая память – это память об историческом прошлом и его приоритетах [6, с. 213]. Выделение ключевых исторических событий в качестве важнейших эпизодов коллективной памяти имеет огромное значение, поскольку выступает в качестве одной из опор, объединяющих народ. Великая Отечественная война является ключевым событием белорусской истории, в исторической памяти белорусского народа она сохраняется как судьбоносное и символическое событие. Таким образом, сохранение памяти о Великой Отечественной войне усиливает связь с прошлым и одновременно выступает важнейшим условием дальнейшего развития государственности. Необходимо отметить, что в Беларуси были приняты законы, направленные на формирование уважительного отношения к историческому прошлому и защиту исторической правды³. Согласно правовой позиции Конституционного Суда Республики Беларусь законодательное признание и осуждение факта геноцида белорусского народа закрепил в исторической памяти народа справедливую оценку злодеяний фашистов и их пособников на белорусской земле, станет данью памяти миллионам жертв фашизма, а также будет иметь важное конституционно-правовое и политическое значение⁴.

Закрепление исторической преемственности в качестве конституционной ценности можно рассматривать как одно из проявлений конституционной стабильности. Сохранение исторических идеалов на примере собственного опыта способствует формированию настоящих и будущих ценностных ориен-

тиров в обществе, развивает устойчивость к негативному влиянию, содействует выработке особого доверия к конституции со стороны общества.

Данные ценности поддерживаются поколениями людей, служат основой согласия в обществе и обеспечивают его консолидацию. Только Основной Закон может пронести конституционные ценности через время, адаптируя их к новым жизненным целям и стратегическим задачам государства. Многие ученые признают, что «именно ценности, закрепляемые конституцией современного демократического правового государства, могут обеспечить ее стабильность, объединяя и консолидируя социальные слои и группы общества» [7, с. 45]. Причем, выступая основой социального порядка, она придает устойчивость базовым государственным институтам и обеспечивает сохранение основных традиционных устоев жизни общества [8, с. 44–52]. В. И. Крусс подчеркивает, что конституционная аксиология дает «особые и отчетливые ценностные ориентиры и личностного самоопределения, и публично-властной (в том числе правоохранительной) практики» [9, с. 189].

Конституционные ценности – это постоянный стимул для развития законодательства, а порой и текста самой конституции. Они выполняют «роль правообразующего ориентира» [10, с. 16]. Однако конституционные ценности при всей их относительной устойчивости также подвержены изменениям.

В связи с вышесказанным следует вспомнить, что наполнение положений ст. 7 Конституции Российской Федерации о социальном характере российского государства конкретными законодательными гарантиями отразилось на дальнейшей модернизации ее текста в 2020 г. Содержащаяся изначально в Основном Законе Российской Федерации емкая формула социального государства получила наполнение и подкрепление наиболее значимыми социальными гарантиями, имеющими конкретное содержание⁵.

Как отметила Т. Я. Хабриева, «в этой части можно усмотреть преемственность миссии Основного Закона России к советским конституциям, которые во многом задавали тренд в мировом конституционном развитии в части формирования социального государства» [11, с. 15]. При этом «наполнение Основного Закона соответствующими положениями стало результатом так называемой восходящей конституционной легитимации законодательных норм» [12, с. 46].

³Закон Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-3 «О недопущении реабилитации нацизма»; Закон Республики Беларусь от 5 января 2022 г. № 146-3 «О геноциде белорусского народа».

⁴Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № Р-1296/2021 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О геноциде белорусского народа”».

⁵Статья 75 Конституции Российской Федерации гарантирует минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по Российской Федерации (ч. 5), устанавливает принципы (всеобщности, справедливости и солидарности поколений) для формирования системы пенсионного обеспечения, обязывает государство поддерживать его эффективное функционирование и индексировать пенсии не реже одного раза в год (ч. 6), гарантирует обязательное социальное страхование, адресную социальную поддержку граждан, индексацию социальных пособий и выплат (ч. 7) и т. д.

Закрепленное в Конституции Российской Федерации положение о единстве публичной власти получило первоначальную апробацию в практике Конституционного Суда Российской Федерации, который еще в 1998 г. обосновал конституционную значимость самого термина «публичная власть», а в последующем не раз доказывал конституционную обусловленность термина «единство системы публичной власти»⁶.

Отдельные ценности, как считается, имплицитно присущие конституции, но не содержащиеся непосредственно в ее тексте, также были выявлены органом конституционного судебного контроля. Речь, в частности, идет о фундаментальном принципе соразмерности, который сочетает в себе общеправовые идеи справедливости, равенства, разумности. Он лежит в основе работы самого механизма конституционно-правового регулирования многих общественных отношений, в том числе связанных с ограничениями конституционных прав и свобод, разделением предметов ведения и полномочий между органами публичной власти различных территориальных уровней, определении пределов юридической ответственности, реализации социальной функции государства и др. [13]. В частности, опираясь на содержание принципа соразмерности, Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что вопросы ограничения прав и свобод всегда должны быть сопряжены с конституционно закрепленными целями и ценностями устанавливаемых ограничений, а меры по тому или иному ограничению должны соответствовать необходимости и обусловленности обозначенных целей⁷.

Многие идеи по развитию современного конституционного текста имеют не собственно правовую основу в виде законодательной или судебной практики, получившей особое признание, они берут начало из запроса самого общества. В качестве примера подобного конституционного преобразования 2020 г. можно привести участие в волонтерских проектах, развитие общероссийской культурной идентичности, защиту исторической правды, усиление традиционных и духовно-нравственных основ и др. Именно их конституционное закрепление повлекло за собой развитие законодательства в этих сферах.

Конституционные ценности, закрепленные на федеральном уровне, получают дальнейшее конституционно-уставное оформление в субъектах Россий-

ской Федерации. Воспроизводя в своих основных законах принципы федеральной конституции, субъекты федерации тем самым переводят их на региональный уровень, придают им государственный масштаб конкретного субъекта федерации, развивают конституционные основы в своей правотворческой деятельности.

В научной литературе отмечается, что в мире развивается тенденция признания «феномена глобального конституционализма, меняющего пространственные пределы конституции, усиливающего международное вмешательство в конституционный дизайн и формирующего универсальные конституционные стандарты» [14, с. 29].

С данным утверждением можно согласиться только частично. Конституция обращена не к абстрактной модели государства, она оформляет и легитимирует конкретное государство, наделенное определенными зафиксированными в конституции признаками, формирующимися на базе уникального индивидуального опыта каждого государства. В совокупности данные признаки обеспечивают целостность всей картины государственности и составляют основу его конституционной идентичности. В современных условиях в свете усиливающихся вызовов, с которыми сталкиваются многие государства, когда порой невозможно достичь консенсуса в отношении таких базовых конституционных категорий, как «государственный суверенитет», «правовое государство», «социальная справедливость» и ряда других, как называет их профессор Н. С. Бондарь, «вечных конституционных идеалов» [15, с. 10], феномен глобализации конституционализма и формирования устойчивого понятия «международная конституция» вряд ли согласуется с реалиями современного конституционного развития.

В качестве примера можно привести такие базовые конституционные ценности, как собственность, народовластие, законность, гражданственность. Их нельзя не признать в качестве важнейших социальных приоритетов, поскольку они представляют собой фундаментальные категории демократии. Однако рассматриваемые конституционные ценности прошли далеко не одинаковый путь развития в разных странах, поэтому воспринимаются общественным сознанием по-разному: «...они иначе укоренены в исходных образах коллективного бессознательного» [16, с. 6].

⁶См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 1998 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми»; постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 32-П По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» и др.

⁷См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С. А. Бунтмана, К. А. Катаняна и К. С. Рожкова».

Отсутствие единообразного подхода к определению понятия «конституционные ценности» обуславливает методологические сложности их выделения из общей конституционной материи. Вместе с тем в конституционной практике зарубежных государств можно встретить примеры, когда делается акцент на определенных конституционных положениях, подчеркивается их доминанта. В качестве примера можно привести Конституцию Республики Индия 1949 г., в преамбуле которой перечисляются основные гарантии, предоставляемые гражданам страны, в том числе социальная, экономическая и политическая справедливость, свобода мысли, слова, убеждений и вероисповедания, равенство статуса и возможностей и др. По сути, в преамбуле заключена ценностная квинтэссенция всего конституционного акта Индии.

В Конституции Российской Федерации обозначена доминанта человека, его прав и свобод как высшей ценности, однако выделить четкий перечень конституционных ценностей как таковой, тем более выстроить их иерархию, на основе используемой конструкции невозможно. Основной Закон содержит большое количество разнородных норм, в том числе положения, раскрывающие отдельные процедуры, применяемые в механизме публичной власти, заключительные и переходные положения. Их признание самостоятельными конституционными ценностями представляется неоднозначным. В литературе справедливо отмечается, что «говоря о конституционных нормах как форме конституционных ценностей, надлежит исходить из концептуального содержания конституционных норм» [17, с. 17].

В контексте рассмотрения вопросов исторической преемственности при осуществлении конституционного регулирования следует отметить, что, как правило, упоминание тех или иных исторических событий в каталоге конституционных ценностей осуществляется не просто для констатации определенного исторического факта, а для декларирования конкретной его оценки на общегосударственном уровне, установления ориентиров при формировании отношения к нему. Например, в преамбуле Конституции Арабской Республики Египет 2014 г. акцентируется внимание на результатах революций 1919 г. и 1952 г., подчеркивается их положительное влияние на последующее государственное строительство.

Обозначение роли исторических событий через закрепление их в каталоге конституционных ценностей может служить основой для последующего формирования комплекса охранительных норм, обеспечивающих следование установленным ориентирам, предупреждение фальсификаций исторических фактов, попыток искажения событий исторической памяти. Такими попытками обусловлено введение в Конституцию Российской Федерации положения об обеспечении государством защиты исторической правды, хотя долгое время данное понятие существовало как нравственно-этическое, историческое, социальное [18]. Теперь же противодействие посягательствам на историческую правду имеет конституционную основу [19, с. 43]. Следует подчеркнуть, что обеспечение правовыми средствами сохранения исторической памяти и защиты исторической правды осуществлялось и ранее⁸, однако именно под воздействием геополитических факторов, актуальных вызовов и угроз возникла насущная потребность в их конституционной защите. Аналогичная ситуация наблюдается и в Республике Беларусь.

На сегодняшний день в юридической науке не выработан единообразный подход к определению перечня конституционных ценностей. Многие исследователи обращают внимание на динамичность изменения системы конституционных ценностей, множественность критериев формирования соответствующего перечня, помимо позитивации на конституционном уровне. Отметим существующую тенденцию расширения перечня конституционных ценностей. Так, в результате последних конституционных изменений в учредительных актах нашли отражение такие ценности, как мир, гражданское согласие, социально справедливое общество, благополучие граждан (Беларусь), межконфессиональное и межнациональное согласие, достойная жизнь граждан, социальная справедливость, солидарность (Узбекистан), процветание государства (Беларусь, Узбекистан). Данные ценности в современных условиях выступают в качестве важнейших конституционных ценностей, что отражает запросы общества в современный период. В последнее время во многих государствах СНГ происходит расширение и уточнение каталога конституционных ценностей, при этом наряду с иными ценностями в конституциях закрепляются традиционные семейные ценности с использованием различных формул⁹, положения

⁸Современное законодательство в этой части сформировалось еще в первой половине 1990-х гг., когда были разработаны и приняты Закон Российской Федерации от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», Закон Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России», Федеральный закон от 16 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и др.

⁹Например, в Беларуси и России браком считается союз женщины и мужчины (союз мужчины и женщины). В Конституции Кыргызской Республики указано, что «семья создается на основе добровольного вступления в брак мужчины и женщины». В соответствии с Конституцией Республики Узбекистан «брак основывается на традиционных семейных ценностях народа».

о патриотизме (Беларусь, Россия). Как верно отмечает О. И. Чуприс, защита традиционных ценностей поднята на новый уровень путем определения понятия брака как союза женщины и мужчины, установления приоритета воспитания детей в семье в целях избежания их замены чуждыми псевдодемократическими идеалами (однополые браки, ЛГБТ-пропаганда и т. д.), которые подрывают государство изнутри [20].

В настоящее время наблюдается не только обновление каталога национальных конституционных ценностей, но и изменение их приоритетности. В Преамбуле Конституции Республики Узбекистан в редакции 2023 г. провозглашается приверженность национальным и общечеловеческим ценностям.

Создание каталога конституционных ценностей осуществляется в том числе в ходе конституционной интерпретации органами конституционного правосудия. Так, основываясь на аксио-телеологическом методе, Конституционный Суд Российской Федерации отнес к конституционным ценностям сознание общей исторической судьбы, связывающей отдельные этносы в народ России, гражданский мир и согласие, государственное единство и незыблемость его демократической основы, почитание памяти предков и уважение истории Отечества, ответственность за благополучие и процветание России перед будущими поколениями, веру в добро и справедливость¹⁰. В постановлениях и определениях Конституционного Суда Российской Федерации в качестве конституционных ценностей упоминаются конкретные права и свободы, в частности, право на объединение, жизнь и здоровье, справедливость и юридическое равенство, самостоятельность местного самоуправления, своевременность и полнота исполнения судебного решения, стабильность финансовых основ реализации государством возложенных на него функций и др. В целом понятие «конституционные ценности» можно встретить более чем в 170 постановлениях и определениях Конституционного Суда Российской Федерации.

В последние годы в Российской Федерации имеет место обособление, наряду с конституционными ценностями, традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В 2022 г. завершилось оформление в самостоятельное направление государственной политики¹¹. Примечательно, что если четкий перечень конституционных ценностей отсутствует, то комплекс традиционных духовно-нравственных ценностей (далее – традиционные ценности) включает в себя 17 элементов. При этом

перечень традиционных ценностей не идентичен перечню конституционных ценностей (например, на конституционном уровне не упоминаются коллективизм, гуманизм, милосердие, взаимопомощь и уважение, высокие нравственные идеалы). Отметим, что такие ценности, как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, являются и традиционными, и конституционными.

В настоящее время под эгидой Министерства юстиции Российской Федерации ведется работа над закреплением традиционных российских духовно-нравственных ценностей в нормативном словаре государственного языка, предназначенном для обеспечения полноценного функционирования государственного языка Российской Федерации в сферах его обязательного использования. В соответствии с установленными требованиями в состав словника нормативного словаря включается общеупотребительная лексика, использование узкоспециальной терминологии (к которой можно отнести и юридическую терминологию) не допускается в целях обеспечения доступности. В то же время особый подход к определению категориально-понятийного аппарата, используемого в законодательстве, обусловлен спецификой правовой формы, необходимостью учета сложившегося официального толкования, системных взаимосвязей между отдельными правовыми актами. Как следствие, общеправовое неправомерное значение тех или иных понятий может отличаться от их понимания в соответствии с буквой закона. Нельзя не отметить, что большинство понятий, включенных в перечень традиционных ценностей, так сложны и многогранны, что охватить в полном объеме их сущность, отразить специфические черты практически невозможно (это касается, например, понятий «жизнь», «милосердие»). В определенной степени это обстоятельство усложняет использование перечня традиционных ценностей в качестве ориентира при принятии управленческих решений органами публичной власти различных территориальных уровней.

В правовой системе имеет место использование смежных понятий, включающих категорию «ценность». К ним относятся в том числе понятия «национальные ценности», «общероссийские ценности», «общероссийские социокультурные ценности», «традиционные ценности», которые между собой четко не разграничены, следовательно, в правоприменительной практике возникает некоторая неопределенность. Так, во многих подзаконных актах в сфере образования, включая образовательные стандарты, употребляется понятие «национальные ценности»¹².

¹⁰ Названные ценности закреплены в п. 2.2. информации Конституционного Суда Российской Федерации «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)», одобренной решением Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 г.

¹¹ Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809.

¹² См.: Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. № 373 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования» и др.

Его использование объясняется принятием на уровне СНГ в Согласованном словаре терминов в области образования понятийного аппарата, в котором предусмотрено понятие «базовые национальные ценности»¹⁵. Учитывая, что данное понятие раскрывается через отсылку к основным моральным ценностям и приоритетным нравственным установкам конкретного государства – участника СНГ, видится возможным использовать уже устоявшееся понятие «традиционные духовно-нравственные ценности», сделав соответствующую оговорку, чтобы обеспечить согласованность правовых актов в их системной взаимосвязи.

Развитие российского законодательства в настоящее время уже идет по пути, предполагающему дальнейшее интегрирование ценностного подхода в правовую систему, причем с ориентацией именно на традиционные ценности.

Так, иностранный гражданин, разделяющий традиционные российские ценности, может претендовать на гуманитарную поддержку со стороны государства, предполагающую возможность получить разрешение на временное проживание в упрощенном порядке¹⁴. В 2024 г. был сформирован перечень иностранных государств, реализующих установки, противоречащие традиционным ценностям¹⁵. На региональном и муниципальном уровнях началось оформление специализированной институциональной основы, позволяющей обеспечить учет традиционных ценностей в государственном управлении. В частности, в ряде регионов были созданы специальные совещательные и консультативные органы, реализующие задачи, связанные с вопросами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей¹⁶.

Предполагается, что соответствие традиционным ценностям будет учитываться при формировании и оценке мероприятий, финансируемых из бюджета Российской Федерации, проектов, претендующих на получение государственной поддержки, и др. В настоящее время идет разработка методических рекомендаций по следующим направлениям:

- включению задач государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (далее – государственная политика по сохранению традиционных ценностей) в систему формирования и оценки мероприятий, финансируемых из бюджета Российской Федерации;

- оценке проектов и мероприятий, претендующих на получение государственной поддержки, в части их соответствия целям и задачам государственной политики по сохранению традиционных ценностей;

- взаимодействию в рамках реализации государственной политики по сохранению традиционных ценностей на федеральном и региональном уровнях.

Методологическая сложность подготовки таких рекомендательных актов очевидна, поскольку государственная политика по сохранению и укреплению традиционных ценностей реализуется в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества. В каждой из этих сфер предусмотрены определенная специфика взаимодействия органов публичной власти и собственный комплекс целей и задач.

Ориентируясь на сохранение традиционных ценностей, защиту культурной идентичности, многие государства, особенно страны-реципиенты, реализуют жесткую миграционную политику, создают интеграционные механизмы, позволяющие адаптировать иностранных граждан к принимающему обществу, обеспечить знание ими конституционных норм, традиций, культуры принимающего общества. Как правило, создаваемые интеграционные курсы предполагают получение соответствующих знаний.

В Российской Федерации наличие таких знаний выявляется при помощи сдачи экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации. Требования к объему знаний дифференцированы с учетом планируемой длительности проживания, желая получения российского гражданства¹⁷. Так, лицо,

¹⁵Базовые национальные ценности – основные моральные ценности, приоритетные нравственные установки, существующие в культурных, семейных, социально-исторических, религиозных традициях многонационального сообщества стран содружества, передаваемые от поколения к поколению и обеспечивающие успешное развитие страны в современных условиях (См.: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 27 ноября 2020 г. № 51–20 «О Согласованном словаре терминов в области образования»).

¹⁴Указ Президента Российской Федерации от 19 августа 2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности».

¹⁵Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 сентября 2024 г. № 2560-р «Об утверждении Перечня иностранных государств, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям».

¹⁶Например, совет при Главе Республики Саха (Якутия) по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, общественный совет по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей при губернаторе Хабаровского края, совет при губернаторе Омской области по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, совет при Главе Республики Карелия по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

¹⁷Постановление Правительства Российской Федерации от 31 мая 2021 г. № 840 «Об утверждении требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации, а также к уровню владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации для целей приобретения гражданства Российской Федерации».

претендующее на получение вида на жительство, должно знать основные факты и события российской истории, имена выдающихся деятелей в сфере науки и культуры, главные национально-культурные и религиозные традиции российского общества, основы конституционного строя Российской Федерации, ключевые принципы трудового, гражданского и семейного права и др. Вместе с тем проблема приверженности иностранных граждан, проживающих в принимающем государстве, в первую очередь традиционным ценностям, принятым в стране выезда, известна во многих странах. Однако эффективный механизм противодействия созданию замкнутых этнических анклавов до сих пор не найден.

Ориентированность на историческую преемственность традиционных ценностей отражается и в существующих механизмах поддержки соотечественников,

проживающих за рубежом, предусматривающих в том числе меры стимулирующего характера для возвращения в Российскую Федерацию вместе с членами семьи. Само понятие «соотечественник» относится к лицам, обладающим признаками общности языка, истории, культурного наследия, традиций и обычаев. Следует отметить, что ранее к потенциальным участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом¹⁸, не предъявлялось требование знать русский язык, что служило предметом критики. Соответствующее условие для приема заявлений об участии в государственной программе появилось уже в 2023 г., и его введение видится обоснованным с учетом общего вектора реализации государственной политики в данной области.

Заключение

Процесс преемственности, сохраняющий в исторической памяти важный опыт прошлого и позволяющий передавать его будущим поколениям, обеспечивает формирование национальной идентичности, которая является не просто абстрактной идеей, а выступает базовым ориентиром для развития общества и государства. Конституция, определяя наиболее значимые на соответствующем этапе государственного строительства ценности, придавая им высшую юридическую силу, служит инструментом обеспечения исторической преемственности.

На сегодняшний день в юридической науке продолжается дискуссия относительно содержательного наполнения каталога конституционных ценностей, сущности понятия «конституционные ценности», его соотношения со смежными категориями. Многие ученые теоретически обосновывают сочетание устойчивости и изменчивости как качественных характеристик системы конституционных ценностей, позволяющих обеспечить развитие основ конститу-

ционного строя на базе исторической преемственности.

Влияние аксиологического подхода на развитие законодательства выражается в установлении различных видов ценностных маркеров (конституционных, национальных, традиционных духовно-нравственных и иных ценностей), формировании механизмов обеспечения их реализации и защиты. В частности, на защиту конституционных, духовно-нравственных ценностей направлены меры различных видов ответственности (например, за деяния, связанные с осквернением исторической памяти), интеграционные меры, реализуемые в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, элементы образовательных программ и др.

Ценностная основа позволяет гармонизировать развитие не только правовой системы, но и государства и общества в целом, обеспечить баланс публичных и частных интересов в механизме государственного управления.

Библиографические ссылки

1. Грачев НИ. Цивилизационная идентичность и социокультурные ценности русского народа как основной источник российской Конституции в XXI веке. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*. 2018;1(2):592–597.
2. Булатов РБ. Конституционные поправки 2020 г. в контексте формирования российской государственно-правовой идеологии. *Юридическая наука: история и современность*. 2023;12:32–37.
3. Васильева ТА, Варламова НВ, редакторы. *Конституционализм: универсальное и национальные измерения*. Москва: ИГП РАН; 2022. 392 с.
4. Гаврилова ЮА. Смысловые доминанты конституционализма в России. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция*. 2014;1:51–55.
5. Василевич ГА. Новеллы белорусской конституции как фактор устойчивого развития государства. *Право.by*. 2022; 2:14–23.
6. Миклашевич ПП, Чуприс ОИ, Василевич ГА, редакторы. *Конституция Республики Беларусь: научно-практический комментарий*. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь; 2024. 544 с.
7. Фадеев ВИ. Стабильность и развитие Конституции Российской Федерации. *Вестник Московского университета. Серия 11, Право*. 2014;1:44–59.

¹⁸Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом».

8. Шахрай СМ. Конституция России: стабильность и развитие. *Актуальные проблемы российского права*. 2018;10:44–54. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.044-054.
9. Крусс ВИ. *Теория конституционного правопользования*. Москва: Норма; 2007. 752 с.
10. Тиковенко АГ. Конституционные ценности: теория и практика их защиты Конституционным Судом Республики Беларусь. В: Василевич ГА, Пляхимович ИИ, Шавцова АВ, Наумович ТВ, редакторы. *Ценностная парадигма Основного Закона Республики Беларусь. Материалы республиканской научно-практической конференции; 14 марта 2013 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Издательский центр БГУ; 2013. с. 13–18.
11. Хабриева ТЯ. Конституция Российской Федерации: самобытность, стабильность и развитие (к 30-летию Основного Закона России). *Журнал российского права*. 2023;12:5–21. DOI: 10.61205/jrp.2023.135.
12. Хабриева ТЯ, редактор. *Конституция и модернизация законодательства. Материалы XV Международной школы-практикума молодых ученых-юристов; 27 мая – 5 июня 2020 г.; Москва, Россия*. Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 2021. 280 с.
13. Джонов СЕ. Действие конституционного принципа соразмерности: теория и практика применения. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2022;3:276–290. DOI: 10.24412/1608-8794-2022-3-276-290.
14. Умнова-Конюхова ИА. Конституция Российской Федерации 1993 года: оценка конституционного идеала и его реализации сквозь призму мирового опыта. *Lex russica*. 2018;11:23–39. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.023-039.
15. Бондарь НС. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? *Государство и право*. 2020;6:20–34. DOI: 10.31857/S013207690009933-8.
16. Спиридонова ВИ. Особенности российского понимания базовых демократических ценностей. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2009;5(2):6–18.
17. Бурла ВМ. Конституционные ценности как научная категория: проблемы дефиниции, формализации, систематизации. *Актуальные проблемы российского права*. 2024;3(19):11–26. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.011-026.
18. Васильева ЛН, Плюгина ИВ, Васильев АА. Правовые средства защиты исторической памяти [Интернет]. 2022 [процитировано 1 ноября 2024]. Доступно по: <https://history.jes.su/S207987840024166-1-1>. DOI: 10.18254/S207987840024166-1.
19. Хабриева ТЯ, Клишас АА. *Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»*. Москва: Норма; 2020. 240 с.
20. Чуприс ОИ. Предпосылки принятия и сущность основных положений Концепции правовой политики Республики Беларусь. *Государство и право*. 2023;11:170–177. DOI: 10.31857/S102694520028494-4.

References

1. Grachev NI. [Civilisational identity and socio-cultural values of the Russian people as the main source of the Russian Constitution in the 21st century]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. 2018;1(2):592–597. Russian.
2. Bulatov RB. [Constitutional amendments 2020 in the context of the formation of the Russian state and legal ideology]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2023;12:32–37. Russian.
3. Vasil'eva TA, Varlamova NV, editors. *Konstitutsionalizm: universal'noe i natsional'nye izmereniya* [Constitutionalism: universal and national dimensions]. Moscow: Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences; 2022. 392 p. Russian.
4. Gavrilova YuA. [Semantic dominants of constitutionalism in Russia]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya*. 2014;1:51–55. Russian.
5. Vasilevich GA. [Novelties of the Belarusian constitution as a factor of sustainable development of the state]. *Pravo.by*. 2022;2:14–23. Russian.
6. Miklashevich PP, Chupris OI, Vasilevich GA, editors. *Konstitutsiya Respubliki Belarus': nauchno-prakticheskii kommentarii* [The Constitution of the Republic of Belarus. Scientific and practical commentary]. Minsk: National Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus; 2024. 544 p. Russian.
7. Fadeev VI. [Stability and development of the Constitution of the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo*. 2014;1:44–59. Russian.
8. Shakhrai SM. The Constitution of Russia: stability and dynamism. *Actual Problems of Russian Law*. 2018;10:44–54. Russian. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.95.10.044-054.
9. Kruss VI. *Teoriya konstitutsionogo pravopol'zovaniya* [Theory of constitutional legal use]. Moscow: Norma; 2007. 752 p. Russian.
10. Tikovenko AG. [Constitutional values: theory and practice of their protection by the Constitutional Court of the Republic of Belarus]. In: Vasilevich GA, Plyakhimovich II, Shavtsova AV, Naumovich TV, editors. *Tsenostnaya paradigma Osnovnogo Zakona Respubliki Belarus'*. *Materialy respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 14 marta 2013 g.; Minsk, Belarus* [Value paradigm of the Basic Law of the Republic of Belarus. Proceedings of the Republican scientific and practical conference; 2013 March 14; Minsk, Belarus]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University; 2013. p. 13–18. Russian.
11. Khabrieva Ya. The Constitution of the Russian Federation: identity, stability and development (to the 30th anniversary of the Russian Basic Law). *Journal of Russian Law*. 2023;12:5–21. Russian. DOI: 10.61205/jrp.2023.135.
12. Khabrieva TYa, editor. *Konstitutsiya i modernizatsiya zakonodatel'stva. Materialy XV Mezhdunarodnoi shkoly-praktikuma molodykh uchenykh-yuristov; 27 maya – 5 iyunya 2020 g.; Moskva, Rossiya* [Constitution and modernisation of legislation. Proceedings of the 15th International school of young legal scholars; 2020 May 27 – June 5; Moscow, Russia]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 2021. 280 p. Russian.
13. Dzhonov SE. The effect of the constitutional principle of proportionality: theory and practice of application. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*. 2022;3:276–290. Russian. DOI: 10.24412/1608-8794-2022-3-276-290.
14. Umnova-Konyukhova IA. The 1993 Constitution of the Russian Federation: the constitutional ideal evaluation and its implementation in light of international experience. *Lex russica*. 2018;11:23–39. Russian. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.144.11.023-039.

15. Bondar NS. «Eternal» constitutional ideals: how unchangeable are they in a changing world? *State and Law*. 2020;6:20–34. Russian. DOI: 10.31857/S013207690009933-8.

16. Spiridonova VI. [The Russian understanding of basic democratic values]. *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*. 2009;5(2):6–18. Russian.

17. Burla VM. Constitutional values as a scientific category: problems of definition, formalization, systematization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2024;3(19):11–26. Russian. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.160.3.011-026.

18. Vasilieva LN, Plyugina IV, Vasiliev AA. Legal means to protect historical memory [Internet]. 2022 [cited 2024 November 1]. Available from: <https://history.jes.su/S207987840024166-1-1>. DOI: 10.18254/S207987840024166-1.

19. Khabrieva TYa, Klishas AA. *Tematicheskii kommentarii k Zakonu Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya ot del'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoi vlasti»* [Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14 March 2020 No. 1-ФКЗ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authorities»]. Moscow: Norma; 2020. 240 p. Russian.

20. Chupris OI. Prerequisites for the adoption and essence of the main provisions of the concept of legal policy of the Republic of Belarus. *Gosudarstvo i pravo*. 2023;11:170–177. Russian. DOI: 10.31857/S102694520028494-4.

Статья поступила в редколлегию 05.11.2024.

Received by editorial board 05.11.2024.

УДК 342.53

ИНСТИТУТ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ВЛАСТИ НАРОДА В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

М. А. КРУПЕЙЧЕНКО¹⁾

¹⁾Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь,
ул. Берсона, 1а, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматриваются становление и развитие института представительной власти народа в истории белорусской государственности и выявляются его особенности. Исследуются происхождение веча, его роль и полномочия как представительного органа, анализируется дальнейшее формирование вечевых традиций. Оценивается значение соймов и соймиков как органов сословного представительства шляхты, прослеживаются предпосылки их учреждения, определяются их отличия от европейских сословно-представительных органов. Кроме того, освещаются правовые основы деятельности представительных органов и процесс реформирования соймикового порядка.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; статуты Великого княжества Литовского; народное представительство; вече; сойм; соймйки.

INSTITUTE OF REPRESENTATION OF THE PEOPLE'S POWER IN THE HISTORY OF BELARUSIAN STATEHOOD

М. А. KRUPEICHENKO^a

^aNational Center of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus,
1a Bersona Street, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article examines the formation, development and features of the institute of representative power of the people in the history of the Belarusian statehood. The origin, role of the veche, its powers as a representative body are studied, and the further formation of veche traditions is analysed. The significance of soims and soimiks as bodies of class representation of the gentry is assessed, their formation and difference from European class-representative bodies are considered. The legal basis for the activities of representative bodies is also covered, and attention is paid to the process of reforming the soimiks' order.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; statutes of the Grand Duchy of Lithuania; people's representation; veche; soim; soimiks.

Образец цитирования:

Крупейченко МА. Институт представительства власти народа в истории белорусской государственности. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:20–26.
EDN: DYKAWV

For citation:

Krupeichenko MA. Institute of representation of the people's power in the history of Belarusian statehood. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:20–26. Russian.
EDN: DYKAWV

Автор:

Максим Андреевич Крупейченко – соискатель. Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор А. Г. Тиковенко.

Author:

Maxim A. Krupeichenko, competitor.
boss@metallopt.by

Введение

Развитие белорусской государственности включает ряд этапов. Начальным этапом этого процесса принято считать вечевую демократию, заложившую основу для формирования органов сословного представительства – соймов и соймиков. В течение нескольких веков органы шляхетского представительства играли важную роль в жизни поветов, ограничивали коро-

левскую власть и укрепляли государственность, обеспечивали безопасность белорусских земель.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью его дальнейшего совершенствования на современном этапе, что подтверждается признанием вечевой демократии и ее развитием на конституционном уровне в Республике Беларусь.

Основная часть

Представительные начала власти народа стали формироваться в ранних белорусских государственных образованиях (Полоцком, Туровском, Берестейском, Менском, Витебском княжествах и др.). В средневековых белорусских княжествах возникает институт широкого народного представительства в форме вече для определения внутренней и внешней политики, управления государственными и общественными делами.

Древнерусский славянский термин «вече» (происходящий от лексемы «вещать» – говорить) означал народное собрание, совет, совещание и использовался летописцами для характеристики реальных явлений, свойственных социально-политической жизни славянского общества древней и средневековой Руси, Украины и Беларуси. По мнению П. В. Лукина, под словом «вече» летописцы подразумевали только политическое собрание горожан разного социального положения при разных обстоятельствах (преимущественно экстремальных). В старопольском языке слово «вече» в значениях ‘съезд феодалов определенного уезда (земли)’, ‘суд вообще (суд высшей инстанции)’, ‘судебное заседание по важнейшим делам’ зафиксировано примерно в конце XIV и XV вв. [1, с. 51–52]. В XV в., по свидетельству Псковских летописей, в городе существовал коллективный вечевой суд, который разбирал наиболее тяжкие преступления, караемые смертью [2, с. 148–155, 359–360].

Вопрос о возникновении вече вызывает дискуссии в российской исторической науке. Старейшая концепция происхождения вече связывает его зарождение с деятельностью племенных собраний славян догосударственной эпохи. В частности, ряд российских историков (В. И. Сергеевич, С. М. Соловьев, М. В. Владимирский-Буданов, М. В. Довнар-Запольский, А. Е. Пресняков) относят зарождение вече ко времени существования родоплеменного строя [3, с. 10–12; 4, с. 74–90; 5, с. 399–401]. Например, В. И. Сергеевич считал, что вече «не есть продукт указа какого-либо князя, а явление обычной народной жизни», существующее с незапамятных времен [6, с. 25]. Б. Д. Греков понимал вече как восстановление племенных собраний древнего славянского родового общества. В отличие от него М. Н. Покровский, учитывая сложившуюся в городах XI в. социально-экономическую обстановку, отрицал воз-

можность происхождения городского вече из старого, племенного вече [7, с. 168–173].

Традиционно вече определялось историками как собрание горожан по важным вопросам. Оно существовало у большинства славянских народов в городах-государствах в качестве полновластного органа, политического института и представляло собой, по мнению, В. Т. Пашуто, «один из наиболее архаических институтов народовластия» [8, с. 19]. Так, В. О. Ключевский считал, что вече – это «общая городская сходка» [9, с. 32], а Н. М. Карамзин видел в нем исключительно собрание горожан, которое могло в некоторых случаях ограничивать княжескую власть [10, с. 466]. Вместе с тем отдельные ученые предполагают, что слово «вече» могло употребляться в нескольких смыслах и обозначать в том числе любое сборище людей. Войско или ополчение в походе использовало вечевое самоуправление в форме военного совета [5, с. 399; 11, с. 56–57]. В. О. Ключевский, исследуя летописное сказание, говорит о киевском городском полке, участвовавшем в походе против половцев, который «встал» вечем, сидя на конях (такая практика существовала и в самом Киеве) [9, с. 35].

Исторические сведения о деятельности, полномочиях, функциях вече основаны на немногочисленных летописях и памятниках художественной литературы, свидетельствующих об историях избрания, смены (изгнания) славянских князей вечем, борьбы с ними за расширение или сохранение своих полномочий. Первые упоминания в документах о вечевых собраниях славянских народов датируются XI–XII вв. Лаврентьевская летопись от 1175 г. сообщает: «Новгородци бо изначала и Смольняне, и Кыяне, и Полочане, и вся власти, яко по дому; на вече сходятся; на что же старейшии сдумают, на том же пригороди стануть» (цит. по [12, с. 40]).

В Эймундовой саге, датируемой примерно 1021 г., содержится упоминание о существовании в Полоцке вече – народного собрания, которое обладало большой властью. В саге также повествуется о том, что полоцкий князь Брячислав I (1003–1044 гг.), нанимая своим полководцем Эймунда, был обязан получить на то разрешение вече [13, с. 124]. В летописи Быховца, сообщающей о событиях второй половины XII в., говорится, что город Полоцк и «мужи полоцкие...

управлялись вече, как Великий Новгород и Псков» [14, с. 38]. Власть вече выражалась в форме ряда (договора), который заключался с избираемым им князем и скреплялся взаимным крестным целованием.

Вече собиралось не регулярно. При отсутствии необходимого повода вече могло не собираться не только в течение месяца, но и на протяжении более длительного периода времени. Поводом для созыва вечевого собрания могли стать вопросы войны и мира, сбора средств для организации военных мероприятий, заключение договоров, принятие «законов», приглашение, избрание или изгнание князей и т. д. Полномочия вече распространялись на все сферы жизни общества. Например, полоцкое вече, по мнению С. А. Щербакова, «исполняло функции законодательной, судебной и административной власти не только в городе, но и в его предместьях. Оно издавало уставы и постановления, обязательные для всего населения» [15, с. 27]. Вечевой строй в Полоцке существовал более четырехсот лет (XI–XV вв.).

Помимо Полоцкого княжества, вече существовало и в других княжествах, расположенных на белорусских землях. В частности, оно было весьма влиятельным представительным органом в Туровском и Берестейском княжествах. К примеру, в Турове вече избирало не только князя, но и епископа, который обычно назначался киевским митрополитом [16, с. 222].

Все свободные и полноправные жители могли непосредственно участвовать в вече, для созыва которого использовался колокольный звон или объявления глашатаев. Без желания народа вече не могло состояться, даже если призыв исходил и от самого князя. В собрании участвовали представители знати: князья, бояре, церковные иерархи и др. В случае особой необходимости для принятия важных решений из городской знати, входившей в вече, выбирались лучшие представители, выступающие, по мнению В. О. Ключевского, в качестве депутатов вече, которых летопись иногда называет послами [9, с. 34]. К участию в вече приглашали и женщин – вдов умерших или погибших участников народных собраний, поскольку такая женщина несла полную ответственность за семью. Участники вечевого собрания обладали равными правами. Согласие, единение членов вече лежало в основе всех вечевых решений, что обеспечивало их эффективность. При принятии вечем решения важным условием было достижение единодушия (единения) всех членов вечевого собрания или их подавляющего большинства, которое исключало возникновение разногласий и противодействие несогласных, заставляло смолкать всех разномыслящих. На вече решались вопросы о войне и мире, сборе средств для организации военных мероприятий, приглашении на престол князей или изгнании неугодных правителей. Все попытки навязать городу «чужих» князей (например, Мстислава Изяславича в 1069 г. в Полоцке) заканчивались для этих князей трагически. В. И. Сергеевич отмечает: «Полочане

так легко меняют своих князей, как будто бы дело шло о перемене кого-нибудь из мелких должностных лиц» [6, с. 7].

Анализируя права полоцкого вече в середине XII в., Б. Н. Флоря делает вывод о существовании самостоятельной полоцкой республики [17, с. 113–115], которая существовала 9 лет: с 1181 по 1190 г. Полоцкое вече после гибели князя Всеслава III Великого избрало раду (совет) в количестве 30 «старцев» и объявило княжество республикой [18, с. 12]. Рада республики осуществляла исполнительные и судебные функции. По мнению А. В. Рукавишникова, в первой половине XIII в. Полоцк «являлся самоуправляемой республикой с ярко выраженными чертами аристократического управления» [19, с. 119]. Как считает Б. Н. Флоря, права полоцкого вече ничем не уступали правам, которые имело к этому времени новгородское вече.

Республиканское устройство сложилось не только в Полоцке, но и в Новгороде, а также Пскове [2, с. 133, 144–148]. В 1130-х гг. новгородское вече приняло важные политические решения, что позволило историкам сделать вывод о возникновении независимой Новгородской республики. В частности, в 1132 г. вече изгнало князя Всеволода Мстиславича, а в 1136 г. состоялось его повторное изгнание и арест на два месяца [1, с. 172, 520]. Вече в Новгороде, согласно летописным сообщениям, имело ряд юридических характеристик: обязательное присутствие лиц, управляющих городом, представителей всех пяти «концов» (городских районов) и всех социальных групп (бояр, купцов, ремесленников, крестьян, имевших дворы в черте города). Грамота, принятая на вече, имела легитимный характер, что свидетельствовало о том, что оно является высшим органом власти [20, с. 54]. Вечевая демократия существовала до конца XV в. в Полоцке, Смоленске, Киеве, Новгороде и волостях. Следует отметить, что вече оказывало большое влияние на жизнь славянских народов: оно не только существенно ограничивало княжескую власть, но и представляло собой орган, формирующий традицию широкого народного представительства и коллективного принятия решений.

В дальнейшем вечевые традиции, олицетворяющие народное самоуправление, получили развитие в Магдебургском праве, которое вводилось в белорусских городах [21, с. 59–60]. В результате получения городом Великого княжества Литовского грамоты на Магдебургское право вся его община становилась субъектом права, а его выборные органы решали злободневные вопросы. Минск получил привилей на Магдебургское право в 1499 г. На территории ВКЛ 147 городов пользовались Магдебургским правом, составляющим основу городского самоуправления [22, с. 242–243].

Таким образом, вече как полновластный представительный орган раннего (полоцкого) этапа белорусской государственности осуществляло следующие полномочия: призывало и изгоняло князей, заклю-

чало (расторгало) с ними договоры, решало вопросы войны и мира, военного ополчения, заключало договоры с другими землями, принимало решения (в том числе судебные), избирало посадников, тысяцких, воевод, епископов, устанавливало повинности для населения, распоряжалось казной и т. д.

Согласно утвердившемуся мнению в истории европейских стран такого представительного института, как древнерусское вече, не было. Исключение могут составлять античная Греция и расположенные на берегах Балтийского моря государственные образования, письменные источники которых свидетельствуют о наличии аналогичных собраний под названием «тинг» (народное собрание).

В силу объективных экономических причин (укрупнение территорий, аристократизация вече) народные собрания видоизменились в результате появления сословно-представительных учреждений, что свидетельствовало о важном этапе дальнейшего становления народного представительства.

По мнению ученых, соймы как органы сословного представительства шляхты сформировались на основе древних вечевых традиций в результате длительного исторического процесса [23, с. 61–62; 24, с. 9–19; 22, с. 606–607]. Например, профессор Т. И. Довнар считает, что «вытокі сойма як прадстаўнічага народнага органа ўлады бяруць пачатак ад старажытных вечавых сходаў насельніцтва» [23, с. 61]. О древних вечевых собраниях, ставших основой общегосударственного (вального) сойма, свидетельствуют грамоты белорусских княжеств, земель (Полоцкой, Витебской, Смоленской и др.). Созыв собраний (съездов) бояр, военных и служилых людей был обусловлен тем, что князьям необходимо было советоваться с ними по важным политическим вопросам. Порядок созыва соймов, организации их работы, реализации полномочий регулировался обычным правом, зависел от взглядов великого князя и его рады. Так, время начала работы сойма и вопросы, выносимые для обсуждения, определялись в великокняжеских листах (универсалах), рассылаемых по поветам за две недели до открытия заседания. Первоначально системы представительства на сойме не существовало. В 1511 г. Сигизмунд I Старый впервые предложил созывать шляхту по поветам и назначать по два представителя от повета для участия в сойме. На практике на соймы приглашались, как правило, все дворяне. Сигизмунд Август по просьбе шляхты ВКЛ в 1565 г. узаконил на территории княжества действие поветовых соймов, получивших название «соймики». Они должны были созываться за четыре недели перед вальным (общим) соймом [25, с. 49]. Стать участником соймика мог любой шляхтич. При этом Статут Великого княжества Литовского (далее – Статут ВКЛ) 1588 г. определял иерархию служебных лиц, задействованных в работе соймиков [26, с. 147–148]. Был выработан механизм созыва соймиков, который закреплялся в Статуте ВКЛ 1588 г. и ориентировал дво-

рянское сословие проводить их за шесть недель (согласно Статуту ВКЛ 1566 г. за четыре недели) до «сойма великого». В соответствии с положением Статута ВКЛ 1566 г. на соймы от каждого повета избирались по два представителя (так называемых посла) [27]. Они обязаны были получить от сойма общую инструкцию – наказ, содержащий сведения относительно позиции по вопросам, которые должны стать предметом обсуждения на вальном (общегосударственном) сойме [25, с. 81–82]. Наказы возлагали на послов обязанность действовать в рамках соответствующих поручений, которые давались им по результатам обсуждения местных и общегосударственных вопросов на поветовых соймках. Такая организация управления позволяла среднему шляхетству наравне с крупными землевладельцами реально влиять на политическую жизнь государства. Например, инструкция послам Ошмянского повета на «канвакацыйны сойм» 1632 г., связанный с определением места, времени и условий выборов короля, определяла их проведение в двухнедельный срок и предлагала, в частности, обсудить вопросы внутренней и внешней безопасности государства [28, с. 207]. Зачастую принимаемые соймками решения, которые имели общегосударственное значение (о налогах, армии, безопасности земли), представлялись на утверждение вального сойма. По мнению профессора Т. И. Довнар, шляхта уже в этот период использовала право законодательной инициативы [23, с. 63]. А. Рахубо отмечает, что в ВКЛ было «много известных парламентариев, которые неоднократно представляли своих избирателей на соймах и активно в них участвовали» [25, с. 208]. На такой подход ориентировал Статут ВКЛ 1588 г., который требовал от послов, участвующих в заседаниях сойма, иметь «згодныя намовы и умыслы о всех потребах земских» для успешного решения обсуждаемых вопросов [26, с. 147].

Важно отметить, что для участия в работе вального сойма послы получали содержание от своего соймика [29, с. 107]. В одном из положений Статута ВКЛ 1588 г. указывались соответствующие суммы денег, которые должны были выдаваться послам: «Виленьским, Ошменьским, Лидским, Вилькомирским, Троцким, Упитским, Полоцким, Новгородским, Витебским, Оршаньским, Мстиславским, Меньским послом – сто шестьдесят коп грошей; Браславским, Городеньским, Ковеньским, Волковыйским, Слонимским, Берестейским, Пиньским, Мозырским, Речицким послом – сто двадцать коп грошей» (артикул 7 разд. 3).

Через четыре недели после окончания работы общегосударственного сойма созывались поветовые реляционные соймки, на которых обсуждались его постановления и отчитывались послы о выполнении ими своих функций. Согласно разделу 3 Статута ВКЛ 1588 г. в своих поветах послы должны были сообщать воеводе или старосте о своем возвращении

с заседаний вального сойма и передавать для хранения в суды копии его постановлений.

В ВКЛ проводились различные соймики: перед-соймовые, избирающие послов на общегосударственный сойм; элекционные, избирающие кандидатов на должности судей и некоторых служебных лиц (земского писаря, хоружего и др.); реляционные, заслушивающие отчеты (реляции) послов о выполнении ими представительских функций на вальном сойме; хозяйственные, распределяющие налоги, которые установлены вальным соймом, решающие многие финансовые вопросы, обеспечивающие жизнедеятельность повета; и др.

Становление вального или великого сойма непосредственно связано с участием в его заседаниях представителей шляхетского сословия, активностью шляхты, которая значительно усилилась в середине XVI в. Требования шляхты относительно расширения своих политических прав переросли в движение, оформившееся на полевом (так называемом обозном) сойме под Витебском в 1562 г., что привело в дальнейшем к существенному реформированию политического и правового строя ВКЛ. В действие был введен Статут ВКЛ 1566 г., который установил периодичность соймовых заседаний и в общих чертах определил структуру сойма, включающую великого князя, радных панов и «всех станов, сойму належащих», «всех станов подданных панства нашего, «всех земель того панства нашего» (артикулы 5–7, 11 разд. 3). Данный факт позволяет сделать вывод о появлении в сойме двух палат (панов-рады и шляхетского сословия). В дальнейшем в ходе борьбы на соймовых заседаниях представителей поветовой шляхты за свои права («вольности») и интересы более четко оформилось деление на две палаты: высшую, состоящую из великого князя и панов-рады, и низшую, состоящую из шляхты, в том числе послов из поветов. Положение Статута ВКЛ 1566 г. о том, что все законы государства должны приниматься только на сойме с согласия всех сословий («станов») (артикул 6 разд. 3) свидетельствует о том, что он был высшим законодательным органом ВКЛ. После образования Речи Посполитой в результате заключения в 1569 г. Люблинской унии между Польшей и ВКЛ в состав общего вального сойма входили сенат (высшая палата) и посольская изба (низшая палата).

Чрезмерная активность соймиков при отстаивании интересов шляхты, их возрастающее влияние на

политическую жизнь ВКЛ при слабой центральной власти обусловили необходимость реформирования соймикового порядка, которая привела к принятию в феврале 1791 г. закона о соймиках. В нем определялись место и время проведения местных соймов. Закон установил, что соймы проводятся раз в два года 18 июля для выборов послов на вальный сойм. В соответствии с этим документом избирательные права предоставлялись только землевладельцам, собственникам недвижимости с 18 лет и тем, кто платил налоги установленного размера (более 100 злотых) [22, с. 615–617].

Указанный Закон был отнесен Конституцией Речи Посполитой, принятой Четырехлетним соймом 3 мая 1791 г., к конституционным законам. Первый в истории Европы Основной Закон – Конституция Речи Посполитой от 3 мая 1791 г. декларировала гражданские права и свободы, принцип разделения властей, закрепляла положение о том, что «всякая власть в человеческом обществе берет свое начало в воле народа» (раздел 5), а также провозглашала одну из палат сойма (палату послов, отражающую всевластие народа), «святыней законодательства» и рассматривала послов, избираемых на соймиках, «представителями всего народа» (раздел 6), разрывая, таким образом их связь с наказаниями, и т. д. [30, с. 788–798]. Наряду с прогрессивными положениями, конституция объявляла Речь Посполитую единым унитарным государством, что, по мнению ученых, несло угрозу дальнейшему существованию ВКЛ, а вместе с тем и существованию белорусов, украинцев и литовцев [31, с. 423].

Съезды, соймы и поветовые соймики, существовавшие в ВКЛ и Речи Посполитой, по мнению исследователей, отличались от европейских сословно-представительных органов своей односословностью, т. е. властью одного сословия – «народа шляхетского». При этом все представители шляхетского сословия были равными в правах. Во время существования ВКЛ соймы проводились на общегосударственном уровне 227 раз [22, с. 611–614]. В них принимали участие сенаторы, представители городов, церквей и выбранные от поветов лица. В России традицию широкого народного представительства продолжили, обогатив ее духовно-нравственным содержанием: в земских соборах XVI–XVII вв. принимали участие представители духовенства, бояр, дворян, посадских людей, черных сотен и государственных крестьян [32, с. 132–135].

Заключение

Вече как полновластный представительный орган раннего этапа белорусской государственности обогатило традицией вечевого демократии современный этап конституционной практики Республики Беларусь. Шляхетский парламентаризм, утвердивший себя в системе таких сословно-представительных

органов, как общегосударственный сойм и соймики, оказал существенное влияние на дальнейшее развитие европейской парламентской практики, послужил основой для совершенствования советских представительных органов власти, превращения их в классические парламентские органы.

Библиографические ссылки

1. Лукин ПВ. *Новгородское вече*. Москва: Академический проект; 2018. 674 с.
2. Вовин АА. *Городская коммуна средневекового Пскова: XIV – начало XVI в.* Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2019. 398 с.
3. Гимон ТВ, Мельникова ЕА, редакторы. *Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2004 год: политические институты Древней Руси*. Москва: [б. и.]; 2006. 433 с.
4. Владимирский-Буданов МФ. *Обзор истории русского права*. Ростов-на-Дону: Феникс; 1995. 640 с.
5. Пресняков АЕ. *Княжое право Древней Руси. Лекции по русской истории*. Киевская Русь. Москва: Наука; 1993. 642 с.
6. Сергеевич ВИ. *Древности русского права. Том 2*. Москва: Зерцало-М; 2006. 512 с.
7. Покровский МН. *Очерк истории русской культуры. Части 1–2*. Курск: Книгоиздательское товарищество при Курском губкоме РКП; 1924. 347 с.
8. Пашуто ВТ. Черты политического строя Древней Руси. В: Новосельцев АП, Пашуто ВТ, Черепнин ЛВ, Шушарин ВП, Щапов ЯН. *Древнерусское государство и его международное значение*. Москва: Наука; 1965. с. 11–76.
9. Ключевский ВО. *Боярская дума Древней Руси*. Москва: Академический проект; 2018. 412 с.
10. Карамзин НМ. *История государства Российского. Том 3*. Санкт-Петербург: Издательство И. Эйнерлинга; 1843. 510 с.
11. Университет Дмитрия Пожарского. *Древнейшие государства Восточной Европы. К 90-летию В. Т. Пашуто*. 2008 год. Москва: Восточная литература; 2011. 686 с.
12. Тарасов СВ. *Истоки белорусского парламентаризма*. В: Божанов ВА, редактор. *Парламентаризм в Беларуси*. Минск: Иппокрена; 2010. 230 с.
13. Белякович НН. Представительные начала в управлении населения ранних белорусских государств. В: Божанов ВА, редактор. *Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития. Выпуск 5*. Минск: Институт парламентаризма и предпринимательства; 2007. с. 123–128.
14. Тихомиров МН, редактор. *Хроника Быховца*. Москва: Наука; 1966. 154 с.
15. Щербаков СА. *Полоцк. Исторический очерк*. Минск: Наука и техника; 1987. 212 с.
16. Чарняўскі М, Штыхаў Г, рэдактары. *Гісторыя Беларусі. Том 1, Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст.* Мінск: Навука і тэхніка; 2007. 351 с.
17. Флоря БН. Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка. *Отечественная история*. 1995;5:110–116.
18. Ластоўскі ВЮ. *Кароткая гісторыя Беларусі*. Мінск: Універсітэцкае; 1993. 126 с.
19. Рукавишников АВ. Об организации власти в Полоцке в конце XII – середине XIII в. *Вопросы истории*. 1999;3:116–123.
20. Тимофеев АА. Эволюция институтов представительства в России: историко-правовой аспект. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2014;9:54–59.
21. Трещенок ЯИ. *История Беларуси. Часть 1*. Могилёв: МГУ имени А. А. Кулешова; 2005.
22. Пашкоў ГП, рэдактар. *Вялікае Княства Літоўскае. Том 2*. Мінск: Беларуская энцыклапедыя; 2007. 792 с.
23. Доўнар ТІ. *Гісторыя дзяржавы і права Беларусі*. Мінск: Адукацыя і выхаванне; 2023. 432 с.
24. Доўнар ТІ. Вытокі і гістарычнае развіццё інстытута парламентарызму ў Беларусі. У: Сокал СФ, Янушкевіч АМ, рэдактары. *Парламенцкія структуры ўлады ў сістэме дзяржаўнага кіравання Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай у XV–XVIII стагоддзях. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі; 23–24 лістапада 2007 г.; Мінск, Навагрудак, Беларусь*. Мінск: БІП-С плюс; 2008. с. 9–26.
25. Рахуба А. *Вялікае Княства Літоўскае ў парламенцкай сістэме Рэчы Паспалітай 1569–1763 гг.* Мінск: Медысонт; 2008. 198 с.
26. Шамякін ІП, рэдактар. *Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 года*. Мінск: БелСЭ; 1989. 573 с.
27. Доўнар ТІ, Сатолін УМ, Шумак ГА, Юхо ЯА, рэдактары. *Статут Вялікага Княства Літоўскага 1566 года*. Мінск: Тэсей; 2003. 352 с.
28. Сагановіч Г. Інструкцыя паслам Ашмянскага павета на канвакацыйны сойм 1632 г. *Беларускі гістарычны агляд*. 2007;14:207–218.
29. Бардах Ю, Леснодорский Б, Пиетрчак М. *История государства и права Польши*. Москва: Юридическая литература; 1980. 558 с.
30. Корецкий ВМ, редактор. *Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы*. Москва: Госюриздат; 1961. 950 с.
31. Ермаловіч М. *Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае*. Мінск: Беллітфонд; 2000. 448 с.
32. Беляев ИД. *Земский строй на Руси*. Санкт-Петербург: Наука; 2004. 367 с.

References

1. Lukin PV. *Novgorodskoe veche* [Novgorod veche]. Moscow: Academicheskii proekt; 2018. 674 p. Russian.
2. Vovin AA. *Gorodskaya kommuna srednevekovogo Pskova: XIV – nachalo XVI v.* [Urban commune of medieval Pskov: 14th – early 16th centuries]. Saint Petersburg: Publishing House of the European University at Saint Petersburg; 2019. 398 p. Russian.
3. Gimon TV, Mel'nikova EA, editors. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: materialy i issledovaniya. 2004 god: politicheskie instituty Drevnei Rusi* [The oldest states of Eastern Europe: materials and research. 2004: political institutions of Ancient Rus]. Moscow: [s. n.]; 2006. 433 p. Russian.
4. Vladimirsii-Budanov MF. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. Rostov-on-Don: Feniks; 1995. 640 p. Russian.
5. Presnyakov AE. *Knyazhoe pravo Drevnei Rusi. Lektzii po russkoi istorii. Kievskaya Rus'* [Princely law of Ancient Rus. Lectures on Russian history. Kievan Rus]. Moscow: Nauka; 1993. 642 p. Russian.

6. Sergeevich VI. *Drevnosti russkogo prava. Tom 2* [Antiquities of Russian law. Volume 2]. Moscow: Zertsalo-M; 2006. 512 p. Russian.
7. Pokrovskii MN. *Ocherk istorii russkoi kul'tury. Chasti 1–2* [Essay on the history of Russian culture. Parts 1–2]. Kursk: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo pri Kurskom gubkome RKP; 1924. 347 p. Russian.
8. Pashuto VT. [Features of the political system of Ancient Rus]. In: Novosel'tsev AP, Pashuto VT, Cherepnin LV, Shusharin VP, Shchapov YaN. *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie* [The Old Russian state and its international significance]. Moscow: Nauka; 1965. p. 11–76. Russian.
9. Klyuchevskii VO. *Boyarskaya дума Древней Руси* [Boyar Duma of Ancient Rus]. Moscow: Academicheskii proekt; 2018. 412 p. Russian.
10. Karamzin NM. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Tom 3* [History of the Russian state. Volume 3]. Saint Petersburg: Publishing House of I. Einerling; 1843. 510 p. Russian.
11. Dmitrii Pozharskii University. *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. K 90-letiyu V. T. Pashuto. 2008 god* [The oldest states of Eastern Europe. On the 90th anniversary of V. T. Pashuto. 2008]. Moscow: Vostochnaya literatura; 2011. 686 p. Russian.
12. Tarasov SV. [Origins of Belarusian parliamentarism]. In: Bozhanov VA, editor. *Parlamentarizm v Belarusi* [Parliamentarism in Belarus]. Minsk: Ippokrena; 2010. 230 p. Russian.
13. Belyuakovich NN. [Representative principles in governing the population of the early Belarusian states]. In: Bozhanov VA, editor. *Parlamentarizm v Respublike Belarus': opyt stanovleniya i razvitiya. Vypusk 5* [Parliamentarism in the Republic of Belarus: experience of formation and development. Issue 5]. Minsk: Institute of Parliamentarism and Entrepreneurship; 2007. p. 123–128. Russian.
14. Tikhomirov MN, editor. *Khronika Bykhovtsa* [Chronicle of Bykhovets]. Moscow: Nauka; 1966. 154 p. Russian.
15. Shcherbakov SA. *Polotsk. Istoricheskiy ocherk* [Polotsk. Historical essay]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1987. 212 p. Russian.
16. Charnjowski M, Shtyhaw G, editors. *Gistoryja Belarusi. Tom 1, Ad pershapachatkovaga zasjalennja da sjarjedziny XIII st.* [History of Belarus. Volume 1, From initial occupancy to the middle of 13th century]. Minsk: Navuka i tjehnika; 2007. 351 p. Belarusian.
17. Florya BN. [Historical tradition on the social structure of medieval Polotsk]. *Otechestvennaya istoriya*. 1995;5:110–116. Russian.
18. Lastowski VJu. *Karotkaja gistoryja Belarusi* [Brief history of Belarus]. Minsk: Universitjckae; 1993. 126 p. Belarusian.
19. Rukavishnikov AV. [On the organisation of power in Polotsk in the late 12th – mid-13th centuries]. *Voprosy istorii*. 1999; 3:116–123. Russian.
20. Timofeev AA. [Evolution of institutions of representation in Russia: historical and legal aspect]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie*. 2014;9:54–59. Russian.
21. Treshchenok YaI. *Istoriya Belarusi. Chast' 1* [History of Belarus. Part 1]. Magiliow: Mogilev State A. Kuleshov University; 2005. Russian.
22. Pashkow GP, editor. *Vjalikae Knjastva Litovskae. Tom 2* [Grand Duchy of Lithuania. Volume 2]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja; 2007. 792 p. Belarusian.
23. Dovnar TI. History of the state and law of Belarus: textbook. Minsk: Adukacyja i vyhavanne; 2023. 432 p. Belarusian.
24. Dovnar TI. [Origins and historical development of the institution of parliamentarism in Belarus]. In: Sokal SF, Janushkevich AM, editors. *Parlamentskaja struktury wlyady w sistjeme dzjarzhawnaga kiravannja Vjalikaga Knjastva Litovskaga i Rjechy Paspalitalaj w XV–XVIII stagoddzjah. Matjeryjaly Mizhnarodnaj navukovaj kanferjencyi; 23–24 listapada 2007 g.; Minsk, Navagrudak, Belarus'* [Parliamentary structures of the government in the system of public administration of the Grand Duchy of Lithuania and Rzeczpospolita in 15th–18th centuries. Proceedings of International scientific conference; 2007 November 23–24; Minsk, Navagrudak, Belarus]. Minsk: BIP-C Pljus; 2008. p. 9–26. Belarusian.
25. Rakhubo A. *Vjalikae Knjastva Litovskae w parlamensckaj sistjeme Rjechy Paspalitalaj 1569–1763 gg.* [The Grand Duchy of Lithuania in the parliamentary system of Rzeczpospolita 1569–1763]. Minsk: Medysont; 2008. 198 p. Belarusian.
26. Shamjakin IP, editor. *Statut Vjalikaga Knjastva Litovskaga 1588 goda* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588]. Minsk: Belaruskaja saveckaja jencyklapedyja; 1989. 573 p. Belarusian.
27. Dovnar TI, Satolin UM, Shumak GA, Juho JaA, editors. *Statut Vjalikaga Knjastva Litovskaga 1566 goda* [Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1566]. Minsk: Tjesei; 2003. 352 p. Belarusian.
28. Saganovich G. [Instructions for the ambassadors of Ashmyany pavet to the 1632 canvassing soim]. *Belaruskij gistorychny agljad*. 2007;14:207–218. Belarusian.
29. Bardakh Yu, Lesnodorskii B, Pietrchak M. *Istoriya gosudarstva i prava Pol'shi* [History of state and law of Poland]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1980. 558 p. Russian.
30. Koretskii VM, editor. *Khrestomatiya pamyatnikov feodal'nogo gosudarstva i prava stran Evropy* [Reader of monuments of the feudal state and law of European countries]. Moscow: Gosyurizdat; 1961. 950 p. Russian.
31. Ermalovich M. *Belaruskaja dzjarzhava Vjalikae Knjastva Litovskae* [Belarusian state of the Grand Duchy of Lithuania]. Minsk: Bellitfond; 2000. 448 p. Belarusian.
32. Belyaev ID. *Zemskii stroi na Rusi* [Zemstvo system in Rus']. Saint Petersburg: Nauka; 2004. 367 p. Russian.

Ф И Н А Н С О В О Е П Р А В О И Н А Л О Г О В О Е П Р А В О

FINANCE LAW AND TAX LAW

УДК 340

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ КОРРЕКТИРОВКИ НАЛОГОВОЙ БАЗЫ ПРИ ДРОБЛЕНИИ БИЗНЕСА

А. А. ПИЛИПЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. На нормативном, доктринальном и прикладном уровнях анализируются проблемы определения налоговых последствий дробления бизнеса в контексте фактически уплаченных реальным налогоплательщиком сумм обязательных платежей. Делается вывод о несоответствии модели налоговой реконструкции, применяемой контролирующими органами, принципу справедливости налогообложения. Рекомендуются на подзаконном уровне четко определить методику корректировки налоговой базы при дроблении бизнеса с учетом отражения всех налоговых обязательств реального налогоплательщика, в том числе и подконтрольных ему раздробленных субъектов.

Ключевые слова: налоговая база; корректировка налоговой базы; дробление бизнеса; налоговая реконструкция; избыточное налогообложение; справедливое налогообложение.

Образец цитирования:

Пилипенко АА. Дискуссионные вопросы корректировки налоговой базы при дроблении бизнеса. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3: 27–32.

EDN: NSAMAR

For citation:

Pilipenko AA. Discussion issues of adjusting the tax base when splitting a business. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:27–32. Russian.

EDN: NSAMAR

Автор:

Александр Анатольевич Пилипенко – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры государственного управления юридического факультета.

Author:

Aleksandr A. Pilipenko, PhD (law), docent; associate professor at the department of public administration, faculty of law.

pilipenko-bsu@mail.ru

DISCUSSION ISSUES OF ADJUSTING THE TAX BASE WHEN SPLITTING A BUSINESS

A. A. PILIPENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. At the normative, doctrinal and applied levels the author of the article analyses the problems of determining the tax consequences of splitting a business, taking into account the actually paid amounts of mandatory payments by a real taxpayer. It is concluded that the tax reconstruction model used by the regulatory authorities does not comply with the principle of tax fairness. At the by-law level, it is necessary to clearly define the methodology for adjusting the tax base when splitting a business, taking into account the reflection of all tax obligations of a real taxpayer, including fragmented entities controlled by him.

Keywords: tax base; tax base adjustment; business split; tax reconstruction; excess taxation; fair taxation.

Введение

Одним из наиболее актуальных вопросов взаимодействия контролирующих органов и субъектов предпринимательской деятельности является вопрос корректировки налоговой базы по основаниям, предусмотренным законодательством. О снижении налоговых обязательств налогоплательщиками уплачиваемых в бюджеты различных уровней обязательных платежей, как правило, свидетельствует формальное разделение (дробление) бизнеса и распределение выручки на подконтрольных лиц.

Очевидно, что, когда налогоплательщик встраивает в свою деятельность подконтрольные ему компании с использованием особых режимов налогообложения и (или) налоговых льгот не для ведения бизнеса и налоговой экономии, он тем самым ис-

кажает свои налоговые обязательства, и государство компенсирует бюджетные потери посредством осуществления контрольных мероприятий, итогом которых является в первую очередь уплата налоговых недоимок. Именно проблематика определения размера этой недоимки выступает в настоящее время предметом многочисленных споров между контролирующими органами и налогоплательщиками.

Целью настоящей статьи является анализ теоретических, нормативных и прикладных аспектов взаимодействия контролирующих органов и субъектов предпринимательской деятельности по вопросу налоговой реконструкции при установлении фактов дробления бизнеса.

Основная часть

С 1 января 2019 г. действует новая редакция Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК), в которой одним из наиболее значимых элементов является институт корректировки налоговой базы. Основания для ее проведения определены в п. 4 ст. 33 НК и включают следующие условия:

1) установление искажения сведений о фактах (совокупности фактов) совершения хозяйственных операций, об объектах налогообложения, подлежащих отражению налогоплательщиком в бухгалтерском и (или) налоговом учете, налоговых декларациях (расчетах), а также в других документах и (или) информации, необходимых для исчисления и уплаты налогов (сборов);

2) основной целью совершения хозяйственной операции являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет, возврат суммы налога (сбора). Особенности отнесения действий или событий к хозяйственным операциям, основной целью совершения которых являются неуплата (неполная уплата) и (или) зачет, возврат суммы налога (сбора), устанавливаются Советом Министров Республики Беларусь;

3) отсутствие реальности совершения хозяйственной операции (включая случаи, когда фактически не поступил товар (нематериальные активы), не выполнены работы, не оказаны услуги, не переданы имущественные права).

В контексте заявленной тематики исследования отметим, что в абзаце 7 ч. 1 п. 2 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 15 июля 2022 г. № 465 «Об особенностях оценки отдельных хозяйственных операций» под дроблением бизнеса понимается намеренная государственная регистрация нескольких юридических лиц и (или) индивидуальных предпринимателей и (или) намеренное разделение деятельности между юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями, имеющими право на применение особых режимов налогообложения и (или) налоговых льгот.

Белорусский законодатель предпринял попытку юридического моделирования корректировки налоговой базы, определив подлежащие изучению в ходе проверки субъекта хозяйствования критерии, в том числе государственную регистрацию участников

и (или) разделение их деятельности; прямую или косвенную взаимозависимость (аффилированность) субъекта хозяйствования и участников; наличие у участников трудовых, финансовых, материальных и иных ресурсов, достаточных для осуществления реальной предпринимательской и (или) иной экономической деятельности в своих интересах на свой риск, а также в интересах субъекта хозяйствования; организационное взаимодействие субъекта хозяйствования и участников; принятие управленческих решений, выполнение координирующих функций органами управления субъекта хозяйствования, участниками, а также иными лицами, имеющими право давать обязательные для субъекта хозяйствования, участников указания либо возможности иным образом определять их действия, непосредственно оказывать влияние на их деятельность; налоговую нагрузку субъекта хозяйствования и участников; осуществление идентичных и (или) связанных между собой направлений (видов) деятельности.

По нашему мнению, критерии искусственности дробления бизнеса дихотомичны. С одной стороны, существование данных критериев является положительным обстоятельством, поскольку субъекты предпринимательской деятельности могут проводить анализ наличия того или иного критерия и оценку соответствующих рисков в интересах собственной безопасности для предотвращения выдвигания контролирующими органами претензий. С другой стороны, наличие указанных критериев (нормативные основания их формирования неочевидны) может препятствовать развитию предпринимательской инициативы. С достаточной степенью уверенности можно констатировать, что контролирующие органы будут видеть умысел в любых действиях, хоть как-то снижающих налоговое бремя. В этом случае фискальные обязательства налогоплательщика подлежат налоговой реконструкции, размер которой в настоящее время представляется дискуссионным.

Позиция Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь по данному вопросу нашла отражение в разъяснении «О мониторинге правоприменительной практики налоговых органов», которое было опубликовано на ведомственном сайте 31 марта 2023 г. В нем, в частности, постулируется следующее: «Принцип проводимой налоговой реконструкции предполагает предъявление сумм налогов, которые должны были быть уплачены плательщиком в случае отсутствия нарушений. При наличии обоснованных доводов пункт 5 статьи 33 НК позволяет уменьшить предъявляемые проверкой налоговые обязательства за счет добровольного раскрытия плательщиком информации, предоставления документов, сведения о которых ранее в учете не отражались либо намерено искажались. В против-

ном случае контролирующий орган, не располагая такой информацией, не сможет учесть, например, реальный размер покупной стоимости ТМЦ, затрат и других расходов».

Дефиниция налоговой реконструкции (в последнее время также известной как концепция действительного налогового обязательства) не нашла отражения в законодательстве. Количество научных изысканий, изучающих данный вопрос, является незначительным по причине приоритетности прикладного значения рассматриваемого явления. Как отмечает А. А. Копина, «налоговая реконструкция может рассматриваться как правовой термин, поскольку представляет собой понятие, используемое в правоприменительной практике для обозначения определенных последствий, но не как категория налогового права, поскольку на данном этапе можно говорить только о выделении явления, но не о формировании широкого, фундаментального, обобщающего понятия, которое бы устанавливало наиболее существенные признаки таких явлений» [1, с. 24]. Долгое время экономико-правовая природа налоговой реконструкции, основанная на многочисленных позициях органов правосудия России, заключалась в том, что под данным термином понимались полномочия налоговых органов определять объем прав и обязанностей налогоплательщика, исходя из подлинного экономического содержания соответствующей операции, т. е. осуществлять доначисление суммы налогов и сборов, подлежащих уплате в бюджет, так, как если бы налогоплательщик не злоупотреблял правом.

Аналогичным образом в настоящее время поступают белорусские контролирующие органы, детерминируя правоприменение, в рамках которого при налоговой реконструкции учитываются только налоговые платежи, которые осуществлялись проверяемым субъектом без учета фискальных обременений раздробленных субъектов. По нашему мнению, взыскание налоговых платежей в полном объеме (без учета налоговых платежей раздробленных субъектов предпринимательской деятельности) представляет собой не что иное, как возложение на налогоплательщика налогового бремени в объеме, превышающем те налоговые изъятия, которые он должен был бы претерпеть при осуществлении полной налоговой реконструкции. В данном случае речь идет об избыточном налогообложении, которое следует признать неправомерным. Как справедливо отмечает С. В. Овсянников, «имущественные последствия для налогоплательщика превысят и величину его налоговой выгоды, и потери, понесенные бюджетной системой. Фактически это будет означать применение к налогоплательщику не только компенсационных, но и карательных мер в форме взыскания налогов» [2, с. 29]. Абсолютно верным видится суждение Л. В. Осиповой:

«Представляется, что сам по себе факт получения необоснованной налоговой выгоды не может служить основанием для взимания налога в относительно большем размере, в противном случае становится дополнительной мерой налоговой ответственности, которая налоговым законодательством не предусмотрена. В основе налоговой реконструкции должен быть заложен принцип, исключающий искажение реального размера налоговых обязательств: налоговые обязательства налогоплательщику должны быть установлены, как если бы налогоплательщик не получал необоснованную налоговую выгоду, как если бы не злоупотреблял правом; должны быть учтены операции в соответствии с их действительным экономическим смыслом, операции, обусловленные разумными экономическими или иными причинами (целями делового характера), реальной предпринимательской или иной экономической деятельностью» [3, с. 97]. В. В. Голенев, рассуждая на тему избыточного налогообложения, говорит о действительной налоговой обязанности, под которой он понимает «обязанность налогоплательщика уплатить государству определенную сумму в соответствии с его действительным объемом прав и обязанностей в сфере налогообложения, в соответствии с действительным экономическим смыслом (подлинным экономическим содержанием) совершенных налогоплательщиком операций в их взаимосвязи по результатам применения принципа приоритета (главенства) существа над формой и принципа деловой цели» [4, с. 10].

В контексте нивелирования, а возможно, и полного отрицания позиции контролирующих органов хотелось бы отметить, что при доказывании дробления бизнеса в целях минимизации налоговых обязательств они обладают достаточными полномочиями и инструментарием (в том числе реализуемыми в системной взаимосвязи) для выявления реального налогоплательщика, которому вменяют не только организацию схемы по дроблению бизнеса, но и доначисляют налоговые платежи в повышенном размере без учета налогов, уплаченных раздробленными субъектами предпринимательской деятельности. Иными словами, при выявлении организатора налоговой схемы он с точки зрения контролирующих органов полностью соотносится с раздробленными субъектами. При определении сумм налогов, подлежащих уплате в бюджет с организационно-экономической точки зрения, происходит практически абсолютное его дистанцирование от данных субъектов. Следуя логике контролирующих органов, можно сделать парадоксальный вывод, что реальный налогоплательщик организовал абсолютно все аспекты деятельности подконтрольных ему компаний, но к уплате налогов, признанных на конституционном уровне обя-

зательным элементом любой экономической деятельности в контексте финансирования публичных расходов государства, не имеет никакого отношения. Ситуация усугубляется тем, что применяемая контролирующими органами методика налоговой реконструкции увеличивает не только налоговую недоимку, штрафные санкции и пени, но и риски уголовного преследования.

Представляет интерес позиция налоговых органов России, которые рассматриваемую в статье проблематику разрешили следующим образом. В соответствии с письмом ФНС России от 14 октября 2022 г. № БВ-4-7/13774@ «О возврате излишне уплаченной суммы налога» суммы налогов, уплаченные элементами схемы дробления бизнеса с дохода от искусственно разделенной деятельности, наряду с доходами и расходами, а также ранее не заявленными налоговыми вычетами по налогу на добавленную стоимость должны учитываться при определении размеров налогов по общей системе налогообложения, а также пеней и штрафов, доначисляемых решением по налоговой проверке налогоплательщику – организатору схемы дробления бизнеса. Обратим внимание, что данную позицию разделяют судебные инстанции. Например, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 21 июля 2022 г. № 301-ЭС22-4481 отмечается, что если налоговый орган установит факт искусственного дробления бизнеса, то при налоговой реконструкции он учтет не только доходы, которые были распределены между несколькими лицами для прикрытия деятельности основного хозяйствующего субъекта, но и налоги, уплаченные с таких доходов. Чтобы определить объем прав и обязанностей в соответствии с действительным экономическим смыслом осуществляемой деятельности, налоговый орган должен консолидировать не только доходы (прибыль) группы лиц, но и уплаченные ими налоги, т. е. налоги с дохода от искусственно разделенной деятельности, уплаченные участниками группы на спецрежиме, должны учитываться при определении размера налоговой обязанности по общей системе налогообложения налогоплательщика – организатора группы.

Определенным регулятивным потенциалом снижения градуса конфликтности при рассмотрении споров по вопросам дробления бизнеса обладают законодательные положения о справедливом налогообложении. Вопросы научного, нормативного и прикладного понимания принципа справедливости в налогообложении являются настолько многообразными, что их закрепление в налоговом законодательстве всегда видится дискуссионным. Как справедливо отмечает И. И. Кучеров, «данный принцип является настолько общим, что даже сформулировать и закрепить его конкретное содержание

в нормативном правовом акте достаточно сложно, однако очевидно, что он не может исчерпываться достижением юридического равенства налогоплательщиков [он] преимущественно заключается в определении соразмерности налогообложения, его минимальной достаточности и определении доли участия различных групп налогоплательщиков в формировании налоговых доходов государства» [5, с. 24]. Белорусский законодатель принцип справедливости налогообложения связал с однократностью налогообложения и закрепил в подп. 1.5 п. 1 ст. 2 НК норму, в соответствии с которой один и тот же объект налогообложения может облагаться одним и тем же налогом, сбором (пошлиной) у одного налогоплательщика только один раз за соответствующий налоговый период.

Невозможность учесть налоги, уплаченные раздробленными субъектами, является прямым нарушением принципа справедливости в налогообложении. Абсолютно убедителен вывод Э. А. Гюльбасарова о том, что «при отсутствии прямого законодательного регулирования первоначальной правовой основой для налоговой реконструкции следует признать базовые принципы налогового права, то есть принципы справедливости и равенства налогообложения. Иг-

норирование этих принципов может привести к необоснованному доначислению налогового обязательства без установления реального экономического характера отношений, что являлось бы дополнительной (и незаконной) санкцией за недобросовестность» [6, с. 24]. А. А. Копина, характеризуя неправильную налоговую реконструкцию как санкцию в виде доначислений не установленной законом суммы налога, утверждает, что такой подход свидетельствует об отсутствии справедливости и «является безусловным злом, изменяющим саму сущность налога, превращая его в контрибуцию» [7, с. 3]. Исследователь Е. П. Ярмош сопоставляет подход белорусского законодателя в контексте осмысления принципа справедливости с фискальными неудобствами для налогоплательщика [8, с. 80]. Полагаем, что речь можно вести не об определенных неудобствах для налогоплательщика, а о прямом нарушении принципа справедливости, закрепленного в подп. 1.5 п. 1 ст. 2 НК, поскольку отказ зачитать налогоплательщику налоги раздробленных субъектов предпринимательской деятельности однозначно свидетельствует об игнорировании однократности налогообложения для реального налогоплательщика.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

1. Подлинная налоговая реконструкция, в рамках которой определяется действительная налоговая обязанность, должна осуществляться в системной взаимосвязи установления реального организатора схемы по дроблению бизнеса и реального налогоплательщика, которые в данном случае являются идентичными субъектами. Соответственно, при определении налоговых обязательств реального налогоплательщика необходимо учитывать все налоговые платежи, уплаченные раздробленными субъектами хозяйствования.

2. Экономико-правовая модель налоговой реконструкции, когда контролирующий орган осуществляет взыскание налогов в полном объеме (без учета

налоговых платежей раздробленных субъектов предпринимательской деятельности), подразумевает дополнительное (избыточное) налоговое обременение, не отвечающее требованиям законодательства в контексте нарушения принципа справедливости налогообложения.

3. На уровне Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь следует четко определить методику корректировки налоговой базы при дроблении бизнеса с учетом отражения всех налоговых обязательств реального налогоплательщика, в том числе и подконтрольных (в случае их выявления и вменения со стороны контролирующих органов вышеуказанной предпринимательской конструкции) ему раздробленных субъектов.

Библиографические ссылки

1. Копина АА. Налоговая реконструкция. *Финансовое право*. 2022;4:23–28.
2. Овсянников СВ. Налоговая реконструкция при искусственном дроблении бизнеса отменяется? *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2022;4:23–30.
3. Осипова ЛВ. «Налоговая реконструкция» в контексте статьи 54.1 НК РФ: неопределенность в правоприменении. *Вестник арбитражной практики*. 2022;5:95–101.
4. Голенев ВВ. *Действительная налоговая обязанность налогоплательщика в налоговом праве России* [диссертация]. Москва: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина; 2021. 229 с.
5. Кучеров ИИ. Справедливость налогообложения и ее составляющие (правовой аспект). *Финансовое право*. 2009;4:24–28.
6. Гюльбасаров ЭА. Правовые основы налоговой реконструкции. *Финансовое право*. 2022;11:22–25.
7. Копина АА. Равенство, дискриминация и дифференциация налогоплательщиков. *Налоги*. 2017;22:1–8.
8. Ярмош ЕП. Методика корректировки налогов при установлении дробления бизнеса: дискуссионные вопросы. *Налоговед*. 2024;5:77–81.

References

1. Kopina AA. [Tax reconstruction]. *Finansovoe pravo*. 2022;4;23–28. Russian.
2. Ovsyannikov SV. [Tax reconstruction in artificial business fragmentation is canceled?]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*. 2022;4:23–30. Russian.
3. Osipova LV. [«Tax reconstruction» in the context of Art. 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation: uncertainty in law enforcement]. *Vestnik arbitrazhnoi praktiki*. 2022;5:95–101. Russian.
4. Golenev VV. [The real tax obligation of the taxpayer in the tax law of Russia] [dissertation]. Moscow: Kufatin Moscow State University; 2021. 229 p. Russian.
5. Kucherov II. [Justness of taxation and components thereof (legal aspect)]. *Finansovoe pravo*. 2009;4:24–28. Russian.
6. Gyulbasarov EA. [Legal grounds for tax reconstruction]. *Finansovoe pravo*. 2022;11:22–25. Russian.
7. Kopina AA. [Equality, discrimination and taxpayer differentiation]. *Nalogi*. 2017;22:1–8. Russian.
8. Yarmosh EP. The methodology for adjusting taxes when a split-up of business is established. Debating points. *Nalogo-ved*. 2024;5:77–81. Russian.

Статья поступила в редколлегию 04.11.2024.
Received by editorial board 04.11.2024.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

УДК 347.9(476)

ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В КОДЕКСЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОНИМАНИЯ И ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

В. П. СКОБЕЛЕВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируется, насколько удачно в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь отражена сущность принципа состязательности и обеспечены гарантии его реализации. Исследование данного вопроса проводится на основе сравнения норм Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь с правовым регулированием принципа состязательности в Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь и Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь. В результате предложена новая редакция ст. 14 Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь, а также даны некоторые рекомендации по дальнейшему развитию состязательности гражданского процесса, в частности, об обязательности проведения судебных заседаний для разрешения ряда частных вопросов судопроизводства, необходимости детальной регламентации процедуры раскрытия заинтересованными лицами имеющихся у них доказательств и др.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство; гражданское дело; принцип состязательности; суд; лица, участвующие в деле; стороны; позиция в споре; доказывание; доказательства.

Образец цитирования:

Скобелев ВП. Принцип состязательности в кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь: концептуальные вопросы понимания и правовой регламентации. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:33–49.
EDN: MQMPOM

For citation:

Skobelev VP. The adversarial principle in the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus: conceptual issues of understanding and legal regulation. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:33–49. Russian.
EDN: MQMPOM

Автор:

Владимир Петрович Скобелев – кандидат юридических наук, доцент; заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям, доцент кафедры гражданского процесса и трудового права юридического факультета.

Author:

Vladimir P. Skobelev, PhD (law), docent; deputy dean for academic affairs and educational innovations and associate professor at the department of civil procedure and labour law, faculty of law.
skobelev@bsu.by

THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN THE CODE OF CIVIL PROCEDURE OF THE REPUBLIC OF BELARUS: CONCEPTUAL ISSUES OF UNDERSTANDING AND LEGAL REGULATION

V. P. SKOBELEV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article analyses how successfully the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus reflects the essence of the adversarial principle and provides guarantees for its implementation. The study is conducted on the basis of comparison with the legal regulation of the adversarial principle in the Civil Procedure Code of the Republic of Belarus and the Economic Procedure Code of the Republic of Belarus. As a result, a new version of Art. 14 of the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus was proposed, and some recommendations were made on the further development of the adversarial nature of civil proceedings, in particular, on the mandatory holding of court hearings to resolve a number of specific issues of legal proceedings, the need for detailed regulation of the procedure for disclosure by interested parties of evidences they have, etc.

Keywords: civil proceedings; civil case; adversarial principle; court; persons participating in the case; parties; position in the dispute; proof; evidences.

Введение

Состязательность относится к числу тех принципов, которые наиболее ярко характеризуют судебную форму правоприменения, включая и гражданское судопроизводство. По этой причине указанный принцип всегда находился в фокусе пристального внимания представителей науки цивилистического процесса¹ [1, с. 40–42; 2, с. 121–125; 3; 4, с. 47–57; 5, с. 37–42; 6; 7; 8, с. 122–154; 9, с. 282–416]. При этом в настоящее время исследование названного принципа правосудия приобретает особую актуальность в связи с очередным этапом кодификации процессуального законодательства – принятием Кодекса гражданского

судопроизводства Республики Беларусь (далее – КГС), который с 1 января 2026 г. заменит собой Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее – ХПК). Грядущее вступление КГС в силу ставит на повестку дня вопросы о том, насколько он сохраняет преемственность с ГПК и ХПК в части принципа состязательности, какие новеллы в его регулирование привносит и т. п. Должной разработки данные вопросы, несмотря на отдельные имеющиеся по данной тематике работы [10; 11], в отечественной доктрине не получили.

Основная часть²

1. Принцип состязательности получил закрепление в ст. 14 КГС, причем в регулировании данного принципа КГС воспринял подходы, предусмотренные ХПК, а не ГПК. Так, если в ГПК состязательности посвящена статья, состоящая из единственной части (ст. 19 ГПК), в которой к собственно состязательности имеет отношение только одно из двух содержащихся там предложений: «Гражданские дела во всех судах рассматриваются на основе состязательности и равенства сторон в процессе» (второе предложение ст. 19 ГПК касается совсем другого вопроса – вопроса о добросовестности сторон: «В споре между собой стороны обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им материальными и процессу-

альными правами и исполнять процессуальные обязанности»), то в ХПК статья, отведенная принципу состязательности (ст. 19 ХПК), имеет гораздо более пространственный характер: помимо предписания (схожего с присутствующим в первом предложении ст. 19 ГПК) о том, что «судопроизводство в суде, рассматривающем экономические дела, осуществляется на основе состязательности» (ч. 1 ст. 19 ХПК), данная статья ХПК содержит еще ряд положений, образующих содержание ее второй, третьей и четвертой частей. В ст. 14 КГС предписания ст. 19 ХПК нашли отражение в несколько переработанном и дополненном виде и были распределены по семи частям данной статьи.

¹Евтодьева И. А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Москва, 1983. 23 с. ; Самсонов В. В. Состязательность в гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Саратов, 1999. 27 с. ; Таранова Т. С. Реализация принципа состязательности в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15. Минск, 2001. 20 с.

²В настоящей работе цифрами с точкой обозначается нумерация имеющих отношение к теме исследования проблемных вопросов, которая (нумерация) отражает логические взаимосвязи между данными вопросами и соответствует избранной автором последовательности освещения их в статье.

Тем не менее нам представляется, что в ст. 14 КГС, несмотря на всю ее объемность, суть принципа состязательности раскрытия так и не получила. Обратимся к анализу ч. 1 ст. 14 КГС, гласящей, что «рассмотрение гражданских дел в суде осуществляется на основе состязательности». Из данной нормы следует, что состязательность отражает не содержание процессуальной деятельности (содержанием процессуальной деятельности является «рассмотрение гражданских дел в суде»), а ее форму (слова «на основе» использованы в ч. 1 ст. 14 КГС в значении «в форме» и потому вполне безболезненно на последнее словосочетание могут быть заменены), или, другими словами, порядок процессуальной деятельности (в какой последовательности, по какому алгоритму процессуальная деятельность должна происходить). И из ч. 2–7 ст. 14 КГС (равно как и из ч. 2–4 ст. 19 ХПК) видно, что закрепленные в них нормы отражают не форму (порядок) организации взаимной процессуальной деятельности суда и участвующих в деле лиц, а лишь содержание отдельных направлений деятельности названных субъектов, что, безусловно, затрудняет получение четкого представления о сущности принципа состязательности, а в определенной мере и запутывает данный вопрос. Думается, именно по этой причине ст. 19 ГПК ограничивается указанием на то, что «гражданские дела во всех судах рассматриваются на основе состязательности и равенства сторон в процессе», и не содержит положений, аналогичных ч. 2–7 ст. 14 КГС (ч. 2–4 ст. 19 ХПК).

Но в чем же тогда заключается принцип состязательности судопроизводства? По нашему мнению (и об этом мы уже писали [12, с. 77]), состязательность представляет собой такую форму (порядок) организации процессуальной деятельности (т. е. правосудия), при которой рассмотрение и разрешение всех наиболее значимых правовых вопросов (как вопросов частного характера, так и самого главного правового вопроса – вопроса о судьбе поданного иска, жалобы или заявления) должно происходить путем выяснения, проверки и учета позиций абсолютно всех юридически заинтересованных в исходе дела лиц (в терминологии ХПК и КГС лиц, участвующих в деле). А поскольку интересы названных лиц и, соответственно, занимаемые ими позиции имеют противоположный характер (интересы лица, предъявившего требования в суд, и выступающих в его поддержку субъектов противоположны интересам лица, к которому предъявлены требования, и субъектов, поддерживающих его), то процессуальная деятельность по гражданскому делу протекает в форме состязания (дискуссии, спора), что, собственно, и отражено в наименовании анализируемого принципа судопроизводства – состязательность.

Для того чтобы судебный процесс мог быть действительно состязательным, должны обеспечиваться определенные условия (гарантии). Так, заинтересо-

ванные лица должны не только иметь возможность представлять собственную позицию и подвергать критике позицию своего оппонента, но и активно реализовывать эту возможность. Именно поэтому в ст. 14 КГС говорится, что «стороны обосновывают свои требования и возражения, избирают по своему усмотрению позицию, способы и средства ее отстаивания, представляют доказательства, заявляют ходатайства, высказывают мнения, в том числе в отношении доводов других лиц, участвующих в деле» (ч. 2), «стороны вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства» (ч. 3), «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений» (ч. 4), «стороны несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий» (ч. 7).

Суд же должен не только проверять и принимать во внимание позиции всех юридически заинтересованных лиц, но и обеспечивать последним реальную возможность для представления и отстаивания ими собственных позиций. По этой причине положения ст. 14 КГС гласят следующее: «Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения норм материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Суд основывает решение лишь на тех доказательствах, участие в исследовании которых на равных основаниях было обеспечено всем лицам, участвующим в деле» (ч. 5); «Суд освобождается от собирания доказательств по собственной инициативе, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом. Однако в целях установления фактических обстоятельств дела по мотивированному ходатайству стороны суд оказывает содействие в истребовании необходимых доказательств по делу, если их представление стороной является невозможным» (ч. 6).

Таким образом, нормы ч. 2–7 ст. 14 КГС (и аналогичные им нормы ч. 2–4 ст. 19 ХПК) раскрывают не суть принципа состязательности судопроизводства, а наиболее важные условия (гарантии), при соблюдении которых данный принцип может реально работать в сфере правосудия. Вместе с тем текстуальные формулировки данных условий (гарантий), равно как и содержание ч. 1 ст. 14 КГС, имеющей отношение к сущности анализируемого принципа, не во всех отношениях представляются удачными.

2. Согласно ч. 1 ст. 14 КГС на основе состязательности осуществляется «рассмотрение гражданских дел в суде», тем самым ч. 1 ст. 14 КГС восприняла подход, реализованный в первом предложении ст. 19 ГПК, где тоже указано, что на основе состязательности

«гражданские дела во всех судах рассматриваются». Совсем иная позиция отражена в ч. 1 ст. 19 ХПК: на основе состязательности осуществляется «судопроизводство в суде, рассматривающем экономические дела».

По нашему мнению, говорить о том, что принцип состязательности действует только при рассмотрении дел в судах (как это имеет место в ч. 1 ст. 14 КГС и первом предложении ст. 19 ГПК), не совсем верно, поскольку на основе состязательности в судах рассматриваются не только гражданские дела в целом, но и множество более частных вопросов, возникающих как в ходе производства по делу, так и тогда, когда гражданского дела пока или уже на рассмотрении суда нет. Примером частного вопроса, который возникает еще до возбуждения гражданского дела в суде, но должен обсуждаться на основе состязательности, может служить вопрос об обеспечении доказательств, инициируемый заинтересованным лицом до подачи искового заявления в суд. Согласно ч. 6 ст. 235 КГС «...суд рассматривает заявление об обеспечении доказательств без вызова сторон. В необходимых случаях заявитель и иные лица, участвующие в деле, могут быть извещены о времени и месте рассмотрения заявления». Как видно, «в необходимых случаях» ч. 6 ст. 235 КГС гарантирует рассмотрение вопроса об обеспечении доказательств на основе состязательности.

Однако стоит заметить, что в ч. 2 ст. 236 ГПК отражен совсем другой подход: заявитель и другие юридически заинтересованные в исходе дела лица всегда (а не только «в необходимых случаях») извещаются о времени и месте рассмотрения заявления. Нам видится, что правило ч. 2 ст. 236 ГПК является более оптимальным, нежели правило ч. 6 ст. 235 КГС, так как обеспечение доказательств представляет собой очень серьезное процессуальное мероприятие, результаты которого способны самым непосредственным образом отразиться на итогах разрешения будущего гражданского дела, соответственно, всем заинтересованным лицам необходимо предоставить возможность участвовать в данном мероприятии и отстаивать в ходе него свои позиции (интересы). Содержание ч. 6 ст. 235 КГС можно объяснить, вероятно, заимствованием (с некоторой доработкой) правила ч. 6 ст. 109 ХПК: «Суд, рассматривающий экономические дела, рассматривает заявление об обеспечении доказательств без вызова сторон».

Частный вопрос может возникнуть и тогда, когда гражданского дела на рассмотрении суда уже нет, т. е. когда оно было судом разрешено. Рассмотрение такого рода частных вопросов предполагает гл. 43 КГС «Производство, связанное с исполнением судебных постановлений, исполнительных документов, выдаваемых иными органами» (по смыслу п. 6 ст. 1 КГС, закрепляющего дефиницию термина «гражданские дела» и заканчивающегося словами «иные дела, от-

несенные к компетенции судов настоящим Кодексом и другими законодательными актами», правовые вопросы, которым посвящена гл. 43 КГС, с формальной точки зрения есть основания считать самостоятельными гражданскими делами, однако нам думается, что если поставленный перед судом в порядке гл. 43 КГС вопрос связан с ранее разрешенным судом делом, то такой вопрос нужно считать не самостоятельным гражданским делом, а продолжением (частью) прежде разрешенного дела, соответственно, и все представленные (собранные) по такому вопросу материалы должны приобщаться к материалам данного дела, а не храниться отдельно).

Например, согласно ч. 2 ст. 484 КГС «заявление сторон или представление судебного исполнителя о выдаче дубликата исполнительного листа, определения о судебном приказе рассматриваются судом в срок не позднее одного месяца без извещения сторон исполнительного производства, судебного исполнителя. В случае необходимости суд вправе вызвать стороны, судебного исполнителя в судебное заседание». По данному вопросу, как и в ч. 6 ст. 235 КГС, принцип состязательности тоже подлежит реализации лишь «в случае необходимости», и объяснить подобный усеченный подход к действию принципа состязательности достаточно сложно, потому что и ч. 2 ст. 464 ГПК, и ч. 2 ст. 330 ХПК предусматривают извещение сторон исполнительного производства (а ч. 2 ст. 330 ХПК предусматривает извещение также и судебного исполнителя) о времени и месте рассмотрения судом вопроса о выдаче дубликата исполнительного документа во всех случаях.

Можно привести примеры и других случаев, когда действие принципа состязательности при рассмотрении названных в гл. 43 КГС вопросов неоправданно сужено. Так, ч. 7 ст. 490 КГС предписывает вызывать стороны исполнительного производства и судебного исполнителя в судебное заседание, посвященное вопросу о замене, приостановлении или отмене меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, лишь «в случаях, когда суд признает это необходимым». Между тем, по нашему мнению, необходимость в извещении данных субъектов существует всегда, потому что неправильное разрешение судом названных вопросов способно существенным образом нарушить интересы или одной, или другой стороны исполнительного производства (в зависимости от того, удовлетворяет суд заявленные требования или отказывает в них), а также помешать достижению целей исполнительного производства. В то же время появление нормы ч. 7 ст. 490 КГС само по себе является значительным шагом вперед на пути развития состязательности судопроизводства, потому что в ст. 469 ГПК и ст. 334 ХПК аналогичного рода нормы вообще нет.

Другой пример – это вопрос о повороте исполнения судебного постановления. В КГС совершенно

отсутствуют предписания относительно процедуры разрешения судом первой инстанции данного вопроса, в ч. 2 ст. 487 КГС сказано лишь, что, «если в определении или постановлении суда апелляционной, кассационной или надзорной инстанции нет указания о повороте исполнения судебного постановления, должник, исполнивший судебное постановление, вправе подать соответствующее заявление в суд первой инстанции» (тем самым здесь фактически нашло отражение правило ч. 3 ст. 332 ХПК: «Если в постановлении об изменении или отмене судебного постановления нет указания о повороте его исполнения, должник вправе подать заявление о повороте исполнения судебного постановления в суд, рассматривающий экономические дела, первой инстанции»). Однако первое предложение ч. 3 ст. 466 ГПК на этот счет гласит, что «заявление о повороте исполнения судебного постановления рассматривается в судебном заседании с извещением юридически заинтересованных в исходе дела лиц», и с такой позицией законодателя нельзя не согласиться.

Еще одна группа вопросов частного характера, которые могут возникать уже после разрешения судом гражданского дела, предусмотрена параграфом 4 гл. 27 КГС. Сюда относятся вопросы разъяснения решения, исправления в нем опечаток и явных счетных ошибок, отсрочки и рассрочки исполнения решения, изменения способа и порядка исполнения решения, индексации присужденных денежных сумм. И здесь, к сожалению, тоже приходится констатировать сужение сферы действия принципа состязательности. Так, если вопросы отсрочки и рассрочки исполнения решения, изменения способа и порядка исполнения решения подлежат рассмотрению судом в судебном заседании с извещением участвующих в деле лиц о времени и месте его проведения (ч. 1 ст. 314 КГС), то в отношении вопросов разъяснения решения, исправления опечаток и явных счетных ошибок, индексации присужденных денежных сумм прямо написано, что они «рассматриваются судом без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле» (ч. 2 ст. 314 КГС).

Вероятно, это тоже является следствием заимствования подходов из ХПК, который предписывает разрешать в судебном заседании с извещением сторон о времени и месте его проведения вопросы об отсрочке и рассрочке исполнения судебного постановления, об изменении способа и порядка его исполнения (ч. 3 ст. 211 ХПК), а процедуру рассмотрения вопросов о разъяснении решения суда, исправления в нем опечаток и арифметических ошибок не регламентирует, указывая лишь, что по данным вопросам судом в течение десяти дней со дня поступления ходатайства (представления) выносится определение (что же касается индексации присужденных денежных сумм, то решение подоб-

ного вопроса ХПК вообще не предусмотрено). Однако ГПК (ч. 2 ст. 318-2, ч. 1 ст. 330) требует, и, думается, совершенно правильно, абсолютно все обозначенные вопросы рассматривать в судебном заседании с извещением юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

Вообще стоит сказать, что в тех случаях, когда согласно КГС вопрос частного характера подлежит разрешению судом первой инстанции без учета позиций участвующих в деле лиц (т. е. без проведения судебного заседания и вызова в него данных субъектов), действие принципа состязательности может быть обеспечено на этапе апелляционного пересмотра определения суда, вынесенного по итогам рассмотрения указанного вопроса (проверка законности и обоснованности судебных постановлений всегда осуществляется судом апелляционной инстанции в судебном заседании). Ведь КГС позволяет обжаловать (опротестовать) в апелляционном порядке определение по вопросу обеспечения доказательства (ч. 8 ст. 235), определение о выдаче или об отказе в выдаче дубликата исполнительного листа, определения о судебном приказе (ч. 3 ст. 484), определения по вопросам обеспечения исполнения исполнительного документа (ч. 8 ст. 490), определения по вопросам разъяснения решения, исправления опечаток и явных счетных ошибок, индексации присужденных денежных сумм (ч. 3 ст. 314). Однако тогда состязательная форма будет использоваться в условиях, когда соответствующий вопрос судом первой инстанции уже был разрешен, и использоваться в целях поиска предположительно допущенной судом первой инстанции при разрешении данного вопроса ошибки, в то время как более целесообразно было бы применять состязательный порядок непосредственно при рассмотрении судом первой инстанции этого вопроса, чтобы предотвращать возможные ошибки со стороны суда первой инстанции.

Однако преобладающее число частных вопросов рассматриваются судом в условиях состязательной формы именно тогда, когда гражданское дело уже находится в его производстве. Состязательность здесь обеспечивается прежде всего за счет того, что большая часть данных вопросов разрешается в судебном разбирательстве, т. е. в судебном заседании, в котором происходит рассмотрение дела по существу и о времени и месте которого извещаются все заинтересованные лица. Однако для решения некоторых вопросов частного характера КГС предусмотрено проведение специальных (отдельных) судебных заседаний с вызовом в них участвующих в деле лиц, в частности, это вопросы восстановления пропущенного процессуального срока (для обсуждения такого вопроса судебное заседание проводится не всегда, а, как сказано в ч. 2 ст. 119 КГС, «с учетом характера и сложности процессуального вопроса»), изменения, замены и отмены обеспечительных мер (в соответствии с ч. 3 ст. 161 КГС

о времени и месте рассмотрения судом данного вопроса лица, участвующие в деле, извещаются тоже лишь «в необходимых случаях»), утверждения мирового соглашения (ч. 1 ст. 167 КГС), выполнения судебного поручения (ч. 3 ст. 236 КГС), подготовки дела к судебному разбирательству (согласно ст. 252 КГС в этом случае проводится предварительное судебное заседание).

Таким образом, формулировка ч. 1 ст. 19 ХПК о том, что на основе состязательности осуществляется судопроизводство, является более предпочтительной, нежели формулировки первого предложения ст. 19 ГПК и ч. 1 ст. 14 КГС, указывающие на применение состязательности только при рассмотрении дел, поскольку формулировка ч. 1 ст. 19 ХПК позволяет учесть, что в условиях состязательности происходит рассмотрение не только дела в целом, но и множества отдельных правовых вопросов, причем как связанных с данным делом, так и имеющих вполне самостоятельный характер (например, самостоятельный характер будет иметь вопрос принятия судом меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, который был выдан не судом, а другим юрисдикционным органом). В то же время вряд ли можно приветствовать тот факт, что КГС ограничивает (во многом под влиянием норм ХПК) применение состязательных начал для разрешения многих частных вопросов судопроизводства.

3. Часть 2 ст. 14 КГС гласит: «Стороны обосновывают свои требования и возражения, избирают по своему усмотрению позицию, способы и средства ее отстаивания, представляют доказательства, заявляют ходатайства, высказывают мнения, в том числе в отношении доводов других лиц, участвующих в деле». Данное правило было сформировано разработчиками КГС путем некоторой модификации и объединения в одно предложение предписаний, содержащихся в ч. 2 ст. 19 ХПК («лица, участвующие в деле, обязаны обосновать свои требования и возражения») и во втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК («каждому лицу, участвующему в деле, гарантируется право представлять доказательства в суд, рассматривающий экономические дела, и другой стороне по делу, а также обеспечивается право заявлять ходатайства, высказывать свои мнения и доводы, давать пояснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств»). Вместе с тем получившееся в итоге правило ч. 2 ст. 14 КГС имеет ряд недостатков, равно как далеки от совершенства и предписания ч. 2, второго предложения ч. 3 ст. 19 ХПК.

Правило ч. 2 ст. 14 КГС распространяется только на стороны процесса, между тем заявлять требования, возражения и тем самым занимать определенную позицию относительно судебного спора могут не только стороны, но и иные лица, участвующие в деле (в частности, третьи лица, прокурор, государствен-

ный орган, дающий заключение по делу). Поэтому положения ч. 2, второго предложения ч. 3 ст. 19 ХПК, рассчитанные на всех участвующих в деле лиц, представляются более точными. Правда, одна очень важная категория субъектов процесса оказалась упущенной из виду и в ч. 2, втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК. Мы имеем в виду судебных представителей, которых ХПК (см. гл. 6 «Лица, участвующие в деле, и иные участники хозяйственного процесса» и гл. 7 «Представительство в суде, рассматривающем экономические дела») не относит к лицам, участвующим в деле. Вследствие этого получается (по крайней мере, с формально-юридической точки зрения), что на судебных представителей в хозяйственном судопроизводстве не распространяется обязанность обосновывать свои требования и возражения, судебным представителям не гарантируется право представлять доказательства и не обеспечивается право заявлять ходатайства, высказывать свои мнения и доводы, давать пояснения.

Норма ч. 2 ст. 19 ХПК («лица, участвующие в деле, обязаны обосновать свои требования и возражения»), по сравнению с аналогичным положением ч. 2 ст. 14 КГС («стороны обосновывают свои требования и возражения»), имеет более императивный (повелительный) характер, а потому, вероятно, является более предпочтительной. Вместе с тем в отношении и того, и другого предписания возникает следующий вопрос: а в чем именно должно заключаться обоснование требований и возражений, в том числе предполагает ли оно необходимость приведения ссылок на нормы материального и (или) процессуального права? Если исходить из того, что правовое обоснование требований и возражений необходимо, то придется сделать вывод противоположного содержания: указанное положение ч. 2 ст. 14 КГС (как снимающее акцент с безусловной необходимости приведения обоснования, в том числе правового, требований и возражений) представляется более приемлемым, нежели норма ч. 2 ст. 19 ХПК, потому что КГС, в отличие от ХПК, рассчитан на споры не только между субъектами хозяйствования (т. е. сильными во всех отношениях участниками гражданского оборота), но и на конфликты с участием обычных (а именно не имеющих юридической подготовки, больших финансовых ресурсов и т. п.) граждан, для которых весьма проблематично самостоятельно делать ссылки на какие-либо правовые нормы или нанимать с этой целью профессиональных юристов.

В связи с вышесказанным обращает на себя внимание тот факт, что КГС хоть и устанавливает обязанность приводить ссылки на нормативные правовые акты для лиц, обращающихся в суды первой инстанции с требованиями в порядке искового производства (п. 7 ч. 2 ст. 238 КГС), приказного производства (п. 4 ч. 2 ст. 343 КГС), производства по делам, возникающим из административных и иных публичных

правоотношений (ч. 1 ст. 353, п. 6 ч. 2 ст. 367 КГС), особого производства (ч. 1 ст. 406 КГС), а также с возражениями против предъявленных требований (ч. 3 ст. 247 КГС), однако неблагоприятных последствий неисполнения данной обязанности в виде оставления поданного в суд документа (с требованиями или возражениями) без движения или его возвращения не предусматривает. Видимо, это и явилось причиной того, что норма ч. 2 ст. 19 ХПК при заимствовании ее в ч. 2 ст. 14 КГС была трансформирована в гораздо менее категоричное по своему характеру правило.

В целом же для выяснения вопроса о том, в чем именно должно заключаться обоснование требований и возражений, следует обратиться к понятию «позиция лица, участвующего в деле», получившему закрепление в ч. 1 ст. 57 КГС. Согласно ч. 1 ст. 57 КГС «...каждое лицо, участвующее в деле, занимает и защищает в производстве по этому делу самостоятельную позицию, которая выражается в соответствующих процессуальных документах, заявлениях и действиях. Позиция включает определенные требования или возражения против требований вместе с их фактическим и правовым обоснованием», тем самым здесь нашли почти дословное отражение правила ст. 55 ГПК (разница только в том, что в ст. 55 ГПК каждому из двух приведенных предложений ч. 1 ст. 57 КГС отведена своя самостоятельная часть, а вместо термина «лицо, участвующее в деле» ч. 1 ст. 55 ГПК оперирует выражением «юридически заинтересованное в исходе дела лицо»)⁵, хотя в структурном плане заимствование осуществлено не самым лучшим образом. Ведь ст. 57 КГС называется «Права и обязанности лиц, участвующих в деле», поэтому присутствие в данной статье, тем более в ее самой первой части, предписаний относительно позиций, занимаемых и защищаемых участвующими в деле лицами, выглядит довольно нелогично и странно. Для сравнения: в ГПК соответствующим положениям отведена отдельная специальная статья (ст. 55 «Позиции юридически заинтересованных в исходе дела лиц»), правила которой следовало заимствовать в КГС тоже путем введения отдельной специальной статьи, а не посредством включения этих правил в ту статью, которая к предмету регулирования данных правил никакого отношения не имеет.

Как видно из ч. 1 ст. 57 КГС, позиция участвующего в деле лица – это его определенные требования или возражения против требований вместе с их

фактическим и правовым обоснованием. Из приведенного положения можно сделать вывод, что правовое обоснование является элементом (частью) позиции лица, участвующего в деле. Однако нет повода утверждать, что если заинтересованное лицо не привело правовое обоснование своих требований или возражений, то самостоятельная позиция в производстве по делу у него отсутствует. На наш взгляд, правовое обоснование является факультативным элементом позиции: заявляя требования или возражения, участвующее в деле лицо может как делать юридические ссылки, так и не делать их. Подтверждением этому прежде всего служат те положения КГС, которые не предусматривают никаких негативных последствий на случай отсутствия в подаваемом в суд документе (содержащем требования или возражения участвующего в деле лица) ссылок на нормативные правовые акты. В пользу отстаиваемого нами мнения свидетельствует и тот факт, что положения ч. 1 ст. 57 КГС заимствованы из ГПК, который вообще не требует от заинтересованных лиц приводить правовое обоснование своих требований и возражений в ходе производства по делу в суде первой инстанции.

Понятие «позиция лица, участвующего в деле», закрепленное в ч. 1 ст. 57 КГС, позволяет сделать и еще один вывод относительно положений ч. 2 ст. 14 КГС. Дело в том, что действия сторон в виде «...избирают по своему усмотрению позицию, способы и средства ее отстаивания» обозначены в ч. 2 ст. 14 КГС как однопорядковые (равнозначные) со всеми иными перечисленными в ней формами проявления поведения сторон. Однако такое поведение сторон, как «...обосновывают свои требования и возражения», есть не что иное, как выбор (обозначение) по своему усмотрению позиции в деле, а поведение в форме «...представляют доказательства, заявляют ходатайства, высказывают мнения, в том числе в отношении доводов других лиц, участвующих в деле», – деятельность по отстаиванию собственной позиции различными способами и средствами. Кроме того, в ч. 2 ст. 14 КГС стоило бы подчеркнуть, что у сторон имеется право высказывать мнения не только о доводах других лиц, участвующих в деле, но и об их позициях в целом (ведь доводы – это только часть позиции, ее обоснование).

4. Отдельно стоит остановиться на анализе правила второго предложения ч. 3 ст. 19 ХПК: «Каждому лицу, участвующему в деле, гарантируется право

⁵Нельзя не заметить, что ч. 1 ст. 57 КГС, равно как и ч. 2 ст. 55 ГПК, понимают суть позиции несколько узко и однобоко. Ведь позиция может заключаться не только в каких-то требованиях или возражениях, но и, например, в согласии с требованиями или возражениями другого лица (в частности, позицией третьего лица без самостоятельных требований на стороне истца всегда будет согласие с требованиями последнего, а позицией третьего лица такого же вида на стороне ответчика – согласие с возражениями ответчика) либо в признании требований или возражений (ведь не исключена ситуация, когда ответчик признает требования истца и наоборот – истец признает возражения ответчика). Поэтому в ч. 1 ст. 57 КГС, ч. 2 ст. 55 ГПК более правильно было бы написать, что «позиция включает в себя определенное отношение лица к тому или иному вопросу судопроизводства вместе с фактическим и правовым обоснованием такого отношения». В ХПК о позиции стороны (сторон) (абзац 6 ч. 1 ст. 155-1, ч. 2 ст. 157, ч. 2 ст. 172), позициях лиц, участвующих в деле, их представителей (ч. 2 ст. 187) и даже позициях судей (ч. 8 ст. 190) говорится неоднократно, однако, в чем именно заключается суть понятия «позиция», не разъясняется.

представлять доказательства в суд, рассматривающий экономические дела, и другой стороне по делу, а также обеспечивается право заявлять ходатайства, высказывать свои мнения и доводы, давать пояснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств». Из смысла данного правила следует, что принцип состязательности ассоциируется законодателем лишь с процессуальной деятельностью в области доказывания и что реализация важнейших правомочий участвующих в деле лиц (заявлять ходатайства, высказывать мнения, доводы и давать пояснения) обеспечивается им только по «вопросам, связанным с представлением доказательств». Подтверждением данной мысли служит и содержание ч. 4 ст. 19 ХПК, согласно которой центральное направление деятельности суда, рассматривающего экономические дела, в контексте принципа состязательности заключается в том, что он «создает лицам, участвующим в деле, условия для представления доказательств, активного участия в их исследовании и сопоставлении, в установлении фактических обстоятельств».

Однако, на наш взгляд, ограничивать действие принципа состязательности только сферой доказывания и доказательств нельзя. Безусловно, доказательственная деятельность составляет основу судопроизводства, потому что именно данная деятельность позволяет правильно ответить на главный стоящий перед судом вопрос: как следует разрешить предъявленный иск (жалобу, заявление). Соответственно, и принцип состязательности наиболее полно и ярко проявляет себя в сфере доказывания и доказательств. Однако по ходу процесса суду, а также участвующим в деле лицам требуется решить и множество других (помимо самого главного) юридических вопросов, поиск ответов на которые тоже должен протекать в условиях состязательной формы судопроизводства. Не случайно поэтому КГС требует, чтобы решение многих отдельных (частных) вопросов процесса происходило с учетом мнения (а по сути – позиции) участвующих в деле лиц или, другими словами, происходило в состязательном порядке. В связи с этим стоит заметить, что если во фразе, используемой во втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК, о том, что каждому лицу, участвующему в деле, «обеспечивается право заявлять ходатайства, высказывать свои мнения и доводы, давать пояснения по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, связанным с представлением доказательств», исключить слова

«связанным с представлением доказательств», то мы фактически получим текстуальное выражение сущности принципа состязательности.

Круг отдельных (частных) вопросов, по которым КГС прямо предписывает выяснять (учитывать) мнения лиц, участвующих в деле, довольно широк. В него входят вопросы кино-, фотосъемки, видеозаписи, а также трансляции хода судебного заседания в режиме реального времени посредством интернета (ч. 4 ст. 17, ч. 5 ст. 258 КГС), изменения языка судопроизводства (ч. 2 ст. 21 КГС), разрешения заявленного отвода (ч. 3 ст. 37 КГС), определения срока проведения сторонами переговоров при содействии их адвокатов (ч. 1 ст. 169 КГС), предоставления допрошенному свидетелю возможности удалиться из зала суда до окончания разбирательства дела (ч. 2 ст. 190 КГС), разрешения ходатайств участвующих в деле лиц (ст. 268 КГС), определения допустимости рассмотрения дела в отсутствие неявившихся в судебное заседание свидетелей, экспертов и специалистов (ч. 9 ст. 269 КГС), установления порядка исследования доказательств (ч. 1 ст. 275 КГС).

Но даже если КГС прямо и не указывает на необходимость выяснять мнения участвующих в деле лиц по тому или иному процессуальному вопросу, в силу принципа состязательности суд все равно должен данное мнение выяснять, причем в данных случаях можно говорить о взаимодействии принципа состязательности с иными принципами гражданского судопроизводства⁴. Например, суд должен учитывать мнения участвующих в деле лиц при санкционировании распорядительных волеизъявлений сторон в виде уменьшения размера исковых требований, отказа от иска, признания иска, заключения мирового соглашения (взаимодействие принципа состязательности с принципом диспозитивности). Мнения лиц, участвующих в деле, должны учитываться при допуске судом в процесс судебного представителя (взаимодействие принципа состязательности с принципом права на юридическую помощь), а также при решении вопросов об изменениях в составе сторон: возникновении процессуального соучастия или замене ненадлежащего ответчика (взаимодействие принципа состязательности с принципами процессуальной экономии и выяснения действительных обстоятельств дела⁵). При объявлении перерыва в судебном заседании, отложении судебного разбирательства или приостановлении производства по делу суд тоже обязан учитывать мнения участвующих в деле лиц (взаимодействие принципа состязательности

⁴Безусловно, взаимодействие принципа состязательности с иными принципами судопроизводства имеет место и в тех описанных выше случаях, когда КГС напрямую предписывает учитывать мнения лиц, участвующих в деле, по определенным вопросам. Так, в случае, предусмотренном ч. 4 ст. 17, ч. 5 ст. 258 КГС, принцип состязательности взаимодействует с принципом гласности, в случае, описанном в ч. 2 ст. 21 КГС, – с принципом языка судопроизводства и т. д.

⁵КГС, в отличие от ГПК (ст. 20), во второй главе среди принципов гражданского судопроизводства не называет принцип выяснения действительных обстоятельств дела, однако не подлежит сомнению, что такой принцип гражданскому судопроизводству, регулируемому КГС, присущ. См.: Скобелев В. О роли и значении принципов гражданского судопроизводства в контексте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь // Судовы веснік. 2024. № 2. С. 75–76.

с принципами непрерывности и процессуальной экономии). Мнения всех участвующих в деле лиц (а не только истца) следует выяснять и при обсуждении вопроса о допустимости рассмотрения дела в порядке заочного производства (взаимодействие принципа состязательности с принципами выяснения действительных обстоятельств дела, равенства всех перед законом и судом, процессуальной экономии и права на судебную защиту).

Если принцип состязательности связывать исключительно с доказательственной деятельностью, то тогда весьма затруднительно будет объяснить необходимость проведения судебного заседания (как одного из основных процессуальных средств обеспечения состязательности в судопроизводстве) в тех случаях, когда основным обсуждаемым вопросом является вопрос не доказывания и доказательств, а другой. В частности, это случаи проведения судебных заседаний для решения вопросов восстановления пропущенного процессуального срока (ч. 2 ст. 119 КГС), применения обеспечительных мер по делу, рассматриваемому третейским судом, международным арбитражным (третейским) судом (ч. 2 ст. 160 КГС), изменения, замены и отмены обеспечительных мер (ч. 3 ст. 161 КГС), утверждения мирового соглашения (ч. 1 ст. 167 КГС), вынесения дополнительного решения, отсрочки и рассрочки исполнения решения, изменения способа и порядка исполнения решения (ч. 1 ст. 314 КГС), разъяснения решения, исправления опечаток, опечаток и явных счетных ошибок, индексации присужденных денежных сумм (ч. 2 ст. 314 КГС), выдачи исполнительного листа на основании брачных договоров, соглашений о детях, соглашений о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, соглашений о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (ч. 1 ст. 482 КГС), выдачи дубликата исполнительного листа, определения о судебном приказе (ч. 2 ст. 484 КГС) и пр.

5. Правило ч. 3 ст. 14 КГС о том, что «стороны вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства», на первый взгляд, кажется совершенно безупречным и нужным, ведь если сторона впервые узнает об аргументах своего оппонента только в судебном разбирательстве, то рассмотрение спора в форме состязания, скорее всего, не состоится, потому что сторона не сможет эти аргументы быстро оценить, а тем более что-либо им противопоставить, соответственно, судебное разбирательство придется отложить в целях предоставления стороне возможности подготовиться к участию в споре. Однако скрупулезный анализ данного правила, в том числе в контексте других норм КГС, показывает, что оно заслуживает некоторых критических замечаний.

Во-первых, правило ч. 3 ст. 14 КГС заимствовано из первого предложения ч. 3 ст. 19 ХПК, однако там

оно имеет несколько иную редакцию, а именно касается не только сторон: «Лица, участвующие в деле, вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства». Подход более точный, но тоже не вполне оптимальный, поскольку в первом предложении ч. 3 ст. 19 ХПК упущена из виду еще одна категория субъектов процесса, которой стоило бы гарантировать возможность получать заблаговременно (до начала судебного разбирательства) информацию об аргументах участвующих в деле лиц, – представители лиц, участвующих в деле.

Во-вторых, не совсем понятно, что в ч. 3 ст. 14 КГС, равно как и в первом предложении ч. 3 ст. 19 ХПК, подразумевается под аргументами, поскольку КГС и ХПК не только не раскрывают содержания данного понятия, но и вообще термин «аргументы» нигде, кроме ч. 3 ст. 14 КГС и первого предложения ч. 3 ст. 19 ХПК, не используют. Видимо, с учетом того, что КГС заимствовал из ГПК понятие «позиция юридически заинтересованного в исходе дела лица», в ч. 3 ст. 14 КГС речь должна идти не об аргументах, а о позициях лиц, участвующих в деле, и их представителей, причем о позициях данных субъектов не по любым вопросам, а именно по существу спора.

Но гарантирует ли КГС участвующим в деле лицам и их представителям возможность заранее получить информацию о позициях друг друга, т. е. информацию о заявленных требованиях и возражениях против требований вместе с их фактическим и правовым обоснованием? Нужно сказать, что применительно к ответчику (лицу, участвующему на так называемой пассивной стороне процесса в ином виде судопроизводства, помимо искового) данная возможность в полном объеме гарантирована, потому что копия искового заявления, а при необходимости и копии приложенных к нему документов подлежат направлению или вручению ответчику судом (ч. 3 ст. 111, п. 11 ч. 2 ст. 251 КГС) или, по крайней мере, ответчику предоставляется возможность ознакомиться с данными материалами в помещении суда, если они содержат сведения, составляющие государственные секреты (п. 18 ч. 2 ст. 251 КГС). Вместе с тем позиция ответчика для истца может оставаться неизвестной вплоть до начала судебного разбирательства. Ведь по КГС (ч. 1 ст. 247), в отличие от ХПК (ч. 1 ст. 166), представление ответчиком отзыва на исковое заявление является его правом, а не обязанностью. Соответственно, если в ходе подготовки дела к судебному разбирательству судом не будет проведено предварительное судебное заседание (ст. 252 КГС) и суд не обяжет ответчика представить отзыв на исковое заявление (ч. 5 ст. 247, п. 4 ч. 2 ст. 251 КГС), то истец вплоть до начала рассмотрения дела так и будет оставаться в неведении о том, имеются ли у ответчика возражения на иск и каково их обоснование.

В-третьих, в целях реализации состязательных начал процесса участвующим в деле лицам и их

представителям должна обеспечиваться возможность заранее (до судебного разбирательства) получить информацию не только о позициях друг друга относительно сути гражданского дела, но и о содержании подтверждающих эти позиции доказательств. Такая возможность реализуется посредством процедуры раскрытия доказательств. КГС (ч. 5 ст. 179) действительно заимствовал из ХПК (ч. 4 ст. 100) предписание о том, что каждое участвующее в деле лицо должно раскрыть имеющиеся у него доказательства перед другими лицами, участвующими в деле, до завершения подготовки дела к судебному разбирательству или в пределах срока, установленного судом⁶. Однако, например, процедура раскрытия доказательств (где, кто, когда, как и в какой последовательности должен осуществлять раскрытие доказательств) КГС не определена (по всей видимости, потому, что такой процедуры нет в ХПК, откуда была заимствована сама идея о необходимости раскрытия доказательств). Санкция за нарушение обязанности по раскрытию доказательств, предусмотренная абзацем 3 ч. 1 ст. 133-1 ХПК (суд вправе взыскать со стороны судебные расходы независимо от исхода дела, если доказательства представлены стороной с нарушением установленного ХПК порядка представления доказательств, в том числе с нарушением срока представления доказательств, установленного судом), КГС тоже фактически воспринята не была⁷. Более того, из содержания некоторых норм КГС можно сделать вывод о том, что раскрытие доказательств – это право, а не обязанность участвующих в деле лиц. Например, согласно п. 2 ч. 1 ст. 250 КГС при подготовке дела к судебному разбирательству истец, третье лицо на стороне истца и их представители вправе (а не обязаны) вручить или направить ответчику копии письменных доказательств, подтверждающих основания исковых требований. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 251 КГС судья при подготовке дела к судебному разбирательству предлагает сторонам (а не обязывает их) раскрыть доказательства, подтверждающие заявленные требования и возражения.

⁶Отличие правила ч. 5 ст. 179 КГС от ч. 4 ст. 100 ХПК состоит только в том, что оно, кроме того, обязывает каждое участвующее в деле лицо в тот же срок раскрыть и факты, на которые оно ссылается как на основание своих требований или возражений. Вместе с тем в подобном дополнении вряд ли существовала необходимость. Во-первых, раскрытие фактов происходит в результате ознакомления участвующих в деле лиц и их представителей с позициями друг друга (так как элементом позиции согласно ч. 1 ст. 57 КГС является фактическое обоснование требований или возражений), поэтому такое раскрытие должно быть предметом регулирования не норм о доказывании и доказательствах, а норм об обмене копиями процессуальных документов – искового заявления и отзыва на него. Во-вторых, предусмотренная ч. 5 ст. 179 КГС обязанность раскрыть факты совершенно не согласуется с тем, что, как было показано выше, другие нормы КГС прямо допускают возникновение ситуации, при которой истец может находиться в неведении о позиции ответчика вплоть до начала разбирательства дела.

⁷Норма ч. 1 ст. 154 КГС (данная норма заимствована почти без изменений из ч. 1 ст. 139 ГПК) тоже допускает возможность возложения на сторону судебных расходов независимо от результатов рассмотрения дела по причине нарушения ею срока представления доказательств. Однако принципиальное отличие данной нормы от абзаца 3 ч. 1 ст. 133-1 ХПК заключается в том, что, во-первых, ч. 1 ст. 154 КГС допускает возможность возложения на сторону независимо от результатов рассмотрения дела не абсолютно всех судебных расходов, а только тех, которые возникли (если возникли вообще) по причине нарушения ею срока представления доказательств; во-вторых, правило ч. 1 ст. 154 КГС рассчитано лишь на ситуации нарушения стороной срока представления доказательств, установленного судом, но не самим КГС (это значит, что если сторона нарушает срок раскрытия доказательств, установленный ч. 1 ст. 179 КГС (т. е. до завершения подготовки дела к судебному разбирательству), то норма ч. 1 ст. 154 КГС применению не подлежит).

6. В ч. 4 ст. 14 КГС закреплено, что «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом». Подобного правила не содержит ст. 19 ХПК, и, думается, отнюдь не случайно, поскольку оно заслуживает ряда критических замечаний (вследствие чего его из текста ст. 14 КГС было бы целесообразно исключить).

Во-первых, анализируемое правило создает (вместе с иными аналогичного рода положениями, содержащимися в ст. 14 КГС) ошибочное впечатление о том, что принцип состязательности имеет отношение только к вопросам доказывания и доказательств, хотя, как нами было обосновано выше, действие данного принципа значительно шире – состязательные начала пронизывают, по сути, любую процессуальную деятельность и являются свойственными гражданскому судопроизводству в целом, а не каким-то отдельным его составляющим (компонентам).

Во-вторых, норма ч. 4 ст. 14 КГС фактически дублирует регулирование вопроса, которому посвящено правило первого предложения ч. 2 ст. 179 КГС: «Каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать те факты, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, если иное не предусмотрено законодательством». При этом различия, имеющиеся между тем и другим предписанием, позволяют констатировать присутствие в данном случае коллизии правовых норм: норма первого предложения ч. 2 ст. 179 КГС касается всех участвующих в деле лиц, в то время как норма ч. 4 ст. 14 КГС – только сторон, норма первого предложения ч. 2 ст. 179 КГС позволяет устанавливать исключения из предусматриваемого ею правила законодательством (т. е. любыми нормативными правовыми актами), а норма ч. 4 ст. 14 КГС – предписаниями только самого КГС.

В-третьих, правило ч. 4 ст. 14 КГС является дублирующим даже по отношению к ч. 2 ст. 14 КГС, где тоже говорится о представлении сторонами доказательств, являющихся способами (средствами) отстаивания сторонами занимаемых ими позиций.

Причем и в этом случае обе нормы не согласуются между собой: если ч. 4 ст. 14 КГС говорит об обязанности сторон осуществлять доказывание утверждаемых ими обстоятельств, то по смыслу ч. 2 ст. 14 КГС доказывание стороны могут и не осуществлять, так как по своему усмотрению избирают занимаемую в деле позицию, которая может заключаться в том числе в индифферентном отношении к результатам его разрешения.

В-четвертых, феномен, о котором идет речь в ч. 4 ст. 14 КГС (равно как и в ч. 2 ст. 179 КГС), в действительности представляет собой не юридическую обязанность в собственном смысле этого понятия, а правовую конструкцию, с помощью которой законодатель указывает на несение стороной риска проигрыша дела ввиду недоказанности (т. е. вследствие непредставления стороной убедительных доказательств) выгодных для нее фактов [13]. Безусловно, риск проигрыша дела является мощным стимулом для того, чтобы каждая из сторон осуществляла доказывание и тем самым обеспечивала состязательность судопроизводства. Однако вся проблема состоит в том, что вопросы, насколько убедительными являются представленные сторонами доказательства и на какую из сторон в итоге ложится несение риска проигрыша дела, обсуждаются на этапе процесса, когда состязание сторон уже завершено (в совещательной комнате при вынесении судом решения по существу спора), соответственно, и о результатах разрешения данных вопросов стороны узнают только постфактум (а не в ходе состязания друг с другом) из содержания решения суда. Поэтому вряд ли конструкцию так называемой обязанности доказывания можно квалифицировать в качестве правового инструмента, непосредственно гарантирующего состязательность судопроизводства, и включать информацию о данном инструменте в содержание ст. 14 КГС.

7. Первое предложение ч. 5 ст. 14 КГС гласит: «Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения норм материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении гражданских дел». Данный текст представляет собой заимствование ч. 4 ст. 19 ХПК, однако не дословное, а модифицированное.

Например, в отличие от ч. 4 ст. 19 ХПК, в первом предложении ч. 5 ст. 14 КГС присутствует предписание о том, что суд «оказывает лицам, участвующим

в деле, содействие в реализации их прав». Однако данное предписание вызывает множество вопросов. Почему суд оказывает содействие только в реализации прав, но не в исполнении обязанностей? О содействии в реализации каких прав (исполнении каких обязанностей) идет речь – материальной или процессуальной принадлежности? Если речь идет о содействии в реализации процессуальных прав (исполнении процессуальных обязанностей), то почему положения о таком содействии помещены именно в ст. 14 КГС, посвященную принципу состязательности (ведь лица, участвующие в деле, обладают комплексом процессуальных прав (обязанностей), имеющих отношение к самым разным принципам гражданского судопроизводства)? Наконец, каким образом (за счет каких собственных действий) суд может оказать участвующим в деле лицам содействие в реализации их прав (исполнении обязанностей)?

По нашему мнению, суд может оказывать сторонам содействие лишь в реализации процессуальных прав (исполнении процессуальных обязанностей), причем данное содействие не может выходить за рамки простого разъяснения этих прав (обязанностей) (реальное содействие в реализации процессуальных прав и исполнении процессуальных обязанностей лицам, участвующим в деле, оказывают их представители, которые в том числе вправе непосредственно совершать действия, составляющие содержание соответствующих прав и обязанностей), но разъяснение процессуальных прав и обязанностей, как видно из ст. 20 КГС («суд разъясняет участникам гражданского судопроизводства их процессуальные права и обязанности, а также предупреждает о последствиях ненадлежащего осуществления, отказа от реализации процессуальных прав, неисполнения или ненадлежащего исполнения процессуальных обязанностей»), образует самостоятельный принцип гражданского судопроизводства⁸, поэтому предписание в ч. 5 ст. 14 КГС на то, что суд «оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав», нам представляется совершенно излишним.

Далее, в первом предложении ч. 5 ст. 14 КГС не конкретизировано, для кого именно суд «создает условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения норм материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении гражданских дел». В ч. 4 ст. 19 ХПК на этот счет указано, что условия суд «создает лицам, участвующим в деле», а цели создания условий сформулированы несколько иначе: «...для представления доказательств, активного участия

⁸Статья 20 КГС базируется на ст. 15 ГПК и ст. 16 ХПК (причем содержание ст. 15 ГПК воспроизводит практически дословно). Однако, по нашему мнению, положение процессуального закона о необходимости разъяснения судом лицам, участвующим в деле, их процессуальных прав и обязанностей по своему характеру и сфере действия «не дотягивает» до уровня принципа судопроизводства. Значит, данному положению место не в гл. 2 КГС, а самом конце гл. 7 КГС, так как размещение данного положения после статей, посвященных процессуальным правам и обязанностям участников гражданского судопроизводства и других лиц, будет наиболее логичным шагом.

в их исследовании и сопоставлении, в установлении фактических обстоятельств, а также для правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела». Вместе с тем ни то, ни другое предписание нельзя признать в полной мере удачным.

Выше мы уже отмечали, что связывать принцип состязательности только с доказательственной деятельностью (как это имеет место в упомянутых предписаниях первого предложения ч. 5 ст. 14 КГС и ч. 4 ст. 19 ХПК) является ошибкой. Следовательно, суд должен создавать условия для представления и отстаивания участвующими в деле лицами и их представителями собственных позиций не только по вопросам доказывания и доказательств, но и по другим вопросам, возникающим в ходе судопроизводства по делу. Причем создаваться эти условия должны путем использования судом целого комплекса мер и средств, о которых в первом предложении ч. 5 ст. 14 КГС и ч. 4 ст. 19 ХПК, к сожалению, не говорится ни слова, а именно путем проведения судебных заседаний для обсуждения наиболее важных правовых вопросов, надлежащего извещения участвующих в деле лиц и их представителей о месте и времени проведения судебных заседаний, выяснения мнений участвующих в деле лиц и их представителей по всем вопросам в ходе судебных заседаний, отложения судебных заседаний в случае неявки в них по уважительным причинам участвующих в деле лиц и их представителей, пересылки копий процессуального документа, поданного участвующим в деле лицом или его представителем, остальным лицам, участвующим в деле, и их представителям и т. п.

Кроме того, видится излишним указание на то, что суд создает условия для «правильного применения норм материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении гражданских дел» (первое предложение ч. 5 ст. 14 КГС) или условия для «правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела» (ч. 4 ст. 19 ХПК). Дело в том, что условия для правильного применения правовых норм зависят от верного установления судом всех фактических обстоятельств дела и наличия у членов состава суда надлежащего уровня юридической подготовки. Однако о верном установлении фактических обстоятельств дела в первом предложении ч. 5 ст. 14 КГС и ч. 4 ст. 19 ХПК уже говорится, уровень же юридической подготовки членов состава суда обеспечивается за счет совершенно других факторов, нежели деятельность в ходе процесса: качества полученного судьями юридического образования и последующего развития ими знаний, навыков и компетенций в данной сфере.

Думается, что нет потребности и в другой констатации, присутствующей в первом предложении ч. 5 ст. 14 КГС и ч. 4 ст. 19 ХПК, – констатации того, что суд осуществляет руководство процессом. Ведь посредством деятельности по руководству процессом

(т. е. деятельности по осуществлению своих властных полномочий в разных сферах и вопросах процесса) суд обеспечивает реализацию не только принципа состязательности, но и фактически всех остальных нормативных начал (основ) судопроизводства: принципов законности (ст. 12, 25, 26 КГС), равенства всех перед законом и судом (ст. 13 КГС), диспозитивности (ст. 15 КГС), гласности (ст. 17 КГС), права на юридическую помощь (ст. 19 КГС), языка судопроизводства (ст. 21 КГС), процессуальной экономии (ст. 23 КГС) и т. д.

8. Совершенно новым в ст. 14 КГС, по сравнению со ст. 19 ХПК, является предписание второго предложения ее пятой части: «Суд основывает решение лишь на тех доказательствах, участие в исследовании которых на равных основаниях было обеспечено всем лицам, участвующим в деле». И данное предписание вызывает возражения в силу ряда причин.

Во-первых, по данному вопросу в КГС имеется еще одна норма, закрепленная в ч. 2 ст. 282, согласно которой «суд основывает решение и определение лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании» (норма дословно воспроизводит текст ч. 2 ст. 297 ГПК, правило сходного содержания присутствует и в ч. 3 ст. 190 ХПК: «Суд, рассматривающий экономические дела, основывает решение лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в заседании»). Значит, предписание второго предложения ч. 5 ст. 14 КГС создает дублирование в правовой регламентации одного и того же вопроса, причем такое дублирование, которое имеет своим следствием возникновение юридической коллизии. Дело в том, что второе предложение ч. 5 ст. 14 КГС и ч. 2 ст. 282 КГС фактически по-разному формулируют то условие, при соблюдении которого доказательства могут быть положены в основу принимаемого судом постановления. В соответствии с ч. 2 ст. 282 КГС данным условием является исследование доказательств в судебном заседании, в то время как согласно второму предложению ч. 5 ст. 14 КГС таким условием выступает обеспечение всем лицам, участвующим в деле, возможности участия в исследовании доказательств на равных основаниях (т. е. акцент с необходимости исследования доказательств в судебном заседании снят, и получается, что главное – обеспечить заинтересованным лицам равные возможности по участию в исследовании доказательств, даже если самого исследования доказательств как такового не было).

Во-вторых, предусмотренное вторым предложением ч. 5 ст. 14 КГС условие, при котором доказательства могут быть положены в основу решения или определения, является весьма сложным с точки зрения его оценивания в конкретной практической ситуации, потому что не ясно, в чем именно должны заключаться (проявляться) равные основания участия в исследовании доказательств. Будет ли достаточно для выполнения данного условия суду просто известить всех участвующих в деле лиц о времени

и месте судебного заседания, в котором будет происходить исследование доказательств? Или же равные основания участия в исследовании доказательств предполагают, например, что если одна сторона ведет свое дело с привлечением адвоката, то адвокатом обязательно должна быть обеспечена и вторая сторона, если одна сторона задала свидетелю только три вопроса, то не более трех вопросов свидетелю должно быть позволено и другой стороне, и т. д.?

В-третьих, КГС непосредственно допускает случаи, когда участвующим в деле лицам априори не обеспечивается (в силу тех или иных причин, в том числе связанных с виновным поведением самого заинтересованного лица) возможность участия в исследовании доказательств на равных основаниях, однако исследованные в таких условиях доказательства допускается использовать при вынесении судебного постановления. Например, это случаи ограничения выступления участника судебного разбирательства или лишения его участника слова (ст. 125 КГС), удаления участника гражданского судопроизводства из зала судебного заседания при повторном нарушении им порядка (ч. 2 ст. 259 КГС), рассмотрения дела при неявке кого-либо из участвующих в деле лиц (ч. 4 ст. 269 КГС), рассмотрения дела в порядке заочного производства (гл. 29 КГС).

Таким образом, вышесказанное свидетельствует о том, что от предписания второго предложения ч. 5 ст. 14 КГС целесообразно отказаться. Вопрос, которому посвящено данное предписание, оптимальным образом и в должной мере уже урегулирован ч. 2 ст. 282 КГС.

9. В части 6 ст. 14 КГС зафиксированы положения, которых нет в ст. 19 ХПК: «Суд освобождается от собирания доказательств по собственной инициативе, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом. Однако в целях установления фактических обстоятельств дела по мотивированному ходатайству стороны суд оказывает содействие в истребовании необходимых доказательств по делу, если их представление стороной является невозможным». Приведенные положения тоже заслуживают ряда критических замечаний.

Во-первых, предписания ч. 6 ст. 14 КГС, равно как и многие иные положения ст. 14 КГС, неоправданно акцентируют внимание на связи принципа состязательности исключительно лишь с доказательственной деятельностью и совершенно игнорируют его значение для решения всех остальных вопросов гражданского судопроизводства.

Во-вторых, использованный в начале второго предложения союз «однако» указывает на то, что первое и второе предложения противопоставляются

друг другу (так как первое предложение закрепляет общее правило, а второе предложение – исключения из него). Между тем в действительности никакого противопоставления между данными предложениями нет: если первое предложение предусматривает правило о недопустимости собирания судом доказательств по собственной инициативе, то второе предложение посвящено не исключениям из данного правила (т. е. ситуациям, когда суд может сам инициировать собирание доказательств), а совершенно другому вопросу о том, когда суд по инициативе сторон может оказывать им содействие в получении доказательства.

В-третьих, присутствующее во втором предложении ч. 6 ст. 14 КГС выражение про «содействие в истребовании необходимых доказательств» является не совсем точным, потому что суд оказывает стороне содействие не в истребовании доказательств (ведь полномочий на истребование доказательств у самой стороны нет), а в получении (собрании) доказательств. Истребованием доказательств в этом случае занимается сам суд. Данное истребование как раз и выражает собой то содействие, которое суд оказывает стороне в получении (собрании) ею доказательств. Подтверждением сказанному является и наименование соответствующего ходатайства стороны, которым оперирует КГС: ходатайство «об истребовании доказательства», а не ходатайство «о содействии в истребовании доказательства» (ч. 3 ст. 180, п. 3 ч. 1, п. 4 ч. 2 ст. 250, ч. 3 ст. 335, ч. 3 ст. 336 КГС). Заметим, что указанное неточное выражение присутствует также во втором предложении ч. 2 ст. 180 КГС (суд «содействует в истребовании таких доказательств»), а в целом проблема отмеченной неточности имеет, образно говоря, «хронический» характер, поскольку заимствована из аналогичных норм второго предложения ст. 20 ГПК («суд содействует указанным лицам по их ходатайству в истребовании доказательств»), ч. 3 ст. 179 ГПК («суд на основании их ходатайств содействует в истребовании таких доказательств»), п. 10 ст. 262 ГПК (суд «содействует в истребовании от граждан и юридических лиц доказательств»).

В-четвертых, первое предложение ч. 6 ст. 14 КГС предусматривает в качестве общего (т. е. действующего в подавляющем большинстве случаев) правило о том, что по собственной инициативе суд доказательств не собирает⁹. Однако по КГС возможности суда в сфере самостоятельного собирания (получения) доказательств насколько широки, что впору говорить о необходимости закрепления прямо противоположного по содержанию правила. В частности, по своей инициативе суд вправе привлечь в процесс государственный орган, иную уполномоченную организацию

⁹В версии КГС, которая была размещена (при внесении проекта КГС на рассмотрение Национального собрания Республики Беларусь) в банке данных проектов законов Республики Беларусь, отмеченное правило имело даже еще более радикальную (не допускающую исключений) редакцию: «Суд освобождается от обязанности по собиранию доказательств по собственной инициативе в целях установления фактических обстоятельств дела».

для дачи заключения по делу (ч. 1 ст. 80 КГС), назначить экспертизу (ч. 4 ст. 145, ст. 218 КГС), вызвать свидетелей (ч. 4 ст. 145 КГС) и повторно их допросить (ч. 5 ст. 190 КГС), вызвать экспертов (ч. 4 ст. 145 КГС), вызвать специалистов (ч. 4 ст. 145, ч. 1 ст. 230 КГС), провести осмотр на месте (ч. 4 ст. 145, ст. 208, п. 6 ч. 2 ст. 251 КГС), в том числе осмотр подвергающихся быстрой порче доказательств (ч. 1 ст. 206 КГС), истребовать подлинник электронного доказательства (ч. 4 ст. 200, п. 6 ч. 2 ст. 251 КГС), произвести освидетельствование (ч. 4 ст. 145, ч. 1 ст. 211 КГС), предъявить для опознания лицо, предмет или животное (ч. 4 ст. 145, ч. 1 ст. 213 КГС), провести судебный эксперимент (ч. 4 ст. 145, ст. 216 КГС), направить судебное поручение (ч. 1 ст. 236, п. 7 ч. 2 ст. 251 КГС), предложить сторонам и их представителям представить дополнительные доказательства (ч. 2 ст. 180, п. 1 ч. 2 ст. 251 КГС), предложить ответчику представить доказательства в подтверждение его возражений (п. 11 ч. 2 ст. 251 КГС), обязать участвующих в деле лиц представить письменные объяснения (ч. 5 ст. 247, п. 4 ч. 2 ст. 251 КГС), истребовать доказательства по отдельным категориям дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений (ч. 4 ст. 368, ч. 2 ст. 383, ч. 3 ст. 399, ч. 3 ст. 403 КГС), дел особого производства (ч. 3 ст. 450 КГС) и иных неисковых производств (ч. 2 ст. 469, ч. 2 ст. 495, ч. 4 ст. 531, ч. 4 ст. 540 КГС).

В-пятых, ч. 6 ст. 14 КГС, видимо, призвана в целом отразить весьма расхожую в кругах теоретиков и практиков идею о том, что в силу принципа состязательности активными в сфере доказывания и доказательств должны являться только стороны процесса, а суд должен быть преимущественно пассивным. Однако подобная идея, на наш взгляд, есть заблуждение. Без активной роли суда в ходе судопроизводства, в том числе по вопросам доказывания и доказательств, обеспечение истинной состязательности (в том значении, которое мы отстаиваем в настоящей работе) невозможно¹⁰. Не случайно поэтому КГС, провозглашая принцип состязательности процесса, одновременно наделяет суды столь широкими полномочиями по инициативному собиранию (получению) доказательств. Однако только этим активность суда по вопросам доказывания и доказательств исчерпываться не должна. Суд должен обладать полномочиями еще и на то (о чем, к сожалению, ни в ст. 14, ни в каких-либо других статьях КГС не говорится ни слова), чтобы ставить участвующих в деле лиц и их представителей в известность о содержании предмета доказывания по делу, в том числе предлагать на их обсуждение те имеющие значение для дела обстоятельства, которые ни одним участвующим в деле лицом упомянуты не были, информиро-

вать участвующих в деле лиц о действии презумпций в отношении отдельных входящих в предмет доказывания фактов, указывать участвующим в деле лицам, какие доказательства могут быть представлены в подтверждение тех или иных обстоятельств.

10. Согласно ч. 7 ст. 14 КГС «стороны несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий». Правило заимствовано из второго предложения ч. 3 ст. 19 ХПК с той лишь разницей, что используемый во втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК термин «лица, участвующие в деле» заменен в ч. 7 ст. 14 КГС на термин «стороны». Вместе с тем ни тот, ни другой вариант правила нельзя признать полностью удачным, а само правило – безусловно необходимым для сферы судопроизводства.

Во-первых, в ч. 7 ст. 14 КГС (втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК) не конкретизировано, о совершении (несовершении) каких именно процессуальных действий идет речь. Поэтому с формальной точки зрения анализируемое правило есть основания распространять на абсолютно любые процессуальные действия, т. е. процессуальные действия любой целевой направленности и любого содержания. Но в ходе судопроизводства заинтересованными лицами совершаются (не совершаются) действия, имеющие отношение не только к состязательности, но и к другим принципам гражданского судопроизводства, в частности, к гласности правосудия (заявление ходатайства о слушании дела в закрытом режиме), языку судопроизводства (заявление ходатайства о предоставлении переводчика), диспозитивности (заключение мирового соглашения) и т. д. И тогда возникает вопрос, почему правило ч. 7 ст. 14 КГС (второго предложения ч. 3 ст. 19 ХПК) находится в статье, посвященной принципу состязательности.

Во-вторых, анализируемое правило фактически говорит о том, что последствия (если таковые возникают) совершения или несовершения сторонами (ч. 7 ст. 14 КГС) или лицами, участвующими в деле (второе предложение ч. 3 ст. 19 ХПК), процессуальных действий распространяются именно на данных субъектов. Однако это вполне очевидный факт, который вряд ли имеет смысл констатировать на уровне процессуального закона, – подобная констатация как таковая не способна чему-либо поспособствовать или что-либо улучшить.

В-третьих, последствия совершения или несовершения сторонами (ч. 7 ст. 14 КГС) или лицами, участвующими в деле (второе предложение ч. 3 ст. 19 ХПК), процессуальных действий могут наступать не только для самих этих субъектов, но и для иных участников судопроизводства, а в определенных случаях также для лиц, участниками судопроизводства

¹⁰ Активная роль суда, направленная на обеспечение состязательности, заключается (помимо его активности по вопросам доказывания и доказательств) также в том, что суд организует проведение судебных заседаний, извещает о времени и месте их проведения всех участвующих в деле лиц, выясняет мнения последних по всем вопросам, возникающим в ходе судебных заседаний, направляет участвующим в деле лицам копии поданных процессуальных документов, реализует положения, касающиеся принципов равенства всех перед законом и судом, гласности процесса, языка судопроизводства и т. п.

не являющихся. Например, заявление стороной ходатайства о вызове определенного гражданина в суд в качестве свидетеля порождает последствия для суда (возникновение обязанности надлежащим образом разрешить ходатайство) и в случае удовлетворения ходатайства порождает последствия для гражданина (возникновение комплекса процессуальных прав и обязанностей, образующих статус свидетеля). Заявление стороной ходатайства об истребовании доказательства из какого-то государственного органа влечет последствия для суда (возникновение обязанности ходатайство надлежащим образом рассмотреть) и в случае удовлетворения ходатайства влечет последствия для государственного органа (обязанность представить доказательство в суд).

В-четвертых, выражение «риск наступления последствий», используемое в ч. 7 ст. 14 КГС (втором предложении ч. 3 ст. 19 ХПК), свидетельствует о том, что соответствующие последствия лишь вероятны и вполне могут не наступить. Подобный вариант развития событий характерен для случаев несовершенства процессуальных действий. Ведь процессуальное законодательство предусматривает возможность совершения огромного количества разнообразных процессуальных действий, в том числе и тех, которые к данному конкретному рассматриваемому судом делу отношения не имеют. Поэтому очевидно, что несовершенство заинтересованным лицом действий последнего рода ни к каким последствиям не может вести. Например, если сторона не заявляет ходатайство о рассмотрении дела в закрытом судебном заседании (потому что объективно оснований для разбирательства дела в закрытом режиме нет), то

у подобного бездействия стороны никаких последствий не будет. Хотя если действие имеет отношение к делу, то его несовершенство в определенных ситуациях к последствиям способно привести. В частности, неподача сторонами апелляционных жалоб на вынесенное судом решение ведет к вступлению последнего в законную силу.

Однако отмеченного варианта развития событий (когда наступление последствий отсутствует) практически не может быть при совершении процессуальных действий: любые процессуальные действия влекут последствия или для того лица, которое их совершило, или для иных субъектов процесса. Так, подача заинтересованным лицом процессуального документа, содержащего требование (ходатайство), влечет обязанность суда его рассмотреть и разрешить, представление заинтересованным лицом доказательств, в том числе в форме собственных объяснений, влечет обязанность суда исследовать их и учесть при постановлении решения. Последствия влечет даже такое действие, как ознакомление стороны с материалами гражданского дела, последствия заключаются в том, что полученная информация ведет к дальнейшему поддержанию стороной позиции в споре, корректировке данной позиции или отказу от нее.

В-пятых, термин «риск», которым оперируют ч. 7 ст. 14 КГС (второе предложение ч. 3 ст. 19 ХПК), указывает на то, что последствия совершения или несовершенства процессуальных действий имеют негативный (неблагоприятный) характер, в то время как в действительности подобного характера наступающие последствия в подавляющем большинстве случаев не имеют.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют предложить следующую новую редакцию ст. 14 КГС:

«1. Гражданское судопроизводство осуществляется на основе состязательности, в силу которой рассмотрение и разрешение всех наиболее значимых правовых вопросов происходит путем выяснения, проверки, оценки и учета позиций всех лиц, участвующих в деле, и их представителей.

2. Лица, участвующие в деле, и их представители по своему усмотрению избирают собственную позицию, способы и средства ее отстаивания, в том числе обосновывают свои требования или возражения, представляют доказательства, заявляют ходатайства, высказывают мнения, приводят доводы, а также подвергают анализу, критике и оценке чужую позицию (позиции).

3. Лица, участвующие в деле, и их представители вправе знать о позициях друг друга относительно сути гражданского дела и подтверждающих эти позиции доказательствах до начала судебного разбирательства.

4. Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, создает лицам, участвующим в деле, и их представителям условия для формирования и отстаивания собственной позиции, а также для исследования, критики и оценки чужой позиции (позиций). Указанные условия создаются в том числе путем проведения судебных заседаний, надлежащего извещения лиц, участвующих в деле, и их представителей о месте и времени их проведения, выяснения мнений лиц, участвующих в деле, и их представителей по всем вопросам, возникающим в ходе судебных заседаний, пересылки (передачи) всем лицам, участвующим в деле, и их представителям копий поданных процессуальных документов, иными процессуальными способами и средствами.

5. В целях выяснения, проверки, оценки и учета позиций всех лиц, участвующих в деле, и их представителей суд вправе в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом и иными актами законодательства, проявлять инициативу в совершении

процессуальных действий, в том числе в собирании (получении) доказательств».

Положения ч. 1 ст. 57 КГС необходимо выделить в отдельную статью (подобно ст. 55 ГПК), при этом уточнить, что самостоятельную позицию в производстве по делу занимают не только лица, участвующие в деле, но и их представители, а сама «позиция включает в себя определенное отношение лица к тому или иному вопросу судопроизводства (т. е. требования, возражения против требований, согласие с требованиями или возражениями, признание требований или возражений и т. д.) вместе с фактическим и правовым обоснованием такого отношения».

Чтобы обеспечить реализацию принципа состязательности, требуется предусмотреть обязательность

проведения судебных заседаний для рассмотрения ряда частных вопросов (обеспечение доказательств, выдача дубликата исполнительного документа и пр.), гарантировать участвующим в деле лицам и их представителям возможность заранее получать информацию о позициях друг друга относительно сути гражданского дела и обосновывающих эти позиции доказательствах (подробная регламентация процедуры раскрытия доказательств и т. п.), наделить суды некоторыми новыми полномочиями в сфере доказывания и доказательств (ставить участвующих в деле лиц и их представителей в известность о содержании предмета доказывания по делу, в том числе предлагать на их обсуждение те имеющие значение для дела обстоятельства, которые ни одним участвующим в деле лицом упомянуты не были, и др.).

Библиографические ссылки

1. Тихиня ВГ, Тихонович ВВ. *Конституция БССР и принципы судебной защиты гражданских прав*. Минск: БГУ; 1980. 56 с.
2. Семенов ВМ. *Конституционные принципы гражданского судопроизводства*. Москва: Юридическая литература; 1982. 152 с.
3. Тараненко ВФ. *Принципы диспозитивности и состязательности в советском гражданском процессе*. Шакарян МС, редактор. Москва: ВЮЗИ; 1990. 54 с.
4. Треушников МК, Чешка З, редакторы. *Основные принципы гражданского процесса*. Москва: Издательство МГУ; 1991. 144 с.
5. Ференс-Сороцкий АА. *Принципы гражданско-процессуального права*. Санкт-Петербург: СПбГУ; 1993. 54 с.
6. Шишкин СА. *Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве*. Москва: Городец; 1997. 192 с.
7. Фокина МА. *Состязательность в гражданском судопроизводстве: закономерности и исключения*. Саратов: Издательство Саратовского юридического института МВД РФ; 1999. 76 с.
8. Шерстюк ВМ. *Развитие принципов арбитражного процессуального права*. Москва: Городец; 2004. 160 с.
9. Воронов АФ. *Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее*. Москва: Городец; 2009. 496 с.
10. Филипчик Р. Применение конституционного принципа состязательности при рассмотрении гражданских дел в контексте унификации процессуального законодательства. *Судовы веснік*. 2020;1:28–31.
11. Король Э. Возможные пути развития принципа состязательности при унификации и совершенствовании гражданского процесса. *Судовы веснік*. 2020;1:32–35.
12. Скобелев В. О роли и значении принципов гражданского судопроизводства в контексте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь. *Судовы веснік*. 2024;1:72–79.
13. Скобелев ВП. Обязанность доказывания в гражданском судопроизводстве: новый взгляд на старые проблемы. В: Гриб ВВ, редактор. *Научные труды Российской академии юридических наук. Выпуск 17. Том 2*. Москва: Юрист; 2017. с. 238–242.

References

1. Tikhinya VG, Tikhonovich VV. *Konstitutsiya BSSR i printsipy sudebnoi zashchity grazhdanskikh prav* [Constitution of the BSSR and principles of judicial protection of civil rights]. Minsk: Belarusian State University; 1980. 56 p. Russian.
2. Semenov VM. *Konstitutsionnye printsipy grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Constitutional principles of civil proceedings]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1982. 152 p. Russian.
3. Taranenko VF. *Printsipy dispozitivnosti i sostyazatel'nosti v sovetskom grazhdanskom protsesse* [Principles of dispositiveness and adversarial nature in Soviet civil procedure]. Shakaryan MS, editor. Moscow: Vsesoyuznyi yuridicheskii zaochnyi institut; 1990. 54 p. Russian.
4. Treushnikov MK, Cheshka Z, editors. *Osnovnye printsipy grazhdanskogo protsessa* [Basic principles of civil procedure]. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1991. 144 p. Russian.
5. Ferens-Sorotsky AA. *Printsipy grazhdansko-protseessual'nogo prava* [Principles of civil procedural law]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 1993. 54 p. Russian.
6. Shishkin SA. *Sostyazatel'nost' v grazhdanskom i arbitrazhnom sudoproizvodstve* [Adversarial nature in civil and arbitration proceedings]. Moscow: Gorodets; 1997. 192 p. Russian.
7. Fokina MA. *Sostyazatel'nost' v grazhdanskom sudoproizvodstve: zakonmernosti i isklyucheniya* [Adversarial nature in civil proceedings: patterns and exceptions]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo yuridicheskogo instituta MVD RF; 1999. 76 p. Russian.
8. Sherstyuk VM. *Razvitie printsipov arbitrazhnogo protseessual'nogo prava* [Development of principles of arbitration procedural law]. Moscow: Gorodets; 2004. 160 p. Russian.

9. Voronov AF. *Printsipy grazhdanskogo protsessa: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [Principles of civil procedure: past, present, future]. Moscow: Gorodets; 2009. 496 p. Russian.
10. Filipchik R. [Application of the constitutional principle of adversarial proceedings in the consideration of civil cases in the context of the unification of procedural legislation]. *Sudovy vesnik*. 2020;1:28–31. Russian.
11. Korol' E. [Possible ways of developing the adversarial principle in the unification and improvement of civil procedure]. *Sudovy vesnik*. 2020;1:32–35. Russian.
12. Skobelev V. [On the role and significance of the principles of civil procedure in the context of the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus]. *Sudovy vesnik*. 2024;1:72–79. Russian.
13. Skobelev VP. [Burden of proof in civil proceedings: a new look at old problems]. In: Grib VV, editor. *Nauchnye trudy Rossiiskoi akademii yuridicheskikh nauk. Vypusk 17. Tom 2* [Scientific works of the Russian Academy of Law Sciences. Issue 17. Volume 2]. Moscow: Yurist; 2017. p. 238–242. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.10.2024.
Received by editorial board 14.10.2024.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

УДК 343.13

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ

В. Н. БИБИЛО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Уголовно-процессуальные конфликты являются видом отраслевых юридических конфликтов. Они возникают между участниками уголовного процесса, имеющими противоположные интересы и цели. Их появление связано с наличием уголовно-правового конфликта (преступления). Необходимо различать понятия и явления «правовой конфликт» и «юридический конфликт». Правовой конфликт – это возможный конфликт. Модель его предупреждения и разрешения заложена в законодательстве. Юридический конфликт – это реализованный в действиях субъектов правовой конфликт. В законодательстве достаточно подробно урегулировано разрешение уголовно-процессуальных конфликтов между профессиональными юристами (судьей, прокурором, следователем, адвокатом). При разрешении любых уголовно-процессуальных конфликтов существенное значение имеет дискреция (усмотрение) правоприменителя.

Ключевые слова: конфликт; уголовный процесс; уголовное дело; субъект; суд; прокурор; следователь; адвокат.

Образец цитирования:

Бибилло В.Н. Уголовно-процессуальные конфликты. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:50–55.
EDN: MFJTNR

For citation:

Bibilo VN. Criminal procedural conflicts. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:50–55. Russian.
EDN: MFJTNR

Автор:

Валентина Николаевна Бибилло – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета.

Author:

Valentina N. Bibilo, doctor of science (law), full professor; professor at the department of criminal procedure and directorate of public prosecutions, faculty of law.
zagorovskaja@bsu.by

CRIMINAL PROCEDURAL CONFLICTS

V. N. BIBILO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. Criminal procedural conflicts are a type of sectoral legal conflicts. They arise between participants in criminal proceedings who have opposing interests and goals. Their occurrence is associated with the presence of a criminal legal conflict (crime). It is necessary to differentiate between the concepts and phenomena «legal conflict» and «juristic conflict». A legal conflict is a potential conflict. The model for its prevention and resolution is laid down in legislation. A juristic conflict is a legal conflict realised in the actions of subjects. The legislation regulates the resolution of criminal procedural conflicts between professional lawyers (judge, prosecutor, investigator, defense lawyer) in sufficient detail. In resolving any criminal procedural conflicts, the discretion of the law enforcement officer is essential.

Keywords: conflict; criminal procedure; criminal case; subject; court; prosecutor; investigator; defense lawyer.

В процессе освоения окружающего мира наличие противоречий в природе, обществе, мышлении вызывает конфликты между людьми. Конфликт (лат. *conflictus* – столкновение, борьба) в конце XIX в. начал рассматриваться как один из стимулов социального развития. Однако только к середине XX в. его социологическая трактовка была сформирована и выделена как самостоятельное направление. Конфликтология объясняет социальные процессы, изучает функционирование общественных систем посредством рассмотрения социальных конфликтов, возникающих из-за существования противоположных интересов и целей людей.

В советской науке длительное время отрицалось наличие социальных конфликтов. Предполагалось, что конфликты такого рода присущи только обществам с антагонистическими интересами. Исследования проводились лишь в аспекте поиска противоречий в праве. И только к концу XX в. уже на постсоветском пространстве наблюдался всплеск интереса к проблемам социального конфликта, в частности, к его разновидности – юридическому конфликту.

Один из первых исследователей юридического конфликта в российской науке В. Н. Кудрявцев писал: «Юридический конфликт можно определить как противоборство субъектов права в связи с применением, нарушением или толкованием правовых норм» [1, с. 10]. Он рассматривал юридический конфликт в узком смысле как собственно конфликт и в более широком смысле как конфликт, начинающийся вне правовых норм или отношений, независимо от них и только впоследствии приобретающий юридический характер [1, с. 10–11].

Юридический конфликт не следует отождествлять с правовым конфликтом, как это делают некоторые авторы, придавая данным понятиям синонимичное значение [2, с. 47; 3, с. 4; 4, с. 19]. Каждому из них присущи определенные оттенки. Правовой конфликт можно рассматривать как своего рода модель, заложенную в законодательстве, главным предназначением которой является предотвращение и разрешение конфликта, проявляющегося в действиях

его участников. Юридический конфликт – это реализованный правовой конфликт, регулируемый не только нормами законодательства, но и иными социальными нормами.

Как социальный феномен, юридические конфликты могут быть различных видов: глобальные, региональные, местные, групповые, межличностные и т. п. С точки зрения специфики права представляется универсальным выделение общеправовых, межотраслевых и отраслевых. Общеправовые конфликты свойственны праву в целом и характерны для большинства его отраслей. Они носят, как правило, общегосударственный или международный характер [5, с. 56] и представляют значительную опасность, поскольку, затрагивая широкое поле интересов и ценностей, заложенных в принципах права, не являются достаточно определенными, особенно в способах их разрешения и даже установления. Такого рода правовые конфликты могут оказаться нереализованными в виде реальных юридических конфликтов. Межотраслевые юридические конфликты присущи участникам правоотношений, статус которых определен правовыми нормами различных отраслей права. Отраслевые юридические конфликты возникают между участниками правоотношений, статус которых определен одной отраслью права. Юридические конфликты проявляются в процессе правоприменительной деятельности.

Уголовно-процессуальные конфликты являются видом юридического конфликта и характеризуются социальным взаимодействием субъектов уголовно-процессуальных правоотношений. Они возникают при наличии уголовно-правового (криминального) конфликта, т. е. преступления. Для его установления необходимы упорядоченный уголовный процесс, деятельность по расследованию и рассмотрению уголовных дел.

Различия между уголовно-правовым и уголовно-процессуальным конфликтом состоят в следующем. Во-первых, сама их природа неодинакова. Уголовно-правовой конфликт – это преступление, которое порождает в том числе и уголовно-процессуальные конфликты при производстве по уголовному делу

ввиду наличия сторон, имеющих противоположные интересы. Во-вторых, сферой уголовно-правового конфликта могут быть различные общественные отношения, а уголовно-процессуальные конфликты появляются, развиваются и разрешаются в условиях уголовного процесса. В-третьих, состав участников этих конфликтов неодинаков. В уголовно-правовом конфликте одной из сторон является лицо, совершившее преступление (преступник), а другой – лицо, интересы которого охраняются законом (государство, личность и т. п.). Участники уголовно-процессуального конфликта определены в законодательстве. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь 1999 г. (далее – УПК) выделяются три группы участников уголовного процесса: 1) государственные органы и должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу (гл. 4, 5); 2) участники уголовного процесса, защищающие свои или представляемые права и интересы (гл. 6); 3) иные участники уголовного процесса, т. е. лица, не имеющие самостоятельного процессуального интереса (гл. 7). Необходимо иметь в виду, что посредником при разрешении любого уголовно-процессуального конфликта будет кто-либо из государственных органов или должностных лиц, осуществляющих расследование и рассмотрение уголовного дела (следователь, прокурор, судья и др.). В-четвертых, уголовно-правовые конфликты могут выражаться в действии или бездействии преступника, а также иногда в ответных действиях пострадавшего, например, в случае необходимой обороны, крайней необходимости (ст. 34, ст. 36 Уголовного кодекса Республики Беларусь). В-пятых, по времени возникновения уголовно-правовые конфликты предшествуют уголовно-процессуальным. Они относятся к прошлому, а потому являются неизменными и необратимыми. Заметим, что уголовно-процессуальный конфликт может перерасти в уголовно-правовой, но при этом будет вестись самостоятельное производство по уголовному делу. Модели ожидаемых, возможных (уголовно-процессуальных) конфликтов заложены в УПК. Однако не все модели станут реальным юридическим конфликтом, проявляющимся в деятельности субъектов уголовно-процессуальных отношений.

Любой предмет или явление выполняют определенные функции. Уголовно-процессуальные конфликты не составляют исключения. Согласно Н. Ю. Лебедеву, всем уголовно-процессуальным конфликтам присущи функции интеграции (объединения усилий участников уголовного процесса, направленных на достижение целей уголовного процесса), инновации (содействия проявлению инициативы, росту, повышению квалификации участников), профилактики (регулирующая разногласий и противоречий в дея-

тельности участников), прогнозирования (определения дальнейшего возможного поведения субъекта), отображения оценки правовой реальности (выявления недостатков правовой системы), регулирования взаимоотношений участников конфликта (отображение возникших противоречий, позволяющие не доводить уголовно-процессуальный конфликт до уголовно-правового), восстановления нарушенных личностных, трудовых, конституционных и других прав [6, с. 30–38].

А. М. Ларин обратил внимание на то, что наличие конфликтов в судопроизводстве неоспоримо, тем не менее конфликтологическая трактовка расследования в уголовном процессе неприемлема [7, с. 132]. Не каждый уголовный процесс сопровождается даже одним выраженным уголовно-процессуальным конфликтом. Где-то в сфере правосознания и может зародиться идея реализации правового конфликта, однако если эта идея не была выражена в деятельности соответствующего субъекта, то, надо полагать, такого уголовно-процессуального конфликта не было.

В юридической литературе приводятся различные классификации уголовно-процессуальных конфликтов¹ [6, с. 38–49; 8, с. 71–119; 9]. Значительный интерес представляют конфликты в сфере уголовного процесса между профессиональными юристами (следователем, прокурором, судьей, адвокатом), а также конфликты на соответствующих этапах производства по уголовному делу (на досудебных и судебных стадиях). Кроме того, не исключено, что потерпевший и обвиняемый могут предъявлять претензии к субъектам, осуществляющим производство по уголовному делу.

Рассмотрим наиболее значимые уголовно-процессуальные конфликты. В ст. 350 УПК изложены требования, предъявляемые к приговору, где отмечается, что приговор должен быть законным, обоснованным, мотивированным и справедливым. Для реализации этих требований необходимо создать условия. Приговор постановляется в совещательной комнате при соблюдении тайны совещания судей. Установлен порядок совещания судей при коллегиальном рассмотрении уголовного дела (ст. 354 УПК). Все вопросы, подлежащие обсуждению при постановлении приговора, разрешаются большинством голосов, за исключением смертной казни, которая может быть назначена только по единогласному решению всех судей. Судья, оставшийся при голосовании в меньшинстве, вправе письменно изложить свое особое мнение в совещательной комнате. После вступления приговора в законную силу суд, рассматривавший уголовное дело, направляет его председателю вышестоящего суда для решения вопроса о принесении протеста в порядке надзора (ч. 5, 6 ст. 354 УПК). И хотя изложение особого мнения судьи не имеет широкого

¹Баева Н. А. Конфликты в деятельности адвоката-защитника в российском уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Воронеж, 2007. С. 16–18.

распространения в судебной практике, а относительно его дальнейшей судьбы в науке высказывались различные предложения [10, с. 427–439], тем не менее способ разрешения такого уголовно-процессуального конфликта все же определен в УПК.

Качество правосудия в значительной мере зависит от деятельности следователя. Согласно ст. 36 УПК следователь после того, как он принял дело к производству и приступил к его расследованию, обязан всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства уголовного дела. Все решения о производстве следственных и других процессуальных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции прокурора или письменного согласования решения органа уголовного преследования о задержании лица, и несет полную ответственность за их законное и своевременное исполнение. Несмотря на такие широкие полномочия следователя, его деятельность не остается без внимания прокурора и начальника следственного подразделения. Общегосударственная функция прокурорского надзора в уголовном процессе реализуется как осуществление прокурором от имени государства уголовного преследования и государственного обвинения в суде. При этом прокурор обладает довольно широкими полномочиями, влияющими на ход и исход предварительного расследования (ст. 34 УПК). Между следователем и прокурором может возникнуть уголовно-процессуальный конфликт, процедура разрешения которого изложена в УПК. В случае несогласия следователя с указаниями прокурора по наиболее значимым вопросам предварительного следствия о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, данными в порядке, установленном п. 3 ч. 1 ст. 264 УПК, он вправе представить дело вышестоящему прокурору с письменным изложением своих возражений, приостановив при этом исполнение указаний прокурора. В этом случае прокурор или отменяет указание нижестоящего прокурора, или направляет дело для производства предварительного следствия начальнику следственного подразделения с целью передачи его другому следователю (ч. 4 ст. 36 УПК).

Наибольшее число уголовно-процессуальных конфликтов происходит в связи с осуществлением адвокатом функции защиты в уголовном процессе. К ним относятся уголовно-процессуальные конфликты по поводу приглашения, назначения и замены защитника, оплаты его труда; процедуры заявления и разрешения ходатайств; собирания доказательств защитником; обстоятельств, исключающих участие защитника в производстве по уголовному делу; отказа от защитника; обжалования защитником судебных актов, а также решений должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, и т. д.

Наличие уголовно-процессуальных конфликтов между адвокатом-защитником и следователем, прокурором, судом и отсутствие в УПК надежных, гарантированных правом способов их разрешения наиболее чувствительно для подозреваемого, обвиняемого, особенно в таких случаях, когда лицо не имеет соответствующего статуса стороны, но в отношении него осуществляется обвинительная деятельность. Для разрешения подобных ситуаций адвокату необходимо предоставить широкие возможности в плане присутствия при проведении следственных действий, ознакомления с документами, обжалованием [11; 12, с. 95–99].

Чтобы предупредить эскалацию юридических конфликтов, в УПК названы обстоятельства, исключающие возможность участия в производстве по уголовному делу. Речь идет прежде всего о самоотводах и отводах судьи, прокурора, следователя и лица, производящего дознание, секретаря судебного заседания, переводчика, эксперта, специалиста. Они должны заявить самоотвод при наличии обстоятельств, изложенных в ст. 77 УПК. Сущность этих обстоятельств состоит в том, чтобы одно и то же лицо как участник уголовного процесса не совмещало статус другого субъекта по одному и тому же уголовному делу. Кроме того, самоотвод должен заявляться в тех случаях, когда участники процесса состоят в родственных отношениях либо имеются другие обстоятельства, дающие основание считать, что они лично прямо или косвенно заинтересованы в исходе данного дела. В УПК установлен определенный порядок отвода судьи, а также отвода других участников уголовного процесса (ст. 79–86 УПК). УПК также предусматривает иные обстоятельства, исключающие участие в производстве по уголовному делу защитника, представителя потерпевшего, гражданского истца или гражданского ответчика, понятого (ст. 87).

Во время расследования и рассмотрения уголовного дела может возникать множество разнообразных уголовно-процессуальных конфликтов. Однако в УПК содержится правовая модель разрешения не всех конфликтов. Для некоторых применяются дискреционные полномочия субъектов, осуществляющих производство по уголовному делу. В качестве примера можно привести процедуру ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и его защитника, а также ее продолжительность. Так, согласно ч. 4 ст. 257 УПК общий срок ознакомления с уголовным делом не может превышать один месяц. В исключительных случаях он может быть продлен прокурором. Названный срок является общим для всех обвиняемых (независимо от их числа), их законных представителей и защитников. Нередко обвиняемые и их защитники стремятся увеличить время ознакомления с материалами уголовного дела с целью вынудить следователя отменить меру

пресечения, переквалифицировать содеянное и т. п. Используется и такая форма затягивания уголовного процесса, как приглашение обвиняемым нового защитника, когда срок ознакомления с уголовным делом уже определен. В данном случае не исключено возникновение уголовно-процессуальных конфликтов. Установить по каждому делу достаточный срок для ознакомления с материалами уголовного дела, удовлетворив цели и желания всех участников, сложно или вообще невозможно. Конечно, внедрение в уголовный процесс электронного документооборота, когда стороны могут получить ряд процессуальных документов в электронном виде, в какой-то мере устранил часть уголовно-процессуальных конфликтов [13, с. 61].

Особую сложность представляет разрешение уголовно-процессуального конфликта между судом и защитником-адвокатом. Бывают ситуации, когда в результате действий защитника в судебном процессе создается нервная обстановка и в адрес председательствующего звучат некорректные и оскорбительные высказывания, допускаются пререкания с ним и другими участниками судебного процесса.

В случае игнорирования замечаний председательствующего, суд может отстранить адвоката от участия в судебном разбирательстве. Как отмечает М. Долгиева, решение суда об отстранении адвоката не ставится под сомнение в случаях, когда оно является мотивированным, имеет указания на конкретные нарушения, включает примеры неподчинения распоряжениям председательствующего, содержит сведения о неоднократном разъяснении защитнику регламента судебного заседания [14, с. 46]. Заметим, что в УПК не содержится конкретной нормы о возможности применения судом такого решения. В то же время суд использует свое усмотрение, что не противоречит общему смыслу уголовного процесса.

Уголовно-процессуальные конфликты могут быть настолько разнообразны, что зафиксировать, перечислить их все в законодательстве не представляется возможным, поэтому для их разрешения необходимо подключать усмотрение правоприменителя. Все уголовно-процессуальные конфликты должны разрешаться в условиях уголовного процесса с использованием норм УПК. Никакие альтернативные способы их разрешения неприемлемы.

Библиографические ссылки

1. Кудрявцев ВН. Юридический конфликт. *Государство и право*. 1995;9:9–14.
2. Захарьяшева ИЮ. Юридический конфликт как социальная предпосылка процессуальной деятельности. *Юрист*. 2004;4:46–51.
3. Кулакова ЮЮ. Сущность правового конфликта. *История государства и права*. 2008;14:4–7.
4. Кузьмина МН. *Юридический конфликт: теория и практика разрешения*. Москва: Юрлитинформ; 2008. 256 с.
5. Тихомиров ЮА, редактор. *Юридический конфликт*. Москва: Инфра-М; 2019. 312 с.
6. Лебедев НЮ. *Основы теории уголовно-процессуальных конфликтов*. Новосибирск: НГУЭУ; 2009. 114 с.
7. Центр конфликтологических исследований РАН. *Юридическая конфликтология. Часть 2. Юридический конфликт: сферы и механизмы*. Москва: Центр конфликтологических исследований РАН; 1994. 172 с.
8. Баев ОЯ. *Конфликты в деятельности следователя (вопросы теории)*. Воронеж: Издательство Воронежского университета; 1981. 160 с.
9. Лазарева В, Таран А. Конфликты между профессиональными участниками уголовного судопроизводства: проблемы разрешения. *Уголовное право*. 2006;1:91–95.
10. Бибилко ВН. *Теория и история права, судостроительства и уголовного процесса*. Минск: Право и экономика; 2020. 510 с. (Серия «Научные труды белорусских ученых»).
11. Попов ДП. Право на защиту в уголовном судопроизводстве: проблемы пробелов законодательной регламентации. *Адвокатская практика*. 2024;3:31–34. DOI: 10.18572/1999-4826-2024-3-31-34.
12. Францифоров ЮВ, Горшкова КН. Право участников уголовного судопроизводства на обжалование в досудебных стадиях. *Пробелы в российском законодательстве*. 2024;17(5):94–99. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-5-094-099.
13. Князьков АА. Законность ограничения защиты в ознакомлении с материалами дела: выводы из практики. *Уголовный процесс*. 2024;9:54–61.
14. Долгиева М. Отстранение адвоката от участия в судебном разбирательстве. *Законность*. 2024;9:45–50.

References

1. Kudryavtsev VN. [Legal conflict]. *Gosudarstvo i pravo*. 1995;9:9–14. Russian.
2. Zakhar'yashcheva IYu. [Legal conflict as a social prerequisite for procedural activity]. *Yurist*. 2004;4:46–51. Russian.
3. Kulakova YuYu. [The essence of the legal conflict]. *Istoriya gosudarstva i prava*. 2008;14:4–7. Russian.
4. Kuz'mina MN. *Yuridicheskii konflikt: teoriya i praktika razresheniya* [Legal conflict: theory and practice of resolution]. Moscow: Yurlitinform; 2008. 256 p. Russian.
5. Tikhomirov YuA, editor. *Yuridicheskii konflikt* [Legal conflict]. Moscow: Infra-M; 2019. 312 p. Russian.
6. Lebedev NYu. *Osnovy teorii ugovolno-protsessual'nykh konfliktov* [Fundamentals of the theory of criminal-procedural conflicts]. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management; 2009. 114 p. Russian.
7. Tsentr konfliktologicheskikh issledovaniy RAN. *Yuridicheskaya konfliktologiya. Chast' 2. Yuridicheskii konflikt: sfery i mekhanizmy* [Legal conflictology. Part 2. Legal conflict: spheres and mechanisms]. Moscow: Tsentr konfliktologicheskikh issledovaniy RAN; 1994. 172 p. Russian.

8. Baev OYa. *Konflikty v deyatel'nosti sledovatelya (voprosy teorii)* [Conflicts in the activities of the investigator (questions of theory)]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta; 1981. 160 p. Russian.
9. Lazareva V, Taran A. [Conflicts between professional participants in criminal proceedings: problems of resolution]. *Ugolovnoe pravo*. 2006;1:91–95. Russian.
10. Bibilo VN. *Teoriya i istoriya prava, sudoustroystva i ugovnogo protsesssa* [Theory and history of law, judicial system and criminal process]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2020. 510 p. (Seriya «Nauchnye trudy belorusskikh uchenykh»). Russian.
11. Popov DP. The right to defense in criminal proceedings: problems of gaps of legislative regulation. *Advokatskaya praktika*. 2024;3:31–34. Russian. DOI: 10.18572/1999-4826-2024-3-31-34.
12. Frantsiforov YuV, Gorshkova KN. The right of participants in criminal proceedings to appeal at pre-trial stages. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 2024;17(5):94–99. Russian. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-5-094-099.
13. Knyazkov AA. [Legality of restricting the defense in familiarisation with case materials: conclusions from practice]. *Ugolovnyi protsess*. 2024;9:54–61. Russian.
14. Dolgieva M. [Removal of a defense lawyer from participation in trial]. *Zakonnost'*. 2024;9:45–50. Russian.

Статья поступила в редколлегию 22.10.2024.
Received by editorial board 22.10.2024.

УДК 343(476)

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ОСНОВА УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. В. ШИДЛОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются феномен социальной справедливости и его значение для современного белорусского общества. Анализируются подходы и принципы государственно-правовой политики в сфере восстановления социальной справедливости. Раскрывается содержание социальной справедливости в мировоззренческом и правовом аспектах. Социальная справедливость мер уголовной ответственности рассматривается в первую очередь как определяющее условие устойчивого развития государства и защиты прав человека, достижения социального согласия. Делается вывод, что социальная справедливость может быть восстановлена при помощи норм, максимально отражающих социальные ценности в обществе. Выдвигается идея создания дорожной карты развития конституционно-правовых основ социального государства в формате единого программного документа – концепции «Государственно-правовая политика восстановления социальной справедливости в Республике Беларусь».

Ключевые слова: восстановление социальной справедливости; уголовная политика; социальные ценности; социальная ответственность; принципы; цивилизационное измерение.

RESTORATION OF SOCIAL JUSTICE AS THE BASIS OF CRIMINAL POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

A. V. SHIDLOVSKY^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article examines the phenomenon of social justice and its significance for modern Belarusian society. The approaches and principles of state legal policy in the field of restoring social justice are analysed. The content of social justice in ideological and legal aspects is revealed. Social justice of criminal liability measures is, first of all, considered as a determining condition for the sustainable development of the state and the protection of human rights, and the achievement of social harmony. It is concluded that social justice can be restored with the help of norms that maximally reflect social values in society. The idea of creating a road map for the development of the constitutional and legal foundations of a social state in the format of a single programme document (the concept of «State legal policy for restoring social justice in the Republic of Belarus») is put forward.

Keywords: restoration of social justice; criminal policy; social values; social responsibility; principles; civilisational dimension.

Образец цитирования:

Шидловский АВ. Восстановление социальной справедливости как основа уголовной политики Республики Беларусь. Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2024;3:56–65.
EDN: HGORYH

For citation:

Shidlovsky AV. Restoration of social justice as the basis of criminal policy of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:56–65. Russian.
EDN: HGORYH

Автор:

Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, доцент; декан юридического факультета.

Author:

Andrey V. Shidlovsky, PhD (law), docent; dean of the faculty of law.
shidlovsky_a@mail.ru

Введение

Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на торжественной церемонии подписания решения республиканского референдума 27 февраля 2022 г. отметил: «Нынешняя Конституция, которую мы писали все вместе, всем народом, Конституция Республики Беларусь и есть наша идеология <...> мы... зацементировали наши принципы: суверенитет, сохранение исторической памяти, патриотизм, защита традиционной семьи как союза женщины и мужчины и многое другое» [1, с. 7]. В Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 31 марта 2023 г. Глава государства особо подчеркнул: «В центре решений, которые принимаем, – стремление к сохранению мира, созидание во благо будущего Беларуси, социальная справедливость. Это наши демократические ценности, истинные ценности!»¹. Среди условий наличия суверенитета и независимости (народное единство, историческая память, национальные традиции, экономика, независимая внешняя политика, обороноспособность) была указана и социальная справедливость.

Согласно положениям Конституции Республики Беларусь государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны (ч. 2 ст. 15), создает условия для защиты персональных данных и безопасности личности и общества при их использовании (ч. 2 ст. 28), способствует духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию молодежи, создает необходимые условия для ее свободного и эффективного участия в общественной жизни, реализации потенциала молодежи в интересах всего общества (ст. 32-1), развивает атомную энергетику в мирных целях, обеспечивает безопасность при производстве и использовании атомной энергии (ч. 3 ст. 46), реализует политику социальной интеграции инвалидов, создания доступной среды и улучшения качества их жизни, поддержки семей с инвалидами (ч. 3 ст. 47). Сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь (ч. 2 ст. 54) и др.

Председатель Конституционного Суда Республики Беларусь П. П. Миклашевич в комментарии к преамбуле Конституции Республики Беларусь акцентирует внимание, что «в настоящее время продолжается процесс формирования Республики Беларусь как государства для народа, в центре которого права человека на достойную и безопасную жизнь. Одним из определяющих условий устойчивого развития государства в данном контексте является социальная справедливость» [1, с. 10].

Председатель Верховного Суда Республики Беларусь В. О. Сукало на торжественных мероприятиях, посвященных столетнему юбилею Верховного Суда Республики Беларусь, неоднократно подчеркивал: «Принцип белорусского правосудия, который сегодня обозначен... как принцип справедливости, стал национальным символом белорусской государственности»; «справедливость белорусского правосудия должна стать синонимом справедливого белорусского государства» [2, с. 9, 12–18].

Предусмотренные в положениях обновленной Конституции Республики Беларусь и Концепции правовой политики Республики Беларусь подходы ориентированы на восстановление социальной справедливости в обществе, в том числе в сфере осуществления уголовного правосудия.

Концепция правовой политики Республики Беларусь в сфере развития уголовного законодательства в п. 43.1 предписывает «системно пересмотреть кодексы по вопросам уголовной ответственности, в том числе на предмет: обеспечения сбалансированности норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса, положений о преступлениях и наказаниях», а в п. 43.3 – «расширять на практике применение наказаний, альтернативных лишению свободы, и иных мер уголовно-правового воздействия за преступления, не представляющие большой общественной опасности, и менее тяжкие преступления, включая принудительные меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних».

В положениях Концепции правовой политики Республики Беларусь отмечается, что социальная справедливость, являясь идеологическим императивом, выражается в соответствии между правонарушением и применяемыми мерами ответственности за его совершение; максимальном сближении интересов государства, общества и его граждан, их взаимной ответственности; гарантированности того, что никто на территории государства не может пользоваться преимуществами и привилегиями, противоречащими закону (п. 13).

Задачей любого социального государства является обеспечение социальной справедливости, благополучия своих граждан, их социальной защищенности, охраны принятой в обществе системы социальных ценностей. Категорию социальной справедливости необходимо рассматривать в контексте уяснения сущности социальной ответственности, которая предполагает социальное равенство, всеобщую солидарность и взаимную ответственность, правомерное поведение.

Концепту социальной справедливости в Республике Беларусь, системе конституционных ценностей, национальных интересов, их смыслом и правовым

¹Послание белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/poslanie-aleksandra-lukasienko-beloruskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu-sostoitsya-31-marta> (дата обращения : 25.11.2024).

средствам защиты особое внимание уделяют в своих научных публикациях А. М. Абрамович, П. П. Миклашевич, А. Н. Бодак, Г. А. Василевич, С. Е. Данилюк, Н. А. Карпович, Е. В. Семашко, А. Г. Тиковенко, О. И. Чуприс и др. [3–14]. Научные исследования, а также практический анализ содержания социальной справедливости и механизмов ее восстановления в национальном уголовном праве и смежных отраслях права проводились Н. А. Бабием, А. В. Барковым, В. Н. Бибило, И. О. Грунтовым, В. Л. Калинковичем, Ю. Ф. Каменецким, Л. А. Краснобаевой, А. Л. Савен-

ком, Э. А. Саркисовой, В. О. Сукало, В. М. Хомичем, В. Б. Шабановым, Д. В. Шаблинской, А. И. Шваковым, Ю. Л. Шевцовым и др. [15–26].

В государствах – участниках СНГ вопросы восстановления социальной справедливости правовыми средствами в различных аспектах изучались в трудах Р. Г. Асланяна, М. В. Бавсуна, О. Н. Бирика, А. И. Бойко, С. А. Велиева, В. Н. Додонова, А. Э. Жалинско-го, Д. Р. Касимова, В. П. Коняхина, А. А. Мамедова, Н. А. Лопашенко, Н. В. Огородниковой, Ю. Е. Пудовочкина, И. М. Рагимова и др.² [27–41].

Основная часть

Исследуя понятийный аппарат, сделаем замечание, что в мировой и зарубежной юриспруденции отсутствует правовое определение понятия справедливости. Во многом справедливость воспринимается юристами как формальное соблюдение закона. Часто «дух» закона отодвигается правоприменителем на второй план, а морально-нравственным и этическим аспектам при решении правовых споров не всегда уделяется должное внимание. Социальная справедливость, на наш взгляд, должна отвечать требованиям отдельно взятого человека и ее общественному восприятию в целом.

Категории «социальная справедливость» посвящены много трудов, в которых затрагиваются ее различные аспекты: философские, аксиологические, идеологические, политические, историко-культурные, религиозные, правовые, бытовые и др. [18, с. 52–114; 39–44]. В эпоху смены устоявшихся парадигм в общественных отношениях и интенсификации формирования нового миропорядка, вызвавших появление острых и порой неожиданных проблем, возникает необходимость по-новому переосмыслить постулаты системы ценностных ориентиров и отразить их в конституционных и охранительных правовых нормах. Важно понимать следующее: то, что признается социальной справедливостью в странах Африки и Азии, совсем не считается таковой, например, в государствах Западной Европы и США.

Справедливость – категория многоаспектная, она включает морально-нравственную, социально-политическую, правовую, философскую и другие составляющие. Ученые, говоря о смыслах социальной справедливости, часто используют в обоснованиях своих теорий древнейшие идеи морального возмездия, принципы эквивалентности в человеческих отношениях, изучают мифологические символы (например, природу восприятия весов у древнегреческой богини правосудия Фемиды как символа справедливости) [29, с. 111].

В подавляющем большинстве социально-правовых практик восстановления социальной справед-

ливости исторически сформировались две модели уголовного правосудия: 1) основанная на идее эквивалентности (этика Ветхого Завета); 2) основанная на идее милосердия и прощения (этика Нового Завета) [29, с. 202].

Конституционные положения в большинстве выступают в качестве правовой формы отражения не только социальных ценностей, но и самой социальной справедливости. Любое нарушение таких ценностей уже подрывает баланс социальной справедливости в обществе. По меткому выражению С. Е. Данилюка, «по своей сути право является продуктом цивилизации, ее величайшим достижением и благом, закрепляющим оправдавшие себя социальные практики и жизненные ценности, обеспечивающие стабильность государств, преемственность накопленных знаний и общественный прогресс» [8, с. 109]. Говоря о конституционной идентичности, автор констатирует наличие в современном мире экзистенциального кризиса, который выражается в столкновении идей и мировоззрений, «в связи с чем суверенные государства должны быть готовы противопоставить навязываемым им извне рецептам жизнеустройства собственную государственную идеологию, которая в максимальной степени соответствует национальным интересам, социально-экономическим приоритетам, а также учитывает многовековое духовно-культурное наследие, традиционную систему моральных координат и ценностных ориентиров» [8, с. 121–122, 125].

По мнению А. Н. Бодак, «нормативное содержание принципа социальной справедливости детализируется в установленных нормами Конституции гарантиях, закрепляющих право граждан Республики Беларусь на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца и в иных случаях, предусмотренных законом (часть первая статьи 47); право на охрану здоровья (часть первая статьи 45); гарантирование лицам, работающим по найму, справедливой доли вознаграждения в экономических результатах труда (часть первая статьи 42) и др.» [6, с. 150].

²Касимов Д. Р. Теоретико-прикладные аспекты оценочных понятий в уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. Екатеринбург, 2024. 24 с.

Понятие «ценности» в различных значениях закреплено во многих положениях Конституции Республики Беларусь (например, в преамбуле, в ст. 2, 42, 44, 47, 51, 54): о человеке, его правах, свободах и гарантиях как высшей ценности, суверенитете, сохранении исторической памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, патриотизме, национальных ценностях, защите традиционной семьи как союза женщины и мужчины, политике социальной интеграции инвалидов, создании доступной среды и улучшении качества их жизни, поддержке семей с инвалидами и др.

В ст. 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) перечислены базовые ценности, подлежащие охране уголовно-правовыми нормами: мир и безопасность человечества, человек, его права и свободы, собственность, права юридических лиц, природная среда, общественные и государственные интересы, конституционный строй Республики Беларусь, а также установленный правопорядок защиты от преступных посягательств. Нормы УК способствуют предупреждению преступных посягательств, воспитанию граждан в духе соблюдения законодательства Республики Беларусь.

На динамику социальной ответственности позитивно влияют социальные рейтинги. Многие законодательные нормы, как отмечает Г. А. Василевич, «стимулируют надлежащее выполнение “долга”, как разновидности социальной ответственности» [7, с. 27]. Соблюдение каждым человеком принципа социальной ответственности является важнейшим фактором формирования в гражданском обществе представления о самой социальной справедливости и ценностных ориентирах.

Термин «социальная справедливость» известен действующим конституциям Индии, Португалии, Сент-Люсии, Сальвадора, Бразилии, Польши, Непала, Кубы и др. [6, с. 149].

Аксиологическими маркерами в определении ценностного феномена в любой историко-культурной традиции неизменно выступают этические категории добра и зла. Все социальные ценности, включая правовые, измеряются в обществе с помощью понимания категорий таких добродетелей, как правда, истина, справедливость и т. д. Вместе с тем в научной литературе отмечается, что отношение между социальными ценностями может быть различным: гармоничным, нейтральным, взаимоисключающим [43, с. 609–610].

Заслуживает поддержки концептуальный тезис А. М. Абрамовича о том, что идея социальной справедливости заложена в самом правовом статусе гражданина, и поэтому она «находит свое выражение в различных сферах функционирования общества и личности – политической, социально-экономической, духовной» [3, с. 443]. В основе

анализа правового статуса гражданина лежит идея о необходимости формирования политико-правовой концепции общественного устройства на основе принципов правового и социального равенства. Сущность социальной справедливости, как отмечает Л. А. Краснобаева, раскрывается посредством определения баланса между потребностями конкретной личности, интересами народа (нации) и государственными интересами [22, с. 242].

Е. В. Семашко рассматривает социальную справедливость как идеологический императив правовой политики государства и основу правового статуса личности. Проведя анализ подходов к исследованию феномена социальной справедливости в ракурсах советского и современного периодов, автор приходит к следующему заключению: «Несмотря на разные стратегии общественного развития последних лет существования советского государства и современной Республики Беларусь, не обнаружено принципиальных противоречий между подходами к определению социальной справедливости в ее нормативном значении» [12, с. 332]. Разделяя позицию ученого, подчеркнем, что для дальнейшего практического обеспечения социальной справедливости необходимо объединить в систему труд каждого гражданина, учет всех предыдущих ошибок и декларативных норм, реализацию принципа социальной ответственности [12, с. 337].

Традиционно в большинстве существующих уголовных законов, в которых есть упоминание о понятии справедливости, речь идет о требовании соответствия между преступным деянием и мерой наказания за его совершение. В ряде государств (чаще в романо-германской правовой системе) уголовные кодексы закрепляют категорию «принцип справедливости» [32, с. 69–72].

В отдельных государствах предусмотрен общий принцип пропорциональности наказания совершенному преступлению (КНР, Кипр, Колумбия, Панама, Парагвай, Перу, Пуэрто-Рико, Сальвадор, Турция и др.). Так, ст. 5 Уголовного Кодекса Китайской Народной Республики гласит, что мера уголовного наказания должна соответствовать преступному деянию, совершенному преступником, и его уголовной ответственности. Принцип пропорциональности наказания прямо упоминается в ч. 3 ст. 12 Конституции Республики Кипр [32, с. 70].

Многие государства используют в своем законодательстве универсальный международно-правовой принцип *non bis in idem* (запрет повторного уголовного преследования (наказания) за одно и то же преступление), закрепляя его прямо в конституции (например, Азербайджан, Венесуэла, Германия, Грузия, Индия, Канада, Киргизия, Мальта, Мексика, Португалия, Россия, Таджикистан, Япония) или в уголовном кодексе (Казахстан, Колумбия, Нидерланды, Эфиопия и др.) [32, с. 71]. Запрет повторного

уголовного преследования чаще предусмотрен как уголовно-процессуальная гарантия.

Концепция социальной справедливости в мусульманском уголовном праве имеет свою специфику. Так, в ст. 2 Конституции Исламской Республики Иран прямо предписано: «Исламская республика – это система правления, основанная на вере в... божественную справедливость в создании и установлении законов шариата» [32, с. 72]. Сама же справедливость в уголовно-правовом смысле находит воплощение в принципе возмездия талиона (око за око, зуб за зуб), что особенно ярко демонстрируется в точно определенных санкциях кисас, например, за умышленное убийство и нанесение телесных повреждений.

В белорусском уголовном законодательстве принцип справедливости назван среди принципов уголовного закона и уголовной ответственности, также как самостоятельная категория в нормах института уголовной ответственности закреплено понятие восстановления социальной справедливости.

Так, согласно ч. 6 ст. 3 УК наказание и иные меры уголовной ответственности должны быть справедливыми, т. е. они должны устанавливаться и назначаться с учетом характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного. Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Положения этого принципа развиваются в содержании специального принципа назначения наказания в ч. 1 ст. 62 УК: «При назначении наказания суд исходит из принципа индивидуализации наказания, то есть учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, мотивы и цели содеянного, личность виновного, характер нанесенного вреда и размер причиненного ущерба, дохода, полученного преступным путем, обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность, мнение потерпевшего по делам частного обвинения, мотивируя избранную меру наказания в приговоре».

В теории уголовного права утверждается, что принцип справедливости является способом оценки обоснованности и эффективности действующих уголовно-правовых норм [18, с. 72–114; 19]. Следует согласиться и с тем, что «нормативная справедливость воспроизводит социальную справедливость...» [18, с. 3–4], и поэтому «уголовно-правовой принцип справедливости должен проецировать содержание идеи социальной справедливости» [19, с. 3, 27].

Таким образом, принцип справедливости в нормах УК включает три элемента: 1) соответствие наказания и иных мер уголовной ответственности общественной опасности преступления (пропорциональность санкций); 2) соответствие назначаемых мер наказания и уголовной ответственности обстоятельствам содеянного и личности виновного

(индивидуализация наказания и уголовной ответственности); 3) запрет применения уголовной ответственности дважды за одно и то же преступление (принцип *non bis in idem*). Необходимо подчеркнуть, что такой детализированный законодательный подход к содержанию принципа справедливости является характерной особенностью УК.

Регламентируя цели уголовной ответственности, законодатель отдельно сформулировал следующее положение (ч. 3 ст. 44 УК): «Уголовная ответственность призвана способствовать восстановлению социальной справедливости. Осуждение лица, совершившего преступление, является основанием для взыскания с него как имущественного ущерба, дохода, полученного преступным путем, так и материального возмещения морального вреда».

В юридической литературе встречаются спорные и противоречивые суждения относительно категории «восстановление социальной справедливости». Так, отдельные авторы прямо пишут, что «проводится теоретико-правовой анализ такой меры уголовно-правового воздействия на общественные отношения в Республике Беларусь, как восстановление социальной справедливости» [45, с. 105] и что «закрепленная в Уголовном кодексе Республики Беларусь дефиниция “восстановление социальной справедливости” значительно снижает потенциал воздействия на общественные отношения в рамках реализуемой в Республике Беларусь модели уголовной ответственности» [45, с. 111]. Нельзя согласиться с тем, что восстановление социальной справедливости есть мера уголовно-правового воздействия. Эти явления имеют совершенно разную правовую и социальную природу, о чем упоминалось в данном исследовании, а также в предыдущих наших публикациях [42, с. 799–802; 44; 46]. Меры уголовно-правового воздействия, или меры уголовно-правового характера, в своей сущности направлены на восстановление социальной справедливости в обществе. Уголовный закон в своих нормах не закрепляет дефиницию «восстановление социальной справедливости», скорее, обозначает данную категорию терминологически, придавая материально-восстановительное основание результату осуждения лица, совершившего преступление. Кроме того, А. А. Тит делает смелое заявление о том, что необходимо дополнить уголовное законодательство детализированным понятием «восстановление социальной справедливости», поскольку этот шаг «позволит сформировать понятную и операбельную для правоприменителя концепцию восстановления социальной справедливости в уголовной политике Республики Беларусь и обозначит для правоприменителя четкие ориентиры деятельности при назначении наказаний в отношении лиц, совершивших преступления» [45, с. 106; 47, с. 179, 183]. Представляется сомнительным, что в одной норме закона детализированное понятие целостно отразит концепцию восстановления социальной справедливости.

В настоящее время востребованным методологическим подходом в изучении направлений обеспечения восстановления социальной справедливости является цивилизационное измерение уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных средств. Актуальным становится анализ социального феномена (структуры) многообразия форм человеческой жизнедеятельности. Цивилизационное измерение позволяет выявить оптимальный баланс в соотношении интересов государства и человека, права, экономики при учете духовных, нравственных, культурных сегментов развития общества.

Достижение социальной справедливости без человеческого измерения уголовного права немислимо. Очевидно, что кроме человека носителями определенных интересов выступают различные социальные образования: нации, народности, политические

организации и т. д. Исследуя отражение интересов в праве, В. Н. Бибило делает ряд обоснованных выводов о том, что «интерес необходимо рассматривать как объективно-субъективное явление», «реализация интересов осуществляется через нормы частного и публичного права как на этапах их правообразования, так и правореализации», основа эффективного законодательства – «соблюдение меры в правовой охране частных и публичных интересов» [17, с. 62, 64]. Именно социальные нормы порождают в правовом регулировании и защите такое явление, как законные интересы. Восстановление нарушенных прав и законных интересов человека, юридического лица, профессионального сообщества обеспечивается применением мер уголовной ответственности, которые, как выражение самого репрессивного вида юридической ответственности, направлены на изменение социального статуса правонарушителя.

Заключение

Социальная справедливость мер уголовной ответственности в первую очередь должна рассматриваться как определяющее условие устойчивого развития государства и защиты прав человека, достижения социального согласия, поскольку именно эта разновидность государственного принуждения в большей степени затрагивает права человека (как отдельно взятых виновного и потерпевшего, третьих лиц, так и их баланс внутри системы общественных отношений).

Социальная справедливость может быть восстановлена при помощи норм, максимально отражающих социальные ценности общества, что проявляется как непосредственно в разрешении уголовно-право-

вого конфликта, так и в недопущении массового возникновения конфликтов такого рода.

Подводя итог вышеизложенному, полагаем возможным выдвинуть на обсуждение идею создания единого программного документа, например, концепции «Государственно-правовая политика восстановления социальной справедливости в Республике Беларусь», в содержании которой будут закреплены понятия социальной справедливости, ее принципы и ключевые направления развития в современном белорусском обществе. Такой документ послужит дорожной картой развития конституционно-правовых основ социального государства.

Библиографические ссылки

1. Миклашевич ПП, Чуприс ОИ, Василевич ГА, редакторы. *Конституция Республики Беларусь. Научно-практический комментарий*. Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь; 2024. 544 с.
2. Рудь Р. Валентин Сукало: справедливость белорусского правосудия должна стать синонимом справедливого белорусского государства. *Судовы веснік*. 2023;2:12–18.
3. Абрамович АМ. *Избранные труды*. Минск: ЮрСпектр; 2019. 576 с.
4. Абрамович АМ. *Правовой статус советского гражданина*. Шабайлов ВИ, редактор. Минск: Наука и техника; 1988. 91 с.
5. Миклашевич ПП. Обновленная Конституция Республики Беларусь: сущностное содержание поправок. В: Карпович НА, редактор. *Конституционный контроль: развитие конституционных основ правового регулирования*. Минск: СтройМедиаПроект; 2024. с. 4–31.
6. Бодак АН. Верховенство Конституции: развитие принципа социальной справедливости. В: Карпович НА, редактор. *Верховенство Конституции: конституционные изменения и современное развитие конституционного контроля. Материалы Международной конференции, посвященной 30-летию Конституционного Суда Республики Беларусь; 4–5 апреля 2024 г.; Минск, Беларусь*. Минск: СтройМедиаПроект; 2024. с. 148–156.
7. Василевич ГА. Модернизация политической системы белорусского общества в новом конституционно-правовом измерении. В: Василевич ГА, редактор. *Белорусский конституционализм: теория и практика (к 30-летию Конституции Республики Беларусь)*. Сборник материалов Международной научно-практической конференции; 5–6 марта 2024 г.; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2024. с. 20–31.
8. Данилюк СЕ. Конституция – основной источник жизненно смысловых и цивилизационно-охранительных ценностей. В: Карпович НА, редактор. *Конституционный контроль: развитие конституционных основ правового регулирования*. Минск: СтройМедиаПроект; 2024. с. 107–127.
9. Данилюк СЕ. Справедливость как конституционно-правовая категория. *Веснік Канстытуцыйнага Суда Рэспублікі Беларусь*. 2019;1:47–64.
10. Карпович НА. Конституционная жалоба как фактор развития национальной правовой системы. В: Карпович НА, редактор. *Верховенство Конституции: конституционные изменения и современное развитие конституционного контроля. Материалы Международной конференции, посвященной 30-летию Конституционного Суда Республики Беларусь; 4–5 апреля 2024 г.; Минск, Беларусь*. Минск: СтройМедиаПроект; 2024. с. 95–102.

11. Карпович НА. Судебный конституционный контроль в государственно-правовом механизме: становление, функционирование и развитие в современных условиях. В: Карпович НА, редактор. *Верховенство Конституции: конституционные изменения и современное развитие конституционного контроля. Материалы Международной конференции, посвященной 30-летию Конституционного Суда Республики Беларусь; 4–5 апреля 2024 г.*; Минск, Беларусь. Минск: СтройМедиаПроект; 2024. с. 32–54.
12. Семашко ЕВ. Социальная справедливость как идеологический императив правовой политики государства. В: Шидловский АВ, редактор. *Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования. Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь доктора юридических наук, профессора А. М. Абрамовича; 24–25 мая 2024 г.*; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2024. с. 332–337.
13. Тиковенко АГ. Взаимодействие международного, наднационального и национального права: конституционные и международно-правовые аспекты. В: Карпович НА, редактор. *Конституционный контроль: развитие конституционных основ правового регулирования.* Минск: СтройМедиаПроект; 2024. с. 204–224.
14. Чуприс О, Лясков А. Роль Президента Республики Беларусь в формировании и укреплении системы судов общей юрисдикции: конституционные решения и практическая реализация. *Судовы веснік.* 2023;2:29–35.
15. Бабий НА, Бородулькина ЕС, Давидовская ЕА, Калинин СА, Колесень НГ, Ладутько ВК и др. *Охранительная функция уголовного права.* Шидловский АВ, редактор. Минск: Колорград; 2023. 400 с.
16. Барков АВ. Проблемы замены наказания на более строгое при злостном уклонении осужденного от его отбывания. В: Лещенко СК, редактор. *Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение. Выпуск 3.* Минск: РИВШ; 2023. с. 106–113.
17. Бибило ВН. *Проблемы юриспруденции: избранные труды.* Минск: Право и экономика; 2010. 470 с.
18. Грунтов ЮО. *Принцип гуманизма как способ оценки обоснованности и эффективности действующих уголовно-правовых норм.* Минск: ИВЦ Минфина; 2024. 140 с.
19. Грунтов ЮО. *Принцип справедливости как способ оценки обоснованности и эффективности действующих уголовно-правовых норм.* Минск: ИВЦ Минфина; 2022. 138 с.
20. Калинкович ВЛ. Обеспечение верховенства Конституции в деятельности судов общей юрисдикции. В: Карпович НА, редактор. *Верховенство Конституции: конституционные изменения и современное развитие конституционного контроля. Материалы Международной конференции, посвященной 30-летию Конституционного Суда Республики Беларусь; 4–5 апреля 2024 г.*; Минск, Беларусь. Минск: СтройМедиаПроект; 2024. с. 49–53.
21. Каменецкий ЮФ. *Теория и практика следственной профилактики.* Минск: СтройМедиаПроект; 2024. 536 с.
22. Краснобаева ЛА. Идея социальной справедливости в трудах А. М. Абрамовича. В: Шидловский АВ, редактор. *Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования. Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь доктора юридических наук, профессора А. М. Абрамовича; 24–25 мая 2024 г.*; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2024. с. 240–243.
23. Гулякевич ДЛ, Шаблинская ДВ, редакторы. *Актуальные проблемы совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь на современном этапе. Выпуск 4. Избранные труды профессора Э. А. Саркисовой.* Минск: Четыре четверти; 2019. 234 с.
24. Шаблинская ДВ. Наказание в условиях модернизации охранительной функции уголовного закона. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 18.* Минск: Колорград; 2023. с. 804–816.
25. Шваков АИ. Юридическая помощь гражданам в реализации права на защиту прав и свобод в конституционном судопроизводстве. В: Карпович НА, редактор. *Верховенство Конституции: конституционные изменения и современное развитие конституционного контроля. Материалы Международной конференции, посвященной 30-летию Конституционного Суда Республики Беларусь; 4–5 апреля 2024 г.*; Минск, Беларусь. Минск: СтройМедиаПроект; 2024. с. 110–114.
26. Шевцов ЮЛ. Институт замены более строгим наказанием при злостном уклонении от отбывания наказания в виде общественных работ. В: Лещенко СК, редактор. *Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение. Выпуск 3.* Минск: РИВШ; 2023. с. 197–208.
27. Асланян РГ. *Особенная часть российского уголовного права: проблемы теоретического строения и системные параметры.* Коняхин ВП, редактор. Москва: Юрлитинформ; 2023. 456 с.
28. Бавсун МВ. Предпосылки и перспективы трансформации Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в условиях современной геополитической обстановки. В: Коняхин ВП, Прохорова МЛ, редакторы. *Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина. Материалы Международной научно-практической конференции; 1–2 февраля 2024 г.*; Краснодар, Россия. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2024. с. 332–336.
29. Бибик ОН. *Культурная обусловленность уголовного права.* Москва: Юрлитинформ; 2013. 224 с.
30. Бойко АИ. *Нравственно-религиозные основы уголовного права.* Москва: Юрлитинформ; 2010. 248 с.
31. Велиев СА. *Принципы назначения наказания.* Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2004. 388 с.
32. Додонов ВН. *Сравнительное уголовное право. Общая часть.* Москва: Юрлитинформ; 2009. 448 с.
33. Жалинский АЭ. *Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ.* Москва: Проспект; 2009. 400 с.
34. Коняхин ВП, Асланян РГ. Уголовный кодекс РФ: возможные перспективы системно-структурных новаций. В: Коняхин ВП, Прохорова МЛ, редакторы. *Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина. Материалы Международной научно-практической конференции; 1–2 февраля 2024 г.*; Краснодар, Россия. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2024. с. 122–127.
35. Мамедов АА. *Справедливость назначения наказания.* Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2003. 119 с.
36. Огородникова НВ. Пенализационная политика в сфере противодействия посягательствам на собственность. В: Коняхин ВП, Прохорова МЛ, редакторы. *Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина. Материалы Международной научно-практической конференции; 1–2 февраля 2024 г.*; Краснодар, Россия. Краснодар: Кубанский государственный университет; 2024. с. 394–400.

37. Пудовочкин ЮЕ. Социально-криминологические основы уголовно-правового запрета. В: Бойко АИ, редактор. *Криминологические основы уголовного права. Лекции и новые образовательные технологии для юристов*. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАНХиГС; 2016. с. 96–104.
38. Рагимов ИМ. *Философия преступления и наказания*. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс; 2015. 288 с.
39. Лопашенко НА, редактор. *Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс. Том 1. Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Книга 1. Понятие уголовного наказания*. Москва: Юрлитинформ; 2020. 680 с.
40. Лопашенко НА, редактор. *Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Том 2. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права*. Москва: Юрлитинформ; 2016. 656 с.
41. Лопашенко НА, редактор. *Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. Том 3. Уголовная политика. Уголовная ответственность*. Москва: Юрлитинформ; 2016. 752 с.
42. Грунтов ИО, Шидловский АВ, редакторы. *Курс уголовного права. Общая часть. Том 2. Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности*. Минск: Издательский центр БГУ; 2019. 990 с.
43. Осипова ГВ, редактор. *Российская социологическая энциклопедия*. Москва: НОРМА-ИНФРА М; 1998. 672 с.
44. Шидловский АВ. Сбалансированность норм о преступлениях и наказаниях как гарантия обеспечения социальной справедливости уголовной ответственности. *Юстиция Беларуси*. 2024;7:39–43.
45. Тит АА. Восстановление социальной справедливости в уголовном законодательстве Республики Беларусь: анализ проблемы и предложения по совершенствованию. *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*. 2023;2:105–111.
46. Шидловский АВ. Конституционные основы обеспечения экономии пенитенциарной репрессии и социальной справедливости наказаний. В: Василевич ГА, редактор. *Белорусский конституционализм: теория и практика (к 30-летию Конституции Республики Беларусь)*. Сборник материалов Международной научно-практической конференции; 5–6 марта 2024 г.; Минск, Беларусь. Минск: БГУ; 2024. с. 197–202.
47. Тит АА. Об институте восстановительного правосудия в Республике Беларусь. *Вестник Академии МВД Республики Беларусь*. 2024;1:177–183.

References

1. Miklashevich PP, Chupris OI, Vasilevich GA, editors. *Konstitutsiya Respubliki Belarus'. Nauchno-prakticheskii kommentarii* [Constitution of the Republic of Belarus: scientific and practical commentary]. Minsk: National Center for Legal Information of the Republic of Belarus; 2024. 544 p. Russian.
2. Rud' R. [Valentin Sukalo: fairness of Belarusian justice should become synonymous with a fair Belarusian state]. *Sudovyy vesnik*. 2023;2:12–18. Russian.
3. Abramovich AM. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Minsk: YurSpektr; 2019. 576 p. Russian.
4. Abramovich AM. *Pravovoi status sovetskogo grazhdanina* [Legal status of a Soviet citizen]. Shabailov VI, editor. Minsk: Nauka i tekhnika; 1988. 91 p. Russian.
5. Miklashevich PP. [The updated Constitution of the Republic of Belarus: the essential content of the amendments]. In: Karpovich NA, editor. *Konstitutsionnyi kontrol': razvitie konstitutsionnykh osnov pravovogo regulirovaniya* [Constitutional control: development of the constitutional foundations of legal regulation]. Minsk: StroiMediaProekt; 2024. p. 4–31. Russian.
6. Bodak AN. [The supremacy of the Constitution: development of the principle of social justice]. In: Karpovich NA, editor. *Verkhovenstvo Konstitutsii: konstitutsionnye izmeneniya i sovremennoe razvitie konstitutsionnogo kontrolya. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 30-letiyu Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus'; 4–5 aprelya 2024 g.; Minsk, Belarus'* [The supremacy of the Constitution: constitutional changes and modern development of constitutional control. Proceedings of the International conference, dedicated to the 30th anniversary of Constitutional Court of the Republic of Belarus; 2024 April 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: StroiMediaProekt; 2024. p. 148–156. Russian.
7. Vasilevich GA. [Modernization of the political system of Belarusian society in a new constitutional and legal dimension]. In: Vasilevich GA, editor. *Belorusskii konstitutsionalizm: teoriya i praktika (k 30-letiyu Konstitutsii Respubliki Belarus')*. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 5–6 marta 2024 g.; Minsk, Belarus'* [Belarusian constitutionalism: theory and practice (to the 30th anniversary of the Constitution of the Republic of Belarus). Proceedings of the International scientific and practical conference; 2024 March 5–6; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2024. p. 20–31. Russian.
8. Danilyuk SE. [The Constitution is the main source of life-semantic and civilizational-protective values]. In: Karpovich NA, editor. *Konstitutsionnyi kontrol': razvitie konstitutsionnykh osnov pravovogo regulirovaniya* [Constitutional control: development of the constitutional foundations of legal regulation]. Minsk: StroiMediaProekt; 2024. p. 107–127. Russian.
9. Danilyuk SE. [Justice as a constitutional and legal category]. *Bulletin of the Constitutional Court of the Republic of Belarus*. 2019;1:47–64. Russian.
10. Karpovich NA. [Constitutional complaint as a factor of the development of the national legal system]. In: Karpovich NA, editor. *Verkhovenstvo Konstitutsii: konstitutsionnye izmeneniya i sovremennoe razvitie konstitutsionnogo kontrolya. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 30-letiyu Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus'; 4–5 aprelya 2024 g.; Minsk, Belarus'* [The supremacy of the Constitution: constitutional changes and modern development of constitutional control. Proceedings of the International conference, dedicated to the 30th anniversary of Constitutional Court of the Republic of Belarus; 2024 April 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: StroiMediaProekt; 2024. p. 95–102. Russian.
11. Karpovich NA. [Judicial constitutional control in the state legal mechanism: formation, functioning and development in modern conditions]. In: Karpovich NA, editor. *Verkhovenstvo Konstitutsii: konstitutsionnye izmeneniya i sovremennoe razvitie konstitutsionnogo kontrolya. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 30-letiyu Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus'; 4–5 aprelya 2024 g.; Minsk, Belarus'* [The supremacy of the Constitution: constitutional changes and modern development of constitutional control. Proceedings of the International conference, dedicated to the 30th anniversary of Constitutional Court of the Republic of Belarus; 2024 April 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: StroiMediaProekt; 2024. p. 32–54. Russian.

12. Semashko EV. [Social justice as an ideological imperative of the legal policy of the state]. In: Shidlovsky AV, editor. *Sovremennaya gosudarstvennost' i pravo: teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya i uspeshnogo funktsionirovaniya. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo yurista Respubliki Belarus' doktora yuridicheskikh nauk, professora A. M. Abramovicha; 24–25 maya 2024 g.; Minsk, Belarus'* [Modern statehood and law: theoretical and practical problems of formation and successful functioning. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the honorable lawyer of the Republic of Belarus doctor of science (law), professor A. M. Abramovich; 2024 May 24–25; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2024. p. 332–337. Russian.

13. Tikovenko AG. [Interaction of international, supranational and national law: constitutional and international legal aspects]. In: Karpovich NA, editor. *Konstitutsionnyi kontrol': razvitie konstitutsionnykh osnov pravovogo regulirovaniya* [Constitutional control: development of the constitutional foundations of legal regulation]. Minsk: StroiMediaProekt; 2024. p. 204–224. Russian.

14. Chupris O, Lyaskov A. [The role of the President of the Republic of Belarus in the formation and strengthening of the system of courts of general jurisdiction: constitutional decisions and practical implementation]. *Sudovy vesnik*. 2023;2:29–35. Russian.

15. Babii NA, Borodulkina ES, Davidovskaya EA, Kalinin SA, Kolesen NG, Ladutko VK, et al. *Okhranitel'naya funktsiya ugovnogo prava* [The protective function of criminal law]. Shidlovsky AV, editor. Minsk: Kolorgrad; 2023. 400 p. Russian.

16. Barkov AV. [Problems of replacing a sentence with a more severe one in case of malicious evasion of a convicted person from serving it]. In: Leshchenko SK, editor. *Pravosudie i pravookhranitel'naya deyatelnost': zakonodatel'stvo i pravoprimenenie. Vypusk 3* [Justice and law enforcement: legislation and law enforcement. Volume 3]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2023. p. 106–113. Russian.

17. Bibilo VN. *Problemy yurisprudentsii: izbrannye trudy* [Problems of jurisprudence: selected works]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2010. 470 p. Russian.

18. Gruntov IO. *Printsip gumanizma kak sposob otsenki obosnovannosti i effektivnosti deistviyushchikh ugovno-pravovykh norm* [The principle of humanism as a way to assess the validity and effectiveness of existing criminal law norms]. Minsk: IVTs Minfina; 2024. 140 p. Russian.

19. Gruntov IO. *Printsip spravedlivosti kak sposob otsenki obosnovannosti i effektivnosti deistviyushchikh ugovno-pravovykh norm* [The principle of justice as a way to assess the validity and effectiveness of existing criminal law norms]. Minsk: IVTs Minfina; 2022. 138 p. Russian.

20. Kalinkovich VL. [Ensuring the supremacy of the Constitution in the activities of courts of general jurisdiction]. In: Karpovich NA, editor. *Verkhovenstvo Konstitutsii: konstitutsionnye izmeneniya i sovremennoe razvitie konstitutsionnogo kontrolya. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 30-letiyu Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus'; 4–5 aprelya 2024 g.; Minsk, Belarus'* [The supremacy of the Constitution: constitutional changes and modern development of constitutional control. Proceedings of the International conference, dedicated to the 30th anniversary of Constitutional Court of the Republic of Belarus; 2024 April 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: StroiMediaProekt; 2024. p. 49–53. Russian.

21. Kamenetskii YuF. *Teoriya i praktika sledstvennoi profilaktiki* [Theory and practice of investigative prevention]. Minsk: StroiMediaProekt; 2024. 536 p. Russian.

22. Krasnobaeva LA. [The idea of social justice in the works of A. M. Abramovich]. In: Shidlovsky AV, editor. *Sovremennaya gosudarstvennost' i pravo: teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya i uspeshnogo funktsionirovaniya. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo yurista Respubliki Belarus' doktora yuridicheskikh nauk, professora A. M. Abramovicha; 24–25 maya 2024 g. Minsk, Belarus'* [Modern statehood and law: theoretical and practical problems of formation and successful functioning. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the honorable lawyer of the Republic of Belarus doctor of science (law), professor A. M. Abramovich; 2024 May 24–25; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2024. p. 240–243. Russian.

23. Gulyakevich DL, Shablinskaya DV, editors. *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya ugovnogo zakonodatel'stva Respubliki Belarus' na sovremennoy etape. Vypusk 4. Izbrannye trudy professora E. A. Sarkisovoi* [Current problems of improving the criminal legislation of the Republic of Belarus at the present stage. Issue 4. Selected works of professor E. A. Sarkisova]. Minsk: Four Quarters; 2019. 234 p. Russian.

24. Shablinskaya DV. [Punishment in the context of modernization of the protective function of the criminal law]. In: Karpovich NA, editor. *Pravo v sovremennoy belorusskom obshchestve. Vypusk 18* [Law in modern Belarusian society. Issue 18]. Minsk: Kolorgrad; 2023. p. 804–816. Russian.

25. Shvakov AI. [Legal assistance to citizens in realizing the right to protect rights and freedoms in constitutional proceedings]. In: Karpovich NA, editor. *Verkhovenstvo Konstitutsii: konstitutsionnye izmeneniya i sovremennoe razvitie konstitutsionnogo kontrolya. Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 30-letiyu Konstitutsionnogo Suda Respubliki Belarus'; 4–5 aprelya 2024 g.; Minsk, Belarus'* [The supremacy of the Constitution: constitutional changes and modern development of constitutional control. Proceedings of the International conference, dedicated to the 30th anniversary of Constitutional Court of the Republic of Belarus; 2024 April 4–5; Minsk, Belarus]. Minsk: StroiMediaProekt; 2024. p. 110–114. Russian.

26. Shevtsov YuL. [Institute of replacement with a more severe punishment for malicious evasion of serving a sentence in the form of community service]. In: Leshchenko SK, editor. *Pravosudie i pravookhranitel'naya deyatelnost': zakonodatel'stvo i pravoprimenenie. Vypusk 3* [Justice and law enforcement: legislation and law enforcement. Issue 3]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2023. p. 197–208. Russian.

27. Aslanyan RG. *Osobennaya chast' rossiiskogo ugovnogo prava: problemy teoreticheskogo stroeniya i sistemnye parametry* [A special part of Russian criminal law: problems of the theoretical structure and system parameters]. Konyakhin VP, editor. Moscow: Yurlitinform; 2023. 456 p. Russian.

28. Bavsun MV. [Prerequisites and prospects for the transformation of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation in the conditions of the modern geopolitical situation]. In: Konyakhin VP, Prokhorova ML, editors. *Institutsional'nye osnovy ugovnogo prava RF: k 70-letnemu yubileyu professora V. P. Konyakhina. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi*

konferentsii; 1–2 fevralya 2024 g.; Krasnodar, Rossiya [Institutional foundations of criminal law of the Russian Federation: to the 70th anniversary of professor V. P. Konyakhin. Proceedings of International scientific and practical conference; 2024 February 1–2; Krasnodar, Russia]. Krasnodar: Kuban State University; 2024. p. 332–336. Russian.

29. Bibik ON. *Kul'turnaya obuslovlennost' ugovnogo prava* [Cultural conditionality of criminal law]. Moscow: Yurлитin-form; 2013. 224 p. Russian.

30. Boiko AI. *Nravstvenno-religioznye osnovy ugovnogo prava* [Moral and religious foundations of criminal law]. Moscow: Yurлитinform; 2010. 248 p. Russian.

31. Veliev SA. *Printsipy naznacheniya nakazaniya* [Principles of sentencing]. Saint Petersburg: Yuridicheskii Centr Press; 2004. 388 p. Russian.

32. Dodonov VN. *Sravnitel'noe ugovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Comparative criminal law. General part]. Moscow: Yurлитinform; 2009. 448 p. Russian.

33. Zhalinskii AE. *Ugovnoe pravo v ozhidanii peremen: teoretiko-instrumental'nyi analiz* [Criminal law in anticipation of change: theoretical and instrumental analysis]. Moscow: Prospekt; 2009. 400 p. Russian.

34. Konyakhin VP, Aslanyan RG. [Criminal Code of the Russian Federation: possible prospects for systemic and structural innovations]. In: Konyakhin VP, Prokhorova ML, editors. *Institutsional'nye osnovy ugovnogo prava RF: k 70-letnemu yubileyu professora V. P. Konyakhina. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 1–2 fevralya 2024 g.; Krasnodar, Rossiya* [Institutional foundations of criminal law of the Russian Federation: to the 70th anniversary of professor V. P. Konyakhin. Proceedings of International scientific and practical conference; 2024 February 1–2; Krasnodar, Russia]. Krasnodar: Kuban State University; 2024. p. 122–127. Russian.

35. Mamedov AA. *Spravedlivost' naznacheniya nakazaniya* [Fairness of sentencing]. Saint Petersburg: Yuridicheskii Centr Press; 2003. 119 p. Russian.

36. Ogorodnikova NV. [Penalization policy in the field of countering encroachments on property]. In: Konyakhin VP, Prokhorova ML, editors. *Institutsional'nye osnovy ugovnogo prava RF: k 70-letnemu yubileyu professora V. P. Konyakhina. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 1–2 fevralya 2024 g.; Krasnodar, Rossiya* [Institutional foundations of criminal law of the Russian Federation: to the 70th anniversary of professor V. P. Konyakhin. Proceedings of International scientific and practical conference; 2024 February 1–2; Krasnodar, Russia]. Krasnodar: Kuban State University; 2024. p. 394–400. Russian.

37. Pudovochkin YuE. [Social and criminological foundations of criminal law prohibition]. IN: Boiko AI, editor. *Kriminologicheskie osnovy ugovnogo prava. Lektsii i novye obrazovatel'nye tekhnologii dlya yuristov* [Criminological foundations of criminal law. Lectures and new educational technologies for lawyers]. Rostov-on-Don: YURIU RANEPА GS; 2016. p. 96–104. Russian.

38. Ragimov IM. *Filosofiya prestupleniya i nakazaniya* [Philosophy of crime and punishment]. Saint Petersburg: Yuridicheskii Centr Press; 2015. 288 p. Russian.

39. Lopashenko NA, editor. *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'. Nakazanie. Akademicheskii kurs. Tom 1. Ponyatie, tseli ugovnogo nakazaniya. Sistema ugovnogo nakazaniya. Kniga 1. Ponyatie ugovnogo nakazaniya* [Criminal law. General part. Punishment. Academic course. Volume 1. Concept, goals of criminal punishment. Criminal punishment system. Book 1. The concept of criminal punishment]. Moscow: Yurлитinform; 2020. 680 p. Russian.

40. Lopashenko NA, editor. *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskii kurs. Tom 2. Sistema, istochniki i struktura ugovnogo prava. Printsipy ugovnogo prava* [Criminal law. General part. Crime. Academic course. Volume 2. System, sources and structure of criminal law. Principles of criminal law]. Moscow: Yurлитinform; 2016. 656 p. Russian.

41. Lopashenko NA, editor. *Ugovnoe pravo. Obshchaya chast'. Prestuplenie. Akademicheskii kurs. Tom 3. Ugolovnaya politika. Ugolvnaya otvetstvennost'* [Criminal law. General part. Crime. Academic course. Volume 3. Criminal policy. Criminal liability]. Moscow: Yurлитinform; 2016. 752 p. Russian.

42. Gruntov IO, Shidlovsky AV, editors. *Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast'. Tom 2. Uchenie o nakazanii i inykh merakh ugovnoi otvetstvennosti* [Course of criminal law. General part. Volume 2. The doctrine of punishment and other measures of criminal liability]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University; 2019. 990 p. Russian.

43. Osipova GV, editor. *Rossiiskaya sotsiologicheskaya entsiklopediya* [Russian sociological encyclopedia]. Moscow: NORMA-INFRA M; 1998. 672 p. Russian.

44. Shidlovsky AV. [Balance of norms on crimes and punishments as a guarantee of ensuring social justice of criminal liability]. *Yustitsiya Belarusi*. 2024;7:39–43. Russian.

45. Tit AA. Restoration of social justice in criminal legislation of the Republic of Belarus: analysis of the problem and proposals for improvement. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*. 2023;2:105–111. Russian.

46. Shidlovsky AV. [Constitutional principles for ensuring the economy of penitentiary repression and social justice of punishments]. In: Vasilevich GA, editor. *Belorusskii konstitutsionalizm: teoriya i praktika (k 30-letiyu Konstitutsii Respubliki Belarus')*. *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 5–6 marta 2024 g.; Minsk, Belarus'* [Belarusian constitutionalism: theory and practice (to the 30th anniversary of the Constitution of the Republic of Belarus). Proceedings of International scientific and practical conference; 2024 March 5–6; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2024. p. 197–202. Russian.

47. Tit AA. On the institution of restorative justice in the Republic of Belarus. *Vestnik Akademii MVD Respubliki Belarus'*. 2024;1:177–183. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.11.2024.
Received by editorial board 28.11.2024.

УДК 343.575 + 342.95 + 613.83 + 614.283:340

ДЕЛЕНИЕ НА НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА И ИХ ПРЕКУРСОРЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ

Д. Л. ХАРЕВИЧ¹⁾

¹⁾Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь,
пр. Машерова, 6а, 220005, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуется проблема классификации контролируемых веществ на наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры. Рассматриваются общественные отношения в сфере оборота указанных веществ, анализируются нормы антинаркотических конвенций ООН и законодательных актов Республики Беларусь. Выделяются закономерности видового обособления психоактивных веществ, находящихся под контролем, что позволяет пересмотреть некоторые взгляды на указанный вопрос. Целью исследования является совершенствование понятийного аппарата в сфере контроля над оборотом наркотиков. Практическое значение результатов исследования состоит в обосновании изменений, которые позволяют оптимизировать правовую терминологию в законодательстве, регулирующем оборот наркотиков.

Ключевые слова: аналог; наркотическое средство; правовое регулирование; прекурсор; психотропное вещество; оборот наркотиков.

DIVISION INTO NARCOTIC DRUGS, PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AND THEIR PRECURSORS IN INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

D. L. KHAREVICH^a

^aAcademy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus,
6a Masherava Avenue, Minsk 220005, Belarus

Abstract. The problem of division of controlled substances into narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors is studied. Public relations in the sphere of circulation of these substances are researched, the norms of the UN anti-drug conventions and legislative acts of the Republic of Belarus regulating them are analysed. Patterns of species identification of psychoactive substances under control, which made it possible to reconsider some views on this issue are identified. The purpose of the study is to improve the conceptual apparatus in the field of drug control. The practical significance of its results is to substantiate changes in the legislation regulating drug trafficking, allowing to optimise the legal terminology in this area.

Keywords: analogue; narcotic drug; legal regulation; precursor; psychotropic substance; drug trafficking.

Образец цитирования:

Харевич ДЛ. Деление на наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры в международном и национальном праве. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:66–71.
EDN: WRKYSQ

For citation:

Kharevich DL. Division into narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors in international and national law. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:66–71. Russian.
EDN: WRKYSQ

Автор:

Дмитрий Людвигович Харевич – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета криминальной милиции.

Author:

Dmitry L. Kharevich, PhD (law), docent; associate professor at the department of investigative activities, faculty of criminal police.
dmitryharevich@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1390-6077>

Введение

Эффективность правового регулирования оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в значительной степени определяется взаимной согласованностью классификации этих понятий. Данному вопросу посвящен ряд публикаций [1; 2]. Одним из возможных аргументов

в пользу классификации контролируемых веществ выступают различия в их правовой регламентации, обуславливающие необходимость дать разные наименования подконтрольным психоактивным веществам, оборот которых регулируется различным образом. Рассмотрим этот аргумент подробно.

Материалы и методы исследования

Термины «наркотическое средство», «психотропное вещество», «прекурсор наркотического средства, психотропного вещества» обязаны своим появлением международным конвенциям, определившим глобальный порядок контроля над их оборотом (Гаагская международная конвенция по опиуму 1912 г. и последующие международные соглашения [3]). Положения ранее принятых международных соглашений по наркотикам были систематизированы в Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 г., заключенной в Нью-Йорке 30 марта 1961 г. (далее – Конвенция ООН 1961 г.), согласно которой устанавливался международный контроль над культивированием опийного мака, конопли, кокаинового куста, оборотом получаемых из данных растений опия, каннабиноидов, кокаина и иных наркотических средств, а также психоактивных веществ искусственного происхождения (например, фентанила, метадона, петидина)¹.

Недостатком Конвенции ООН 1961 г. было отсутствие механизмов ограничения амфетамина, барбитуратов, седативных, галлюциногенных и других психоактивных веществ, злоупотребление которыми стало распространяться в мире начиная с 1950-х гг.² В результате дискуссии о возможных способах нормативного разрешения указанной проблемы было отклонено первоначальное предложение о распространении действия Конвенции ООН 1961 г. на данные вещества, а также было принято решение о разработке нового международного договора – Конвенции ООН о психотропных веществах 1971 г., которая была заключена в г. Вене 21 февраля 1971 г. (далее – Конвенция ООН 1971 г.) [4, с. 67]. На это решение в определенной степени повлияли интересы фармацевтических компаний, выпускавших большое количество лекарств, содержащих такие вещества, которые поставляли их в разные страны мира и были заинтересованы в установлении менее строгого механизма контроля над оборотом упомянутых веществ [4, с. 35–37].

В Конвенции ООН 1971 г. были изменены механизм и критерии отнесения веществ к подконтрольным,

что стало основанием для избрания их нового названия: вместо термина «наркотические средства» стал использоваться термин «психотропные вещества». Как отмечено в ряде публикаций, с научной точки зрения данное решение являлось не вполне последовательным, поскольку ему были присущи определенные противоречия [4, с. 35–40] и отсутствие какой-либо концептуальной основы отнесения веществ к одной из указанных категорий³. Так, непоследовательным является отнесение ряда галлюциногенов (каннабиноидов), имеющих одинаковое психоактивное основание, к разным группам: если марихуана, гашиш, гашишное масло, лист шалфея предсказателей являются наркотическими средствами, то их наиболее психоактивные компоненты (тетрагидроканнабинол и сальвинорин А) – психотропными веществами. Воздействующие на одинаковые типы рецепторов опиаты и опиоиды также классифицированы по-разному: большинство из них являются наркотическими средствами (наиболее типичными представителями этой группы), однако трамадол отнесен к психотропным веществам [5, с. 179–181].

Меры контроля над оборотом химических веществ – прекурсоров – установлены в Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г., заключенной в г. Вене 20 декабря 1988 г. (далее – Конвенция ООН 1988 г.). В ней термин «прекурсор» не используется, вместо него употребляется словосочетание «вещества, часто используемые при незаконном изготовлении наркотических средств или психотропных веществ». Как указывает Э. А. Бабаян, являвшийся членом делегации СССР на конференции, проводимой для принятия указанной конвенции, предложение использовать в тексте документа термин «прекурсоры» не было одобрено в связи с тем, что данный термин не охватывал иные вещества, не относящиеся к прекурсорам-полупродуктам (например, растворители, катализаторы и др.), и уже использовалось при разработке конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического

¹Международные конвенции о контроле над наркотиками: история, достижения и проблемы // Докл. Междунар. ком. по контролю над наркотиками за 2008 г. Вена, 2009. С. 1–15.

²Там же.

³Там же ; Рекомендации по унификации и гармонизации законодательства государств – участников СНГ в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров / Бюро по координации борьбы с организованными преступностями и иными опасными видами преступлений на территории Содружества Независимых Государств. М., 2013. 25 с.

оружия и его уничтожении [4, с. 34, 58]. Однако позже данный термин стал употребляться в словосочетании «прекурсоры наркотических средств и психотропных веществ» как в международных документах [6, с. 23], так и в национальном законодательстве.

Механизм контроля, предусмотренный рассматриваемой конвенцией, не был последовательным, поскольку вещества, которые могут быть использованы для изготовления наркотических средств (растительное сырье и химические вещества, конвертируемые в наркотические средства), не охватывались Конвенцией ООН 1988 г., а контролировались согласно норме п. 8 ст. 2 Конвенции ООН 1961 г. Данный механизм также не был четко регламентирован. Это обстоятельство создало определенные противоречия с предусмотренными Конвенцией ООН 1988 г. мерами контроля над прекурсорами психотропных веществ. Примечательно, что актуализировался пробел, обусловленный отсутствием регламентации оборота растений, содержащих психотропные вещества и их прекурсоры, в то время как в отношении самих указанных веществ меры контроля предусматривались конвенциями ООН 1971 г. и Конвенции ООН 1988 г.⁴

Некоторые из отмеченных противоречий были известны на момент разработки конвенций, другие проявились в процессе правоприменения. Вместе с тем предполагалось, что данные противоречия будут сглаживаться за счет использования в текстах нормативных правовых актов отдельных стран защитительных оговорок и норм конвенций ООН, допускающих учет принципов национального права и особенностей административных систем отдельных государств, которые позволяли как ослаблять режим контроля в отношении определенных веществ, так и усиливать его [4, с. 32–33, 53–54; 7, с. 178]. Однако при имплементации нашей страной норм антинаркотических конвенций ООН многие внутренние противоречия указанных международных соглашений были восприняты национальным законодательством БССР и Республики Беларусь.

Одним из противоречий стало заимствование нормативной классификации контролируемых веществ (разделение на наркотические средства, психотропные вещества). Данная классификация отражала закрепленные в конвенциях ООН различия подходов к механизмам контроля над оборотом веществ. Оценим, насколько она последовательна.

Словосочетание «наркотическое средство» использовано только в русскоязычном тексте Конвенции ООН 1961 г. В ст. 1 и в тексте ее англоязычной

версии употребляется понятие «drug». Многозначная лексема «drug», обычно переводимая на русский язык словом «наркотик», означает в английском языке как лекарство (фармацевтический препарат для лечения болезней), так и психоактивное вещество, используемое в законных или незаконных целях⁵. Исходя из содержания Конвенции ООН 1961 г. и задач, стоявших перед ее разработчиками, понятие «drug» использовалось в его англоязычном понимании согласно второму из приведенных значений. Так, в абзаце 3 преамбулы говорится о применении наркотиков в медицине, а в абзаце 6 – о злоупотреблении ими. Аналогичные примеры встречаются в других положениях конвенции⁶.

Появление в русскоязычной версии рассматриваемой конвенции термина «средство» в сочетании со словом «наркотический» заставляет обратиться к его правовому значению. В соответствии с мнением ученых и текстами конвенций ООН 1961 г. и 1971 г. к контролируемым объектам относятся вещества (англ. *substances*), которые могут быть естественными (природными) или синтетическими (искусственно полученными), и изготовленные из них препараты (англ. *preparations*) в виде дозированных лекарственных форм⁷, которые могут включать в себя одно или несколько веществ [4, с. 13]. Представленную иерархию понятий можно отразить «сверху вниз» следующим образом: вещество – препарат – лекарственная форма.

В дефиниции, приведенной в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 161-З «Об обращении лекарственных средств», понятие «лекарственное средство» является видовым по отношению к родовому «вещество»; лекарственное средство производят (изготавливают) из веществ, которые входят в его состав. Одним из видов лекарственных средств является лекарственный препарат (лекарственное средство в виде лекарственной формы). В данном случае иерархия в порядке уменьшения объема выглядит следующим образом: вещество – средство – препарат – лекарственная форма. Как видно, понятие «средство» является более узким, чем понятие «вещество».

В связи с вышесказанным корректным словосочетанием для обозначения корневого понятия объекта, находящегося под контролем, является не словосочетание «наркотическое средство», а термин «наркотическое вещество», охватывающий все объекты, подлежащие контролю (природные и синтетические вещества).

⁴Международные конвенции о контроле над наркотиками: история, достижения и проблемы // Доклад Междунар. ком. по контролю над наркотиками за 2008 г. Вена, 2009. С. 1–15.

⁵Drug [Electronic resource]. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/drug> (date of access: 17.12.2023).

⁶Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года / Организация Объедин. Наций. Нью-Йорк, 1961. С. 17, 42.

⁷Там же; Конвенция ООН о психотропных веществах 1971 г. с Заключительным актом и резолюциями, утвержденными Конференцией Организации Объединенных Наций для принятия Протокола о психотропных веществах, и списками веществ, прилагаемыми к настоящей Конвенции / Организация Объедин. Наций. Нью-Йорк, 1971. С. 9.

Результаты и их обсуждение

Использованное в русскоязычной версии Конвенции ООН 1961 г. понятие «наркотическое средство» не соответствует тому содержанию, которое было заложено в англоязычной версии документа. В пользу этого утверждения свидетельствует также тот факт, что при принятии Конвенции ООН 1971 г. в ее русскоязычной версии слово «substance» переведено уже как «вещество», а не как «средство», при этом содержание данного понятия осталось практически тем же: согласно п. е. ст. 1 Конвенции ООН 1971 г. оно включает в себя природные, синтетические вещества и природные материалы.

Исходя из вышеприведенных рассуждений, можно сделать вывод о том, что в Конвенции ООН 1961 г. понятие «наркотическое средство» используется в значении «наркотическое вещество». Разделение объектов, находящихся под контролем, на средства и вещества появилось при переводе Конвенции ООН 1961 г. на русский язык и, на наш взгляд, оно не вполне последовательно. Анализ содержания антинаркотических конвенций ООН, специальной литературы и нормативных правовых актов указывает, что категория «вещество» является наиболее близким родовым понятием для рассматриваемых объектов. С этим утверждением согласен и законодатель, определивший вещество в качестве родового понятия в дефиниции наркотических средств, психотропных веществ, приведенной в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах».

Отмеченные аспекты дают повод задуматься об обоснованности разделения контролируемых психоактивных веществ на наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры. Аргументом в пользу его сохранения является необходимость соблюдать положения антинаркотических конвенций ООН, в том числе с точки зрения международ-

ного контроля. Доводом против этого сохранения, помимо вышеуказанной противоречивости разделения подконтрольных объектов на средства и вещества в русскоязычной версии Конвенции ООН 1961 г., выступает также диспозитивность соответствующих положений конвенций, которая не обязывает формировать национальное законодательство в точном соответствии с ними. На наш взгляд, положения рассмотренных конвенций о необходимости учета принципов национального права применимы как к режиму оборота отдельных веществ, так и к разделению их на группы. В пользу данного утверждения можно привести мнение Э. А. Бабаяна о возможности формирования своих национальных списков при условии соблюдения фундаментальных требований конвенций ООН [4, с. 31, 65]. А. В. Федоров также полагает, что оценка соответствия национального антинаркотического законодательства международным договорам предполагает не буквальное повторение их положений, а «обеспечение так называемой функциональной эквивалентности» [7, с. 178].

Данное суждение подтверждается подходами к классификации подконтрольных веществ в различных странах мира. Например, в Великобритании, Германии и некоторых иных странах психоактивные вещества не делятся на наркотические средства и психотропные вещества – для их обозначения используется один термин, при этом существует внутреннее деление этого понятия на категории для установления различных правовых режимов в отношении каждой из них [4, с. 40–41; 8, с. 86–87]. В СССР многие психотропные вещества рассматривались как наркотические средства либо сильнодействующие вещества, что не являлось нарушением Конвенции ООН 1971 г., поскольку обеспечивало адекватный нормам международных конвенций режим контроля над оборотом указанных средств и веществ [4, с. 41–43, 66, 68].

Заключение

Таким образом, проведенное рассмотрение позволяет утверждать, что разделение контролируемых веществ на наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры имеет обоснование в международном праве и позволяет дифференцировать глобальные меры контроля над ними. Вместе с тем данное разделение не является обязательным условием, вытекающим из положений антинаркотических конвенций ООН, и допускает использование альтернативной классификации в национальном праве.

Предложенная нами ранее [9] унифицированная система первичных (содержательных) критериев отнесения к наркотическим средствам, психотропным веществам, их прекурсорах и аналогам дает основа-

ния для вывода о том, что приведенные категории представляют собой единое понятие с точки зрения содержания.

С учетом вышесказанного полагаем целесообразным для обозначения названных понятий в нормативных правовых актах использовать единый термин «наркотики», охватывающий всю совокупность психоактивных веществ, подлежащих контролю. Такая унификация позволит достичь лаконичности правовых норм, улучшить их восприятие. Немаловажно, что подобное нововведение не требует коренного изменения существующих правовых режимов оборота психоактивных веществ, поскольку разграничение данных режимов будет обеспечиваться в том же порядке, что и в настоящее время, т. е. делением

на группы, подгруппы (в настоящее время они называются списками, таблицами).

При использовании слова «классы» для наименования групп первого уровня будет употребляться словосочетание «наркотики классов 2, 3, 4.1» вместо применяемого в настоящее время выражения «наркотические средства и психотропные вещества, включенные в список особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, разрешенных к контролируемому обороту, список опасных психотропных веществ, разрешенных к контролируемому обороту,

Республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь, и прекурсоры, включенные в таблицу 1 “Химические вещества и их соли, из которых образуются наркотические средства или психотропные вещества в процессе их изготовления или производства” списка прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ Республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь»⁸.

Библиографические ссылки

1. Жбанков ВА, Табаков АВ. *Криминалистические классификации наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров как предметов контрабанды: теоретические и практические аспекты разработки и использования в расследовании*. Москва: РТА; 2013. 274 с.
2. Павленко РМ. Поняття «наркотичні засоби» та «психотропні речовини»: дискусійні питання. *Актуальні проблеми протидії незаконному обігу наркотичних засобів та психотропних речовин у сучасних умовах*. 2004;2:347–350.
3. Масто ДФ. Опиум, кокаин и марихуана в истории США. *В мире науки*. 1991;9:6–14.
4. Бабаян ЭА, Бардин ЕВ, Гаевский АВ. *Правовые аспекты оборота наркотических, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ и прекурсоров*. Москва: МЦФЭР; 2000. 440 с.
5. Харевич ДЛ. *Понятие, свойства наркотиков и правовое регулирование их оборота*. Минск: Академия МВД Республики Беларусь; 2024. 198 с.
6. Хайров ФМ. Уголовная ответственность за незаконный оборот прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ по законодательству Российской Федерации и Республики Таджикистан [диссертация]. Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. Кикотя; 2017. 168 с.
7. Федоров АВ. Международные антинаркотические конвенции как часть правовой системы и уголовного законодательства Российской Федерации. *Библиотека криминалиста*. 2013;6:171–178.
8. Анисимов ЛН. *Наркотики: правовой режим. Международно-правовые и внутригосударственные проблемы регулирования производства, применения и распространения наркотических и психотропных веществ*. Ленинград: Ленинградский университет; 1974. 143 с.
9. Харевич ДЛ. О единой системе критериев отнесения к веществам, растениям (грибам), предметам, подлежащим контролю в связи с оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. В: Ким ДВ, Цуканов НН, редакторы. *Подразделения по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел Российской Федерации: 30 лет со дня образования. Материалы Международного научно-практического семинара; 26 ноября 2021 г.; Красноярск, Россия*. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации; 2021. с. 34–38.

References

1. Zhbankov VA, Tabakov AV. *Kriminalisticheskie klassifikatsii narkoticheskikh sredstv, psikhotropnykh veshchestv, ikh analogov i prekursorov kak predmetov kontrabandy: teoreticheskie i prakticheskie aspekty razrabotki i ispol'zovaniya v rassledovanii* [Forensic classifications of narcotic drugs, psychotropic substances, their analogues and precursors as contraband items: theoretical and practical aspects of development and use in investigation]. Moscow: Rossiiskaya tamozhennaya akademiya; 2013. 274 p. Russian.
2. Pavlenko RM. [Concepts of «narcotic drugs» and «psychotropic substances»: discussion issues]. *Aktual'ni problemy protydii nezakonnomu obigu narkotychnykh zasobiv ta psyhotropnykh rehovyn u suchasnykh umovah*. 2004;2:347–350. Ukrainian.
3. Masto DF. [Opium, cocaine and marijuana in US history]. *V mire nauki*. 1991;9:6–14. Russian.
4. Babayan EA, Bardin EV, Gaevskii AV. *Pravovye aspekty oborota narkoticheskikh, psikhotropnykh, sil'nodeistvuyushchikh, yadovitykh veshchestv i prekursorov* [Legal aspects of the circulation of narcotic, psychotropic, potent, toxic substances and precursors]. Moscow: Mezhdunarodnyi tsentr finansovo-ekonomicheskogo razvitiya; 2000. 440 p. Russian.
5. Kharevich DL. *Ponyatie, svoystva narkotikov i pravovoe regulirovanie ikh oborota* [Concept, properties of drugs and legal regulation of their circulation]. Minsk: Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; 2024. 198 p. Russian.
6. Khairov FM. [Criminal liability for illegal trafficking in precursors of narcotic drugs or psychotropic substances, as well as plants containing precursors of narcotic drugs or psychotropic substances under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan] [dissertation]. Moscow: Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2017. 168 p. Russian.

⁸См., например, абзац 3 п. 9 постановления Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2002 г. № 1827 «О порядке изготовления, производства, переработки и хранения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров».

7. Fedorov AV. [International anti-drug conventions as part of the legal system and criminal legislation of the Russian Federation]. *Biblioteka kriminalista*. 2013;6:171–178. Russian.

8. Anisimov LN. *Narkotiki: pravovoi rezhim. Mezhdunarodno-pravovye i vnutrigosudarstvennye problemy regulirovaniya proizvodstva, primeneniya i rasprostraneniya narkoticheskikh i psikhotropnykh veshchestv* [Drugs: legal regime. International legal and domestic problems of regulating the production, use, and distribution of narcotic and psychotropic substances]. Leningrad: Leningradskii universitet; 1974. 143 p. Russian.

9. Kharevich DL. [On a unified system of criteria for classifying substances, plants (fungi), and items subject to control in connection with the trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues]. In: Kim DV, Tsukanov NN, editors. *Podrazdeleniya po kontrolyu za oborotom narkotikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: 30 let so dnya obrazovaniya. Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar; 26 noyabrya 2021 g.; Krasnoyarsk, Rossiya* [Subdivisions for drug control of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: 30 years since its formation. Materials of the International scientific and practical seminar; 2021 November 26; Krasnoyarsk, Russia]. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; 2021. p. 34–38. Russian.

Статья поступила в редколлегию 25.04.2024.
Received by editorial board 25.04.2024.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

УДК 349.41(476)(043.3)

ГАРАНТИИ ПРАВ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Г. В. КРАСУЦКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены проблемы обеспечения гарантий прав землепользователей при использовании земельных участков для индивидуального жилищного строительства в аспекте действия принципа социальной справедливости и цифровизации различных сфер деятельности. Сформулированы теоретические выводы и предложения по совершенствованию законодательства в целях обеспечения доступности, эффективности и рациональности землепользования для индивидуального жилищного строительства.

Ключевые слова: земельное право; индивидуальное жилищное строительство; гарантии и защита прав граждан при использовании земельных участков.

Образец цитирования:

Красуцкий ГВ. Гарантии прав землепользователей при использовании земельных участков для индивидуального жилищного строительства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:72–82. EDN: TKGSWS

For citation:

Krasutski HV. Guarantees of the rights of land users of land plots for individual housing construction. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:72–82. Russian. EDN: TKGSWS

Автор:

Георгий Вячеславович Красуцкий – соискатель кафедры экологического и аграрного права юридического факультета. Научный руководитель – доктор юридических наук, доцент И. С. Шахрай.

Author:

Heorhi V. Krasutski, competitor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law. george-2013@tut.by
<https://orcid.org/0000-0003-4724-833X>

GUARANTEES OF THE RIGHTS OF LAND USERS OF LAND PLOTS FOR INDIVIDUAL HOUSING CONSTRUCTION

H. V. KRASUTSKI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article examines the problems in the field of guarantees of the rights of land users when using land plots for individual housing construction in the aspect of the principle of social justice and digitalisation of various fields of activity. Theoretical conclusions and proposals for improving legislation in order to ensure accessibility, efficiency and rationality of land use for individual housing construction are formulated.

Keywords: land law; individual housing construction; guarantees and protection of citizens' rights in the use of land plots.

Введение

Одной из приоритетных задач государственной политики Республики Беларусь является обеспечение граждан жильем, включая содействие индивидуальному жилищному строительству. Названная социально значимая задача подразумевает организацию землепользования для указанной цели и одновременно законодательное закрепление гарантий прав граждан, обеспечение баланса публичных и частных интересов при использовании земельных участков, в том числе при их предоставлении.

В рамках данной темы объектами исследовательского интереса выступают понятие «индивидуальное жилищное строительство» и гарантии прав всех субъектов земельных отношений, использующих земельные участки для этой цели. Такие гарантии, по нашему мнению, должны последовательно реализовываться на всех этапах существования правоотношений по использованию земельных участков в рассматриваемых целях, начиная с предоставления земельных участков и их использования и заканчивая прекращением прав на них.

Теоретическую основу вопросов гарантий прав землепользователей в области земельных отно-

шений представляют собой труды отечественных и зарубежных ученых. В частности, белорусские исследователи названные гарантии сводят к нормам законодательства, в которых закреплены положения, обеспечивающие возможность иметь определенное право, осуществлять, защищать и восстанавливать его [1, с. 199; 2, с. 83, 84; 3, с. 152, 153]. В то же время в целях эффективного применения гарантий их следует сформулировать в отношении конкретных вопросов. Данное обстоятельство в отсутствие комплексного исследования обозначенной проблематики обусловило выбор темы настоящей статьи.

Целью исследования выступает разработка научно аргументированного понятия «индивидуальное жилищное строительство», а также формулировка гарантий прав землепользователей при использовании земельных участков для индивидуального жилищного строительства. Чтобы достичь поставленной цели, решаются задачи по выявлению концептуальных недостатков правового регулирования рассматриваемых правоотношений и обоснованию путей их устранения.

Основная часть

Обращаясь к понятию «индивидуальное жилищное строительство», отметим, что, несмотря на использование этого термина в юридической литературе и нормативных правовых актах, в законодательстве отсутствует его научно аргументированное определение, которое могло бы быть использовано в правовом регулировании земельных, жилищных, градостроительных и других взаимосвязанных общественных отношений. Ранее нами были изучены вопросы о понятии «жилищное строительство», определяющем сущность целевого назначения соответствующих земельных участков, а также предложены их доктринально обоснованные определения, предусматривающие, что такая деятельность должна осуществляться с соблюдением согласованного

экологического, земельного и градостроительного законодательства [4, с. 150; 5, с. 82].

Анализ действующего законодательства Республики Беларусь (например, п. 1.60 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, п. 3, 19, 34 ст. 1 Жилищного кодекса Республики Беларусь) позволяет утверждать, что к объектам индивидуального жилищного строительства относятся многоквартирные жилые дома, блокированные жилые дома и квартиры в них. К слову, при их строительстве, обслуживании и содержании обеспечивается достижение не только общих целей, характерных для категории земель населенных пунктов, садоводческих товариществ, дачных кооперативов, но и удовлетворение

частных потребностей и требований граждан в области застройки, что подчеркивает индивидуальный характер строительства. В то же время рассматриваемый вид жилищного строительства подразумевает использование земли, поэтому вопросы ее охраны, определения границ и порядка землепользования имеют существенное значение.

Соответственно, под индивидуальным жилищным строительством как особым видом землепользования предлагаем понимать деятельность на земельных участках в пределах населенных пунктов, осуществляемую в интересах землепользователей с соблюдением законодательства об охране окружающей среды, охране и использовании земель, архитектурной, градостроительной и строительной деятельности по строительству многоквартирных жилых домов, блокированных жилых домов, квартир в блокированных жилых домах, а также деятельность по их обслуживанию и содержанию.

Полагаем, что предложенная дефиниция позволяет определить юридическую сущность понятия целевого назначения земельных участков, предназначенных для вышеназванного вида жилищного строительства, которое подразумевает порядок, условия и ограничения использования земельных участков для строительства, обслуживания и содержания упомянутых объектов недвижимости (определены в соответствии с законодательством об охране окружающей среды, охране и использовании земель, архитектурной, градостроительной и строительной деятельности).

Исходя из того, что индивидуальное жилищное строительство охватывает совокупность различных отношений, возникающих на разных этапах «жизненного цикла» объектов недвижимости, на каждом из которых человек имеет конкретные интересы, правовое регулирование этих отношений подразумевает законодательное закрепление для граждан как субъектов земельных отношений гарантий наличия определенных прав и их реализации. Ввиду широкого круга этих прав остановимся на отдельных наиболее актуальных гарантиях их реализации и защиты, к которым следует отнести обеспечение прав субъектов отношений на предоставление в разумные сроки земельных участков для заявленной цели уполномоченными субъектами, в том числе представительными органами, на основании понятных правил; своевременное получение достоверной и полной информации о земельных участках, о ходе инициированной процедуры их предоставления; закрепление справедливых, эффективных, конкурентных и доступных механизмов предоставления земельных участков, обеспечивающих учет общественного мнения в необходимых случаях; ис-

пользование своего и при определенных условиях ограниченное использование чужого земельного участка с одновременной защитой от возможных посягательств, в том числе не связанных с лишением владения земельным участком, включая справедливое разрешение земельных споров, а также от произвольного прекращения прав, включая изъятие недвижимости для государственных нужд, и др.

Так, основополагающее значение в области землепользования для индивидуального жилищного строительства имеет само по себе право граждан на предоставление им земельных участков для указанной цели, однако как таковое оно в законодательстве не закреплено. Кроме того, в ряде случаев лица, не являющиеся по смыслу п. 1.23 ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ) землепользователями, также имеют права, которые подлежат защите (например, кандидат в правообладатели земельного участка; лицо, государственная регистрация прав которого на земельный участок признана недействительной, и т. д.). Однако закрепленные в КоЗ принципы земельных отношений, нормы о правомочиях, защите прав и другие нормы на этих лиц не распространяются, что ограничивает их в возможностях охраны своих законных интересов. В целях устранения обозначенных пробелов считаем обоснованным внести в ст. 5 КоЗ изменения, обеспечивающие распространение принципов земельных отношений на всех их субъектов.

Важное значение для возникновения права землепользования имеет объем доступной для граждан информации о земельных участках, а также оперативность процедуры их предоставления. При этом оба указанных аспекта следует рассматривать в контексте активного развития информационных технологий, которые, как отмечает О. И. Чуприс, «должны служить развитию права и правовых отношений» [6, с. 5]. Вместе с тем в области распространения информации о земельных участках и в процедуре их предоставления потенциал цифровизации реализован не полностью.

Так, анализ гл. 4 КоЗ и норм Положения о порядке изъятия и предоставления земельных участков¹ позволяет выделить среди недостатков внедрения информационных технологий в названные области отсутствие у кандидата в правообладатели законодательно обеспеченной возможности получить достоверную и полную информацию о ходе начатой по его заявлению процедуры предоставления земельного участка (ввиду отсутствия у исполнителей такой обязанности). Соответственно, информацию гражданин может получить только в устной форме. Основанием для предоставления информации является письменное обращение, срок рассмотрения

¹О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 янв. 2023 г., № 32 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2024.

которого специальным законодательством не регламентирован, а согласно ст. 17 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З «Об обращениях граждан и юридических лиц», имеющего иную сферу правового регулирования, он может достигать одного месяца.

Кроме того, имеет значение объем доступной для граждан информации о земельных участках, которые могут быть использованы для индивидуального жилищного строительства. В частности, до обращения за предоставлением земельного участка для заявителя представляет интерес информация об истории объекта, спорах в отношении него, ограничениях (обременениях) прав на него, действующих градостроительных регламентах и иных требованиях, поэтому такие сведения должны быть общедоступными. Важность обозначенного вопроса обуславливает внимание белорусских ученых к проблематике информационного обеспечения в сфере природопользования [7, с. 189–206], одним из направлений которого является информирование всех заинтересованных лиц о свободных (незанятых) земельных участках (ст. 44 КоЗ). Несмотря на значимость этого направления, в его правовом регулировании сохраняется ряд недостатков.

В п. 6 Положения о порядке формирования перечней свободных (незанятых) земельных участков и перечней земельных участков для реализации инвестиционных проектов² указано, какую информацию необходимо включить в данные перечни. В силу п. 13 этого же положения такая информация должна быть полной, достоверной, открытой, доступной. Однако, по нашему мнению, приведенный в законодательстве объем публикуемой информации не обеспечивает достижения указанных целей.

Например, информация из перечней не позволяет кандидату в правообладатели самостоятельно определить местоположение тех земельных участков, которые не имеют кадастрового номера; узнать информацию об истории земельного участка, его подлежащих государственной регистрации изменениях, спорах в отношении него, перспективных градостроительных планах населенного пункта, в границах которого он расположен, допустимых параметрах застройки, особенностях использования земельного участка (например, для выяснения сведений о прохождении на местности коммуникаций). Изложенное указывает на необходимость совершенствовать порядок распространения информации о земельных участках путем отражения в соответствующих информационных системах более широкого перечня общедоступных сведений о них.

Среди гарантий, обеспечивающих доступность земельных участков для осуществления индивидуаль-

ного жилищного строительства, следует выделить необходимость определения в законодательстве компетентных субъектов, включая представительные органы, которые могли бы принимать законные и обоснованные решения в данной области, а также необходимость закрепления простых и понятных правил предоставления земельных участков, направленных на ускорение этого процесса. В частности, речь идет о том, что еще на этапе направления местным исполкомом поручения организации по землеустройству она вправе прекратить подготовку материалов предварительного согласования, создание проекта отвода земельного участка, работы по установлению границы земельного участка в случаях невозможности соблюдения требований законодательства об охране и использовании земель, законодательства в области архитектурной, градостроительной и строительной деятельности, а также градостроительных регламентов, природоохранных требований, санитарных, строительных и иных норм и правил при предоставлении и использовании земельного участка для заявленных целей (абзац 3 ч. 1, ч. 2 п. 13 Положения о порядке изъятия и предоставления земельных участков).

На наш взгляд, такое законодательное положение является необоснованным, так как принятие решений об изъятии и предоставлении земельных участков относится к исключительной компетенции, как правило, местных исполкомов. В связи с вышесказанным считаем правильным говорить о том, что в перечисленных случаях организация по землеустройству вправе приостановить работы по договору подряда до получения согласия на их продолжение от государственного органа, направившего поручение их выполнить, а также от кандидата в правообладатели земельного участка. Полагаем, что только при неполучении такого согласия договор подряда может быть расторгнут. В случае же его получения в итоговых материалах должна содержаться информация о выявленных нарушениях, которые будут оценены уполномоченным государственным органом при принятии решения об изъятии и предоставлении земельного участка либо решения об отказе в его предоставлении.

Обращаясь к вопросу об оперативности процесса отвода земельных участков и применения в нем информационных технологий, констатируем, что по действующему законодательству время для создания земельных участков и их предоставления не является ограниченным и составляет более 30 рабочих дней, а на практике может достигать нескольких месяцев, что обусловлено необходимостью подачи заявлений в письменном виде и личного присутствия граждан в некоторых случаях, а также движением документов и материалов между государственными

²О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 янв. 2023 г., № 32 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2024.

органами, организациями, требованием об их различных согласованиях. Вместе с тем обозначенная продолжительность рассматриваемой процедуры негативно влияет на общий срок и стоимость строительства индивидуальных жилых домов и инфраструктуры населенных пунктов, а при возмездном предоставлении государством земельных участков – на оперативность поступления денежных средств в бюджет.

Также отметим, что в ч. 3 п. 37 Положения о порядке изъятия и предоставления земельных участков установлено, что земельно-кадастровый план с нанесенной границей земельного участка дополнительно согласовывается организацией по землеустройству с рядом должностных лиц (руководителем (его заместителем) территориального органа Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь, руководителем территориального органа (подразделения) по чрезвычайным ситуациям, руководителем государственного органа (учреждения), осуществляющего государственный санитарный надзор), что в итоге влияет на срок предоставления земельных участков. В связи с этим фактом заслуживает внимания мнение ученых, которые отмечают, что «необходимо участие в выборе земельного участка компетентных государственных органов или органов местного самоуправления, которые располагают достоверными и полными сведениями о правовом положении земельного участка, а также о его положительных и отрицательных свойствах в качестве места для размещения именно данного объекта строительства» [8, с. 78]. Соглашаясь с такой точкой зрения, отметим, что требование о вышеуказанных согласованиях является обоснованным, но недостаточным для гарантирования беспрепятственного землепользования.

Чтобы обеспечить использование земельного участка без установления в дальнейшем в отношении него ограничений (обременений) прав в связи с прохождением каких-либо коммуникаций либо чтобы своевременно информировать кандидата в правообладатели земельного участка о таких ограничениях (обременениях) прав, правильно было бы согласовывать земельно-кадастровый план с энерго- и водоснабжающими организациями, в ведении которых находятся эти коммуникации. В то же время согласования должны ограничиваться конкретными разумными сроками, а движение документов и материалов между ними должно осуществляться в электронном виде.

Кроме того, порядок изъятия и предоставления земельного участка характеризуется дублированием некоторых полномочий. Например, согласно ч. 5 п. 33 Положения о порядке изъятия и предостав-

ления земельных участков организация по землеустройству согласовывает земельно-кадастровый план с территориальным подразделением архитектуры и градостроительства и структурным подразделением землеустройства. Далее из п. 34 этого же положения следует, что после установления границы земельного участка материалы об изъятии и предоставлении земельного участка, проект решения местного исполкома об изъятии и предоставлении земельного участка в течение двух рабочих дней со дня их оформления передаются на бумажном носителе организацией по землеустройству обратно в соответствующее структурное подразделение землеустройства, которое в течение пяти рабочих дней рассматривает их, при необходимости уточняет проект решения местного исполкома и вносит его исполкому с такими материалами для принятия решения.

Полагаем, что оптимальным является совмещение согласования земельно-кадастрового плана с структурным подразделением землеустройства и рассмотрения им материалов об изъятии и предоставлении земельного участка в одну процедуру, что позволит сократить общий срок образования земельного участка.

Так, формирование существующих автоматизированных информационных систем, действующих в области земельных отношений, должно осуществляться таким образом, чтобы они обеспечивали полноту, достоверность, открытость и доступность информации о земельных участках, что имеет практическое значение для принятия управленческих решений и является важным с точки зрения целесообразности инициирования землепользования. При этом для оперативности предоставления земельных участков предлагается более широкое применение информационных технологий в данном процессе.

Исследования в области гарантий прав граждан на стадии предоставления им земельных участков позволили выявить некоторые требующие совершенствования законодательные положения, относящиеся к механизмам возникновения землепользования, которые в КоЗ не систематизированы. В частности, к числу недостатков конкурса по выбору землепользователя дополнительного участка следует отнести определение оснований для его проведения и критериев, по которым выбирается его победитель.

Так, в п. 7 и 10 Положения о порядке проведения конкурса по выбору землепользователя дополнительного земельного участка³ указано, что критерии выбора могут определяться организатором конкурса по своему усмотрению, что вызывает вопросы, поскольку при таком подходе не исключены случаи

³О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 янв. 2023 г., № 32 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2024.

их установления для конкретного лица, а значит, имеются коррупционные риски.

Кроме того, в случае соответствия критериям двух и более участников конкурса выигравшим конкурс признается участник, подавший заявление раньше других (ч. 2 п. 19 вышеназванного положения). В такой ситуации возникает вопрос о целесообразности организации и проведения конкурса, так как оценка соответствия критериям и установление лица, подавшего заявление раньше других участников конкурса, могут быть осуществлены местным исполкомом без образования комиссии.

Исходя из обоснованности закрепления проведения конкурса в качестве механизма предоставления земельных участков, считаем правильным вести речь о расширении критериев, по которым должен определяться его победитель. При этом такие критерии должны максимально учитывать обстоятельства, связанные с личностью кандидата в правообладатели дополнительным земельным участком и членов его семьи (например, имущественное, семейное положение, жилищные условия, в том числе нуждаемость в улучшении жилищных условий, обоснование планируемого строительства, подтвержденное наличие денежных и иных ресурсов для его осуществления и т. д.).

Важным элементом землепользования для целей индивидуального жилищного строительства является наличие у землепользователей гарантий их прав при использовании земельных участков для указанной цели. Исходим из того, что названные нами субъекты неоправданно ограничены в способах защиты своих прав, основанных на принципах земельных отношений, так как в КоЗ недостаточно отражены диспозитивные начала, позволяющие более гибко регулировать отношения между землепользователями, в том числе смежными.

Так, некоторые исследователи пишут о том, что лицо, право на земельный участок которого было нарушено, само осуществляет выбор способа защиты права, предусмотренного законом, в соответствии с характером и видом нарушенного права, но если в законодательстве установлен определенный способ защиты, то применяется только он [9, с. 212]. Примером такой ситуации служит негаторный иск (ст. 285 и 286 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК)). В цивилистической науке отмечается, что содержанием негаторного требования выступают пресечение действий ответчика, которые создали для собственника помехи в осуществлении его прав, и запрещение их совершения в будущем [10, с. 834; 11 с. 152].

Как показывает практика, конфликтные ситуации между субъектами земельных отношений по поводу

препятствий в пользовании земельными участками весьма распространены. При этом указанные нарушения могут проявляться в самых различных формах: возведении капитального строения (сооружения), забора, высаживании насаждений и т. д. В ряде случаев предметом судебных споров выступают требования, основанные на несоответствиях нормам законодательства при расположении капитальных строений (сооружений), насаждений, ограждений, субъективных представлениях землепользователей об их правах, нарушениях фиксированных границ, допущенных в пределах установленной законодательством точности геодезических измерений. Вместе с тем в КоЗ нет специальной нормы, обеспечивающей защиту прав землепользователей от нарушений, не связанных с лишением владения земельными участками, в связи с чем при разрешении земельных споров применяются нормы ГК, основанного на иных принципах.

Ввиду изложенного в целях расширения возможностей землепользователей по оперативному разрешению земельных споров, возникающих при использовании земельных участков для индивидуального жилищного строительства, предлагаем применять установленный законодательством несудебный механизм восстановления фиксированных границ земельных участков, предусмотренный Инструкцией о порядке проведения работ по установлению (восстановлению), изменению границ земельных участков⁴, который дает возможность урегулировать разногласия по вопросам их местоположения.

Кроме того, для сокращения предъявления требований, обусловленных исключительно личными представлениями отдельных лиц о своих правах, КоЗ следует дополнить нормой, согласно которой субъект земельных отношений вправе требовать восстановления положения, существовавшего до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право или создающих реальную угрозу его нарушения. При этом считаем обоснованным вести речь о защите прав не только землепользователей, но и других лиц, которые фактически правомерно осуществляют землепользование (например, собственники квартир в блокированном жилом доме, размещенном на земельном участке, который предоставлен юридическому лицу, произведшему строительство этого жилого дома).

Актуальным в области индивидуального жилищного строительства остается вопрос о правах на капитальные строения, возведенные на чужом земельном участке. В частности, споры о правах на такие объекты возникают в случаях, когда после осуществления разрешенного собственником строительства застройщик

⁴Об утверждении инструкции о порядке проведения работ по установлению (восстановлению), изменению границ земельных участков [Электронный ресурс] : постановление Государств. ком. по имуществу, 23 дек. 2022 г., № 44 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». Минск, 2024.

лишается доступа к созданному для себя имуществу и возможности оформления своих прав (например, после истечения срока аренды земельного участка, на котором арендатор возвел капитальное строение). Судебной практике известны случаи передачи гражданами земельных участков другим лицам для строительства на них жилых домов с последующим признанием за ними права собственности на строительные материалы, из которых созданы объекты недвижимости⁵, что свидетельствует о существовании общественного запроса на урегулирование этих отношений. Отметим, что в науке нет единого мнения о субъекте права собственности на постройки, возведенные на чужом земельном участке, а в КоЗ нет специальной нормы, которая регулировала бы эти отношения.

Ввиду изложенного приходим к выводу о том, что в перспективе в КоЗ необходимо закрепить особые основания пользования собственником недвижимости земельным участком и такую форму использования земельных участков, как право застройки. Данные меры явились бы гарантией прав граждан при правомерном строительстве на чужом земельном участке, когда оно допустимо в силу законодательства или договора.

Среди гарантий прав землепользователей в области индивидуального жилищного строительства важное место занимают те из них, которые обеспечивают защиту от произвольного прекращения прав, в том числе путем изъятия земельных участков для государственных нужд. При таком изъятии земельных участков, предназначенных для индивидуального жилищного строительства, имеет место воздействие на права землепользователей в области земельных и жилищных отношений, поэтому существенное значение имеют вопросы, связанные с определением объекта изъятия, способами обеспечения прав указанных лиц, в том числе посредством справедливой и полной компенсации.

Согласно ст. 88 КоЗ при изъятии земельных участков для государственных нужд предусмотрены следующие гарантии прав землепользователей: возмещение убытков; выкуп земельных участков, находящихся в частной собственности, по их кадастровой стоимости на дату выкупа; возмещение собственнику стоимости приобретенного по результатам аукциона земельного участка с учетом инфляции в размере, не превышающем его кадастровую стоимость на дату выкупа. В качестве дополнительной гарантии, помимо возмещения убытков, предполагается предоставление землепользователям равноценных земельных участков взамен изымаемых⁶, что зависит от местных условий и особенностей, волеизъявления указанных лиц.

Приведенные положения являются важной гарантией прав землепользователей при осуществлении индивидуального жилищного строительства, но они не охватывают некоторые иные распространенные ситуации. Например, буквальное толкование ст. 88 КоЗ не позволяет изымать для государственных нужд часть земельного участка, в то время как не всегда имеется необходимость в изъятии его целиком. Данное обстоятельство может повлечь дополнительные затраты государства и негативные последствия для землепользователей.

В отношении такой ситуации можно обозначить еще одну проблему, которая вытекает из возможности использования чужого земельного участка без его изъятия для строительства подземных линейных сооружений, осуществляемого в срок до 1,5 года (п. 4 ст. 58 КоЗ), в том числе для государственных нужд. Несмотря на то что в этом случае производится возмещение убытков землепользователя, КоЗ никак не учитывает то обстоятельство, что само по себе выполнение на земельном участке, принадлежащем конкретному лицу, строительных работ на протяжении срока до 1,5 года может создать для него серьезные неудобства и препятствия в осуществлении его правомочий (например, в виде невозможности строительства и реконструкции жилого дома и т. д.). Кроме того, так как линейные сооружения требуют технического обслуживания и при необходимости ремонта, возникает вопрос о порядке проведения таких работ, поскольку п. 4 ст. 58 КоЗ предусматривает только одну возможную цель использования земельного участка – строительство подземных линейных сооружений.

Таким образом, для полноценного обеспечения прав землепользователей, в том числе осуществляющих индивидуальное жилищное строительство, представляется целесообразным закрепить в ст. 88 КоЗ возможность изъятия для государственных нужд части земельного участка.

Проблемный вопрос заключается и в том, что кадастровая оценка не во всех случаях отражает действительную (рыночную) стоимость изымаемого земельного участка, которая формируется на основании спроса и предложения на рынке земли, а также зависит от наличия на ней размещенных объектов недвижимости. Помимо этого, при оценке равноценности земельных участков не учитываются иные заслуживающие внимания обстоятельства, связанные с конкретным землепользователем (например, семейное, имущественное положение, состояние здоровья, место работы, место учебы несовершеннолетних детей и др.), на что обращает внимание И. С. Шахрай⁷.

⁵Гражданское дело № 115ГИП20830/А/П/Н/А/НП/ВСНП-СК // Арх. Суда Минского р-на за 2020 г.

⁶Согласно п. 1.46 ст. 1 КоЗ под равноценным законодатель понимает земельный участок, предоставляемый землепользователю взамен изымаемого, кадастровая стоимость которого равна кадастровой стоимости изымаемого земельного участка.

⁷Шахрай И. С. Способы защиты прав землепользователей [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр». Минск, 2023.

В КоЗ закреплён формальный подход к определению равноценности земельных участков, который не в полной мере отвечает требованиям справедливости, поскольку не позволяет правоприменителю учитывать совокупность факторов, имеющих существенное значение для землепользователя. В ряде случаев изъятие земельных участков для государственных нужд осуществляется в условиях сложившейся застройки, а значит, даже при пол-

ной имущественной компенсации не исключено, что интерес к этим участкам у землепользователей сохраняется. В то же время механизм возврата земельного участка (его части) в КоЗ отсутствует. По нашему мнению, наличие такой дополнительной гарантии при соблюдении определенных условий в большей степени способствовало бы защите интересов землепользователей, позволяя регулировать их более гибко.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Выявление юридически значимых характеристик объектов «длящихся земельных правоотношений» [12, с. 666–667] по использованию земельных участков для строительства и обслуживания многоквартирных, блокированных жилых домов, квартир в блокированных жилых домах может быть обеспечено посредством научного обоснования и законодательного закрепления понятия «индивидуальное жилищное строительство», что повлечет следующие положительные изменения:

- отграничение названных целей использования земельных участков от их использования для строительства и обслуживания иных объектов, предназначенных для постоянного проживания граждан (многоквартирных жилых домов), и конкретизацию субъектного состава и содержания правоотношений, связанных с использованием земельных участков для индивидуального жилищного строительства;

- соблюдение баланса публичных и частных интересов на основе согласованного регулирования правоотношений различными отраслями законодательства;

- формулирование законодательного определения понятия целевого назначения земельных участков, предоставленных для строительства, обслуживания и содержания жилых домов, блокированных жилых домов, квартир в блокированных жилых домах.

Под индивидуальным жилищным строительством как особым видом землепользования предлагается понимать деятельность на земельных участках в пределах населенных пунктов, осуществляемую в интересах землепользователей с соблюдением законодательства об охране окружающей среды, охране и использовании земель, архитектурной, градостроительной и строительной деятельности по строительству многоквартирных, блокированных жилых домов, квартир в блокированных жилых домах, их обслуживанию и содержанию.

Требуется совершенствование и закрепление новых гарантий прав субъектов правоотношений по использованию земельных участков для индивидуального жилищного строительства на всех этапах существования таких правоотношений, начиная с предоставления земельного участка, в рамках которого

важно обеспечить полное определение условий использования земельных участков для названной цели, и заканчивая его изъятием или иным прекращением права. Условием создания целостной и эффективной системы гарантий служит учет следующих ключевых характерных черт рассматриваемого вида землепользования:

- внутреннего единства целевого назначения земельных участков и назначения расположенных на них капитальных строений, обеспечиваемого путем экологизации законодательства, согласования правового регулирования градостроительного планирования и землеустройства;

- длящегося характера соответствующих земельных правоотношений и стадий, на которой применимы те или иные гарантии;

- специфики объекта правоотношений (земельных участков, их частей, предназначенных и (или) используемых для индивидуального жилищного строительства);

- особенностей субъектного состава землепользователей, в который могут входить граждане независимо от гражданства и юридические лица (последние, как правило, осуществляют индивидуальное жилищное строительство в качестве вида предпринимательской деятельности, в связи с чем выступают землепользователями лишь до перехода прав на соответствующие земельные участки гражданам, а значит, правовой статус юридических лиц в таких правоотношениях не отражает специфику содержания последних);

- механизмов возникновения прав на земельные участки у конкретных лиц, а также законодательного обеспечения распространения гарантий на таких субъектов правоотношений по использованию земельных участков для индивидуального жилищного строительства, как землепользователи, включая смежных землепользователей, лица, правомерно использующие земельные участки, кандидаты в правообладатели земельными участками;

- необходимости обеспечения интересов смежных землепользователей при использовании земельных участков для рассматриваемой цели, в том числе путем закрепления в КоЗ института прав землепользователей смежных земельных участков).

3. На этапе предоставления земельных участков предлагаются следующие изменения, гарантирующие

принятие решений исключительно уполномоченными субъектами, доступность и полноту информации о земельных участках, закрепление справедливых и понятных механизмов их предоставления в разумные сроки:

- расширение полномочий представительных органов по предоставлению земельных участков, предназначенных для индивидуального жилищного строительства, и участие общественности в этом процессе;
- закрепление в Положении о порядке изъятия и предоставления земельных участков нормы о том, что организация по землеустройству вправе приостановить работы по договору подряда до получения согласия на их продолжение от государственного органа, выдавшего поручение на их выполнение, а также от лица, заинтересованного в предоставлении земельного участка (договор подряда может быть расторгнут только в случае неполучения согласия)⁸; альтернативной возможности подачи заявлений в электронном виде в рамках всех предусмотренных законодательством процедур предоставления земельных участков (о предоставлении земельного участка в административном порядке, участии в аукционе, конкурсе, публичных торгах); общего порядка и срока направления государственными органами и организациями в процессе выполнения землеустроительных работ, отвода всех документов и материалов в порядке информационного взаимодействия в электронном виде в срок, не превышающий двух рабочих дней; нормы о праве ограниченного доступа кандидата в правообладатели земельным участком к системе информационного взаимодействия для получения информации о ходе процедуры изъятия и предоставления земельного участка, в отношении которого им подано заявление о предоставлении, и земельных участков, подлежащих включению в перечень свободных (незанятых) земельных участков;
- закрепление в Положении о порядке формирования перечней свободных (незанятых) земельных участков и перечней земельных участков для реализации инвестиционных проектов⁹ нормы о том, что публичная кадастровая карта, земельно-информационная система Республики Беларусь или государственная информационная система «Единый реестр имущества» должны содержать общедоступные сведения в отношении земельных участков, включенных в перечни свободных (незанятых) земельных участков (с учетом требований законодательства о защите персональных данных), о месте нахождения (адресе),

общей (ориентировочной) площади, кадастровом номере (при наличии), целевом назначении и назначении в соответствии с единой классификацией назначения объектов недвижимого имущества, ограничении (обременении) прав в использовании, в том числе об установлении земельного сервитута и его границах, возможном виде права, а также информацию об обеспеченности земельного участка инженерной и транспортной инфраструктурой, сведения об истории объекта, в том числе о государственной регистрации изменений, спорах в отношении него (с указанием предмета спора, даты возникновения и разрешения, наименования государственного органа, который рассмотрел или рассматривает земельный спор, результата рассмотрения), перспективных градостроительных планах в отношении населенного пункта, в котором расположен земельный участок (путем указания решений уполномоченных государственных органов), действующих на соответствующей территории градостроительных регламентах, нормах в области охраны окружающей среды;

- внесение в Положение о порядке проведения конкурса по выбору землепользователя дополнительного земельного участка¹⁰ изменений, касающихся расширения критериев для граждан – участников конкурса, по которым выбирается его победитель, и отнесения к их числу вида права, целевого назначения, площади используемого земельного участка, состава семьи кандидата в правообладатели, сведений о личности каждого члена его семьи (многодетность, наличие инвалидности или иных тяжелых заболеваний), жилищных условий (наличие в собственности недвижимого имущества, состоянии на учете нуждающихся в улучшении жилищных условий, сведений о месте регистрации и месте фактического проживания), обоснования планируемого строительства капитальных строений (зданий, сооружений) и подтвержденного наличия денежных и иных ресурсов для его осуществления, количества сельскохозяйственных животных, находящихся в личных подсобных хозяйствах, иных критериев, определенных организатором конкурса, относящихся исключительно к обоснованию увеличения землепользования, а также изменений, касающихся установления положения о том, что участником, выигравшим конкурс, признается тот, кто соответствует большему числу критериев, по которым выбирается победитель конкурса, а в случае соответствия одинаковому числу критериев двух и более участников конкурса

⁸В случае получения согласия в итоговых материалах должна содержаться информация о выявленных нарушениях требований законодательства, а также градостроительных регламентов, природоохранных требований, санитарных, строительных и иных норм и правил при предоставлении и (или) использовании земельного участка для заявленных целей, которая должна оцениваться при принятии решения об изъятии и предоставлении земельного участка или об отказе в его предоставлении.

⁹О мерах по реализации Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов» [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 13 янв. 2023 г., № 32 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр». Минск, 2024.

¹⁰Там же.

победителя определяет комиссия с обязательным указанием в протоколе результатов проведения конкурса причин принятого решения.

4. На этапе использования земельных участков для индивидуального жилищного строительства в целях сбалансированного обеспечения прав субъектов земельных отношений предлагаем принять следующие меры:

- закрепить в КоЗ норму о защите прав от нарушений, не связанных с лишением владения, которая должна содержать положения о том, что защита прав субъектов земельных отношений от указанных нарушений реализуется путем восстановления положения, существовавшего до нарушения права, пресечения действий, нарушающих право или создающих реальную угрозу его нарушения, о том, что разногласия между землепользователями по вопросам местоположения фиксированных границ земельных участков подлежат разрешению путем восстановления границ в порядке, установленном законодательством, а также положений о том, что несоответствие границы и (или) размера земельного участка правоустанавливающим (правоудостоверяющим) документам и случаи, предусмотренные ст. 56 КоЗ, не являются нарушением, если такое расхождение не превышает регламентированной законодательством точности геодезических измерений. При этом указанные разногласия подлежат разрешению путем принятия местным исполкомом решения об изменении границ земельных участков по фактическому пользованию независимо от вида прав на земельный участок;

- закрепить в КоЗ такие формы использования земельных участков, как право пользования земельным участком собственником недвижимости и право застройки, которые необходимы для регулирова-

ния отношений по использованию чужих земельных участков для строительства.

5. В целях обеспечения права граждан на справедливую и полную компенсацию, а также всестороннего учета их интересов при изъятии используемых для индивидуального жилищного строительства земельных участков предлагаем предпринять следующие шаги:

- изменить закрепленное в КоЗ определение понятия «равноценный земельный участок», под которым следует понимать земельный участок с равной кадастровой стоимостью, предоставляемый землепользователю взамен изымаемого земельного участка, расположение, конфигурация, особенности местности которого наиболее соответствуют аналогичным характеристикам изымаемого земельного участка (если об этом условии заявил землепользователь);

- закрепить в КоЗ возможность изъятия для государственных нужд части земельного участка и возврата изъятых объектов, если изменившиеся обстоятельства позволили обеспечить государственные нужды иным образом, и необходимость в изъятии имущества отпала; если указанные обстоятельства наступили в пределах пяти лет со дня принятия решения об изъятии земельного участка (его части) для государственных нужд; если лицо, у которого изъят земельный участок (его часть), находившийся в частной собственности, выплатило стоимость этого имущества в размере полученной при изъятии суммы с учетом ее индексации на день оплаты; если землепользователь выразил согласие на возврат имущества, полученного взамен изымаемого, без компенсации за произведенные в нем улучшения; если землепользователь возвратил полученную им сумму убытков с учетом ее индексации на день оплаты.

Библиографические ссылки

1. Саскевич ВВ. Юридические гарантии прав землепользователей. В: Ермоленка ВМ, редактор. *Сучасні проблеми аграрного і природоресурсного права. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції, 30–31 жовтня 2009 р.; Київ, Україна*. Київ: ІРЦІУМ; 2009. с. 199–202.
2. Шингель НА. *Земельное право*. Минск: Літаратура і мастацтва; 2009. 116 с.
3. Хотько ОА. *Проблемы реализации прав землепользователей*. Минск: Белорусский национальный технический университет; 2017. 258 с.
4. Красуцкий ГВ. Правовое понятие и содержание целевого назначения земельных участков для жилищного строительства. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки*. 2020; 14:148–151.
5. Красуцкий ГВ. Некоторые проблемы правового регулирования отношений по предоставлению и использованию земельных участков для жилищного строительства. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2024;1:76–86. EDN: EUCXOZ.
6. Чуприс ОИ. Приветственное слово. В: Мательский АФ, редактор. *Информационные технологии и право: правовая информатизация – 2021. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, 28 октября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: НЦПИ; 2021. с. 3–6.
7. Шахрай ИС. *Проблемы реализации субъективного права природопользования*. Минск: БГУ; 2022. 291 с.
8. Оглоблина ОМ, Тихомирова ЛВ, Тихомиров МЮ. *Земельные участки: основания и порядок приобретения*. Москва: Тихомиров М. Ю.; 2007. 156 с.
9. Болтанова ЕС. *Земельное право*. Москва: Издательский центр РИОР; 2015. 442 с.
10. Каравай АВ, Лаевская ЕВ, Мороз ОВ, Романенко ВА, Романович АН, Салей ЕА и др. *Гражданское право. Том 1*. Чигир ВФ, редактор. Минск: Амалфея; 2008. 864 с.

11. Чигир ВФ, редактор. *Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Белорусской ССР*. Минск: Беларусь; 1991. 528 с.

12. Шахрай ИС, Шингель НА. Проблемы правового регулирования делящихся земельных отношений в условиях обновления земельного законодательства. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Сборник научных трудов. Выпуск 18*. Минск: Колорград; 2023. с. 666–677.

References

1. Saskevich VV. [Legal guarantees of land users' rights]. In: Ermolenka VM, editor. *Suchasni problemy agrarnogo i pryrodosursnogo prava. Materyaly Mizhnarodnoi naukovo-praktychnoi konferencii; 30–31 zhovtnja 2009 r.; Kyi'v, Ukraina* [Modern problems of agrarian and natural resources law. Proceedings of International scientific and practical conference; 2009 October 30–31; Kyiv, Ukraine]. Kyiv: IRIDIUM; 2009. p. 199–202. Ukrainian.

2. Shingel NA. *Zemel'noe pravo* [Land law]. Minsk: Litaratura i mastactva; 2009. 116 p. Russian.

3. Khot'ko OA. *Problemy realizatsii prav zemlepol'zovatelei* [Problems of realisation of the rights of land users]. Minsk: Belarusian National Technical University; 2017. 258 p. Russian.

4. Krasutskii GV. The legal concept and content of the intended purpose of land plots for housing construction. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D, Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2020;14:148–151. Russian.

5. Krasutski HV. Some problems of legal regulation of relations on the provision and use of land plots for housing construction. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2024;1:76–86. Russian. EDN: EUCXOZ.

6. Chupris OI. [Welcome speech]. In: Matel'skii AF, editor. *Informatsionnye tekhnologii i pravo: pravovaya informatizatsiya – 2021. Sbornik materialov VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 28 oktyabrya 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Informational technologies and law: legal informatisation – 2021. Proceedings of 7th International scientific and practical conference; 2021 October 28; Minsk, Belarus]. Minsk: National Centre of Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus; 2021. p. 3–6. Russian.

7. Shakhrai IS. *Problemy realizatsii sub'ktivnogo prava prirodopol'zovaniya* [Problems of realisation of the subjective right of environmental management]. Minsk: Belarusian State University; 2022. 291 p. Russian.

8. Ogloblina OM, Tikhomirova LV, Tikhomirov MYu. *Zemel'nye uchastki: osnovaniya i poryadok priobreteniya* [Land plots: grounds and procedure for acquisition]. Moscow: Tikhomirov M. Yu.; 2007. 156 p. Russian.

9. Boltanova ES. *Zemel'noe pravo* [Land law]. Moscow: Izdatel'skii centr RIOR; 2015. 442 p. Russian.

10. Karavai AV, Laevskaya EV, Moroz OV, Romanenko VA, Romanovich AN, Saley EA, et al. *Grazhdanskoe pravo. Tom 1* [Civil law. Volume 1]. Chigir VF, editor. Minsk: Amalfeya; 2008. 864 p. Russian.

11. Chigir VF, editor. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Belorusskoi SSR* [Scientific and practical commentary on the Civil Code of the Belarusian SSR]. Minsk: Belarus'; 1991. 528 p. Russian.

12. Shakhrai IS, Shingel NA. [Problems of legal regulation of ongoing land relations in the context of updating land legislation]. In: Karpovich NA, editor. *Pravo v sovremenom belorusskom obshchestve. Sbornik nauchnykh trudov. Vypusk 18* [Law in modern Belarusian society. Collection of scientific papers. Issue 18]. Minsk: Kolorgrad; 2023. p. 666–677. Russian.

Статья поступила в редколлегию 13.10.2024.
Received by editorial board 13.10.2024.

УДК 349.42(476)

РОЛЬ АГРАРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И. П. КУЗЬМИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются нормы аграрного законодательства в сфере обеспечения ветеринарной и фитосанитарной безопасности с учетом содержания новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Поднимается проблема отсутствия терминологического единства в части законодательного закрепления таких понятий, как «ветеринарная безопасность» и «фитосанитарная безопасность», обращается внимание на необходимость внедрения комплексного рискориентированного подхода при проведении ветеринарных и фитосанитарных мероприятий. Подчеркивается значимость реализации на практике принципа гласности и получения доступа к информации об эпизоотическом и фитосанитарном состоянии территории страны как важной гарантии в системе обеспечения национальной безопасности государства.

Ключевые слова: аграрное законодательство; биологическая безопасность; ветеринарная безопасность; ветеринарная деятельность; карантин и защита растений; национальная безопасность; сельское хозяйство; фитосанитарная безопасность.

THE ROLE OF AGRARIAN LEGISLATION IN NATIONAL SECURITY ENSURING OF THE REPUBLIC OF BELARUS

I. P. KUZMICH^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article analyses the norms of agrarian legislation in the sphere of veterinary and phytosanitary security taking into account the content of the new National security concept of the Republic of Belarus. The study raises the problem of the lack of terminological unity in terms of legislative consolidation of such concepts as veterinary and phytosanitary security, draws attention to the need to introduce a comprehensive risk-oriented approach in the implementation of veterinary and phytosanitary measures, emphasises the importance of implementing in practice the principle of transparency and access to information on the epizootic and phytosanitary condition of the country's territory as an important guarantee in the system of ensuring national security.

Keywords: agrarian legislation; biological security; veterinary security; veterinary activity; quarantine and plant protection; national security; agriculture; phytosanitary security.

Образец цитирования:

Кузьмич ИП. Роль аграрного законодательства в обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:83–90.
EDN: JLBAOQ

For citation:

Kuzmich IP. The role of agrarian legislation in national security ensuring of the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:83–90. Russian.
EDN: JLBAOQ

Автор:

Ирина Петровна Кузьмич – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Author:

Iryna P. Kuzmich, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
i.kuzmich@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5101-5902>

Введение

Решением Всебелорусского народного собрания 24 апреля 2024 г. была утверждена новая Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. В соответствии с данной концепцией под национальной безопасностью понимается состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее ее устойчивое развитие. Анализ содержания положений данного документа позволяет нам сделать вывод о том, что аграрное законодательство существенно влияет на правовое обеспечение в первую очередь экономической безопасности. Сельское хозяйство – одна из базовых отраслей экономики, основа развития агропромышленного комплекса (АПК). В рамках АПК республики формируется около 7 % ВВП страны, почти 25 % экспортной выручки, также в нем созданы рабочие места для 250 тыс. чел.¹

Значимость аграрного законодательства обусловлена не только созданием необходимых правовых условий для функционирования экспортоориентированной и конкурентоспособной аграрной экономики, но и для обеспечения продовольственной безопасности и независимости государства. В соответствии с утвержденной Доктриной национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь², стратегической целью национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 г. является повышение уровня доступности качественного продовольствия для полноценного питания и здорового образа жизни и обеспечение им населения на основе устойчивого развития конкурентоспособного аграрного производства. Факт достижения Беларусью на данный момент уровня самообеспечения по основным группам продовольствия свыше 100 % свидетельствует об эффектив-

ности государственной аграрной политики и, как следствие, аграрного законодательства³.

Однако потенциал аграрного законодательства не исчерпывается исключительно экономической сферой. С 2022 г. начался процесс формирования на концептуально новом уровне национальной системы обеспечения биологической безопасности в связи с осознанием угроз, обусловленных активным развитием биотехнологий, а также возрастанием рисков возникновения и распространения патогенных биологических агентов. Чтобы предотвращать чрезвычайные ситуации и управлять рисками, Концепцией национальной системы обеспечения биологической безопасности определены национальные интересы, принципы и стратегические направления обеспечения биологической безопасности, включая биологическую безопасность животных и растений, предусмотрен мониторинг биологических рисков и формирование государственной информационной системы в данной сфере⁴. В целом биологическая безопасность характеризуется как состояние защищенности населения, животных и растений, окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, при котором обеспечивается допустимый уровень биологического риска⁵. В данном контексте аграрное законодательство во многом приобретает первостепенное значение, поскольку к основным национальным интересам в биологической сфере относятся предотвращение недопустимых потерь сельскохозяйственных животных и растений от различных болезней и вредителей, а также обеспечение соответствия продовольствия и растительной продукции национальным и международным ветеринарно-санитарным и фитосанитарным требованиям.

Основная часть

В последнее время все больше внимания уделяется проблемам правового обеспечения биологической безопасности [1–7]. Построение эффективной и надежной национальной системы биобезопасности стало актуальным для многих государств в связи с реальной возможностью возникновения разнообразных, не всегда предсказуемых опасных и чрезвычайных биологических ситуаций [8–13]. По-

вышение уровня биологической защиты населения и территории требует создания эффективной правовой основы. Фрагментарно данный процесс начал происходить в Беларуси еще в конце 1990-х гг. преимущественно в рамках реализации положений Конвенции о биологическом разнообразии. В 1998 г. был создан Национальный координационный центр биобезопасности⁶. Спустя почти десятилетие вступил

¹На мировом рынке продовольствия складывается сложная ситуация. Обсудили с экономистом [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/gde-dorozhaet-lozhka-k-obedu.html> (дата обращения: 20.09.2024).

²О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 дек. 2017 г., № 962 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

³Каких успехов добилась Беларусь в вопросе продовольственной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/svoe-karavay-vsegda-v-tsene.html> (дата обращения: 15.09.2024).

⁴О Концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 марта 2022 г., № 161 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

⁵Там же.

⁶О создании Национального координационного центра биобезопасности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 июня 1998 г., № 963 // Там же.

в силу Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 96-З «О безопасности генно-инженерной деятельности». Важными этапами в формировании полноценной правовой основы, учитывающей биологические риски во всем их разнообразии, стали утверждение правительством в 2022 г. Концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности и обозначение основных национальных интересов в биологической сфере в новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь⁷.

Среди актов аграрного законодательства ключевое значение в обозначенном контексте приобретают нормы таких документов, как Закон от 25 декабря 2005 г. № 77-З «О карантине и защите растений» (далее – Закон «О карантине и защите растений») и Закон от 2 июля 2010 г. № 161-З «О ветеринарной деятельности» (далее – Закон «О ветеринарной деятельности»). Именно в указанных нормативных правовых актах речь идет о борьбе с особо опасными вредными организмами и возбудителями различных болезней животных, закреплении системы мер по охране растений и растительной продукции от карантинных объектов, защите территории Республики Беларусь от рисков, возникающих при проникновении и (или) распространении карантинных объектов, предотвращении возникновения и распространения болезней животных, болезней, передаваемых человеку через животных, продукты животного происхождения, вредного влияния факторов окружающей среды на здоровье животных.

Однако в названных законах не только не прослеживается терминологическое единство в части использования таких дефиниций, как «ветеринарная безопасность» и «фитосанитарная безопасность», не учитывается необходимость установления взаимосвязи с понятием «биологическая безопасность», но и отсутствует законодательное оформление целостной и комплексной системы оценки рисков в обозначенной сфере.

Так, в Законе «О ветеринарной деятельности» термин «безопасность» используется исключительно в контексте обеспечения безопасности в ветеринарно-санитарном отношении продуктов животного происхождения, кормов и кормовых добавок, а также продуктов растительного происхождения при их реализации на рынках. В указанном законе не используется понятие «ветеринарная безопасность» в качестве самостоятельной и значимой правовой категории, как и не прослеживается взаимосвязь норм ветеринарного законодательства со сферой обеспечения биологической безопасности. Не упоминается о ветеринарной безопасности, биологической безопасности, применении системы оценки рисков и в нормативных правовых актах, определяющих правовое

положение Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь и Департамента ветеринарного и продовольственного надзора.

Основная концепция Закона «О ветеринарной деятельности» нацелена на обеспечение ветеринарного благополучия, что, по нашему мнению, несомненно важно, но обеспечение ветеринарного благополучия не является равнозначным понятию «ветеринарная безопасность», поскольку не предполагает применения всей совокупности инструментария, используемого для обеспечения безопасности, включая обязательное применение системы оценки и управления рисками. Ветеринарное благополучие включает условия содержания, выращивания, разведения, перемещения, реализации, убоя животных, производства, заготовки, хранения, переработки, перемещения, реализации продуктов животного происхождения, при которых обеспечивается предотвращение возникновения и (или) распространения болезней животных, болезней, передаваемых человеку через животных, продукты животного происхождения, а также предотвращение вредного влияния факторов окружающей среды на здоровье животных, в том числе на их продуктивность. Поддержание состояния ветеринарного благополучия – это скорее один из основных способов обеспечения ветеринарной безопасности. Он не учитывает и не отражает всего разнообразия рисков и угроз, как чисто ветеринарного, так и биологического происхождения, порождаемых данной сферой общественных отношений. Смещение основных акцентов в рамках ветеринарного законодательства в сторону обеспечения безопасности будет способствовать повышению уровня защиты государства, поскольку позволит более эффективно внедрять рискориентированные подходы при принятии решений и выборе ветеринарных мер.

Проблемы создания полноценной нормативной правовой основы по наблюдению за рисками, их анализу, управлению ими в рамках осуществления ветеринарной деятельности давно обсуждаются специалистами в области ветеринарии [2; 11; 12]. При этом особо подчеркивается потребность в формировании определенной институциональной структуры и информационном взаимодействии между различными подразделениями для обеспечения реализации указанных процессов. Например, в России в целях проведения полноценного анализа риска распространения инфекционных заболеваний животных, в том числе заноса инфекций из-за рубежа, всесторонней оценки эпизоотической ситуации на собственной территории и в других странах, а также составления прогнозов ее изменения Федеральным центром охраны здоровья животных был создан информационно-аналитический центр⁸, результаты работы которого ложатся в основу принятия

⁷ Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024 г., № 5161 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

⁸ Информационно-аналитический центр [Электронный ресурс]. URL: <https://www.arriah.ru/main/structure/informatsionno-analiticheskiy-tsentr-upravleniya-vetnadzora/> (дата обращения: 10.09.2024).

Россельхознадзором ключевых решений по проведению экспортно-импортных и транзитных операций, инспекций перерабатывающих предприятий. Также обобщением информации по эпизоотической и ветеринарно-санитарной обстановке занимается отдел анализа принципов эквивалентности при экспорте животных и животноводческой продукции Всероссийского государственного центра качества и стандартизации лекарственных средств для животных и кормов». В структуре Россельхознадзора есть отдел организации обеспечения ветеринарной безопасности⁹.

В Европе одним из ведущих научных центров в сфере безопасности пищевых продуктов, кормов, средств защиты растений, охраны здоровья животных и человека является Федеральный институт оценки рисков Германии¹⁰. Национальный институт оценки риска продовольствия и ветеринарии создан в Литве¹¹. Свой Центр оценки рисков имеет и Болгарское агентство по безопасности пищевых продуктов¹², что позволяет проводить независимую научную оценку рисков, связанных с безопасностью продовольствия, здоровьем и надлежащим содержанием животных, а также пищевыми и кормовыми добавками.

В рамках права Евразийского экономического союза предусмотрено, что применяемые государствами-членами ветеринарно-санитарные и фитосанитарные меры должны обязательно основываться на соответствующей оценке рисков для жизни или здоровья человека, животного или растения с учетом методик оценки риска, разработанных международными организациями, включая комиссию «Кодекс Алиментариус», Всемирную организацию здравоохранения животных, а также соответствующими международными и региональными организациями, действующими в рамках Международной конвенции по карантину и защите растений¹³.

В Республике Беларусь рискориентированный подход начал частично реализовываться в целях совершенствования контрольно-надзорной деятельности. Он имеет весьма узконаправленный характер¹⁴. В данном случае речь идет об использо-

вании критериев оценки степени риска для отбора проверяемых субъектов при проведении выборочной проверки в соответствии с Указом Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь». При этом в Перечне контролируемых (надзорных) органов, уполномоченных проводить проверки, и сфер их контрольной (надзорной) деятельности сфера Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь представлена только такими направлениями, как государственный надзор за племенным делом, надзор в области семеноводства, карантина и защиты сельскохозяйственных растений. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в ветеринарной сфере применение такой формы государственного контроля (надзора), как выборочная и внеплановая проверки со стороны Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, не предусмотрена. С учетом вышесказанного вызывает большие сомнения использование на практике утвержденных в свое время критериев оценки степени риска деятельности в области ветеринарно-санитарной безопасности¹⁵. В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 ноября 2012 г. № 1105 «Об утверждении перечня мероприятий технического (технологического, поверочного) характера» органами государственной ветеринарной службы проводятся лишь мероприятия технического (технологического, поверочного) характера. Они имеют предупредительно-профилактическую направленность, однако в случае выявления нарушений законодательства, создающих угрозу национальной безопасности, причинения вреда жизни и здоровью населения, окружающей среде, предусматривают в том числе право контролируемых (надзорных) органов выносить предписание о приостановлении (запрете) производства и (или) реализации товаров (работ, услуг), эксплуатации транспортных средств до устранения нарушений. В то же время порядок проведения мероприятий технического (технологического, поверочного) характера¹⁶ не базируется

⁹Центральный аппарат Россельхознадзора [Электронный ресурс]. URL: <https://fsvps.gov.ru/management-cat/centralnyj-apparat-gosselhoznadzo/> (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁰Восьмая летняя школа Федерального института оценки рисков Германии (BfR) [Электронный ресурс]. URL: https://rspch.by/ru/8_sum_school_2019 (дата обращения: 15.09.2024).

¹¹Альманах ЕС по безопасности продуктов питания. С. 58 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfr.bund.de/cm/364/eu-food-safety-almanac-russian.pdf> (дата обращения: 15.09.2024)

¹²Там же. С. 20.

¹³Об эквивалентности санитарных, ветеринарно-санитарных и фитосанитарных мер и о проведении оценки риска [Электронный ресурс] : решение Комиссии Тамож. союза, 18 окт. 2011 г., № 835 // Эталон – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

¹⁴О методике формирования системы оценки степени риска [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 22 янв. 2018 г., № 43 // Там же.

¹⁵Об утверждении критериев оценки степени риска для отбора проверяемых субъектов при проведении выборочных проверок [Электронный ресурс] : приказ Министерства сельск. хозяйства и продовольствия Респ. Беларусь, 20 февр. 2018 г., № 60 // Там же.

¹⁶О мероприятиях технического (технологического, поверочного) характера [Электронный ресурс] : постановление Министерства сельского хозяйства и продовольствия Респ. Беларусь, 16 сент. 2020 г., № 40 // Там же.

на применении системы оценки рисков, а сама периодичность осуществления таких мероприятий в большинстве случаев определяется по усмотрению органов государственного ветеринарного контроля (надзора).

Помимо обозначенного направления, связанного с контрольно-надзорной деятельностью, внедрение комплексного рискориентированного подхода играет важную роль в развитии международной торговли, выступая наиболее эффективным методом обеспечения ветеринарной, фитосанитарной и биологической безопасности. При этом затрагивается широкий круг различных видов правоотношений, поскольку государство в процессе оценки рисков должно учитывать наличие доступных научных данных, методов производства и переработки, проведение инспекций, методики отбора проб и испытаний, распространение отдельных видов болезней и вредителей, существование зон, свободных от вредителей или болезней, наличие соответствующих экологических условий, условий окружающей среды, возможность карантина и других видов обработки, а также возможность влияния экономических факторов: потенциальный ущерб от снижения объема производства или продаж в случае проникновения, укоренения или распространения какого-либо вредителя или заболевания, расходы по борьбе с ними или расходы на их искоренение на территории государств-членов, относительное соотношение затрат и эффективности альтернативных подходов к ограничению рисков. Такой всесторонний подход позволяет получать достоверную информацию, объективно оценивать риски, управляя ими на основе принятия своевременных решений по применению соответствующих ветеринарных и фитосанитарных мер.

Следует отметить, что в Законе «О ветеринарной деятельности» закреплены определенные процедуры и механизмы, позволяющие отслеживать ветеринарное благополучие животных и территорий, а значит, получать информацию для оценки рисков и угроз. В частности, в области ветеринарии предусмотрено проведение мониторинга, в том числе в целях изучения эпизоотической ситуации, а также законодательно определен механизм регионализации. Мониторинг в области ветеринарии представляет собой комплекс мероприятий, проводимых в соответствии с законодательством в области ветеринарной деятельности посредством применения системы наблюдений, анализа реализации ветеринарных мероприятий, изучения и прогноза эпизоотической ситуации без применения полномочий, предоставленных контролирующим (надзорным) органом. В соответствии со ст. 19 Закона «О ветеринарной деятельности» одной из целей проведения

мониторинга является изучение эпизоотической ситуации. Согласно ст. 20 данного закона, регионализацией является определение ветеринарного благополучия или неблагополучия государства или его административно-территориальной единицы исходя из отсутствия или наличия заразных болезней животных, включенных в перечень заразных болезней животных, при которых устанавливается карантин.

Однако ознакомление с результатами ветеринарного мониторинга, как и получение полного представления об эпизоотической ситуации в стране не представляются возможными. Соответствующая информация отсутствует на сайте Департамента ветеринарного и продовольственного надзора несмотря на то, что к основным принципам ветеринарной деятельности, закрепленным в законодательстве, отнесены достоверность, доступность и открытость информации об изменении эпизоотической ситуации и о принимаемых мерах по обеспечению ветеринарного благополучия.

Судя по всему, институт регионализации также не применяется на практике. В Инструкции о порядке проведения регионализации указано, что информирование о результатах регионализации на территории Республики Беларусь осуществляется Департаментом ветеринарного и продовольственного надзора Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь путем опубликования в разделе «Регионализация» на официальном сайте учреждения. Однако до настоящего времени такой раздел на сайте не появился.

Следует также добавить, что одной из основных функций системы обеспечения национальной безопасности является информирование граждан о ее состоянии и обеспечении национальной безопасности, поскольку гласность выступает одним из важнейших принципов в этом аспекте.

Для сравнения: на сайте Россельхознадзора представлены ежегодный (квартальный, полугодовой) ретроспективный анализ (отчет) совокупного эпизоотического состояния популяции животных страны, ситуационная характеристика эпизоотической обстановки в субъектах Российской Федерации по отдельным заболеваниям, ситуационная характеристика эпизоотической обстановки в стране, ежегодный отчет (анализ) ветеринарных служб субъектов Российской Федерации, а также материалы об эпизоотической ситуации в мире по данным Всемирной организации здравоохранения животных и средств массовой информации¹⁷.

Если мы обратимся к законодательству в сфере карантина и защиты растений, то здесь ситуация выглядит следующим образом. В отличие от ветеринарного законодательства, понятие «карантинная

¹⁷Эпизоотическая ситуация [Электронный ресурс]. URL: <https://fsvps.gov.ru/jepizooticheskaja-situacija/> (дата обращения: 10.09.2024).

фитосанитарная безопасность» имеет законодательное определение и характеризуется как обеспечение состояния защищенности территории Республики Беларусь от рисков, возникающих при проникновении и (или) распространении карантинных объектов.

Гласность в работе государственных органов и других государственных организаций, иных юридических лиц, индивидуальных предпринимателей по вопросам карантина и защиты растений, а также обеспечения граждан полной, достоверной и своевременной информацией в этой области – один из закрепленных в законодательстве принципов осуществления карантина и защиты растений (ст. 5 Закона «О карантине и защите растений»). Официальной национальной организацией по карантину и защите растений является Главная государственная инспекция по семеноводству, карантину и защите растений. В отличие от Департамента ветеринарного и продовольственного надзора, правовое положение названной государственной инспекции вызывает немало вопросов, так как отсутствует не только общая правовая основа, характеризующая правовой статус государственных инспекций, но и отдельно утвержденное положение о Главной государственной инспекции по семеноводству, карантину и защите растений [14].

В соответствии с действующим законодательством в целях своевременного выявления карантинных объектов и предупреждения их распространения Главной государственной инспекцией по семеноводству, карантину и защите растений проводятся фитосанитарные наблюдения, под которыми понимается система наблюдений, оценки и прогноза развития и распространения вредных организмов. Важно, что Главная государственная инспекция по семеноводству, карантину и защите растений на регулярной основе размещает информацию об итогах своей деятельности. Например, на сайте инспекции указано, что по результатам проведенных карантинных фитосанитарных наблюдений определено карантинное фитосанитарное состояние Республики Беларусь на

1 января 2024 г.¹⁸ Однако познакомиться непосредственно с содержанием данной информации, как и с информацией в ветеринарной сфере, также не представляется возможным. Фитосанитарное состояние, в соответствии с нормами Закона «О карантине и защите растений», характеризуется как состояние территории, определяемое численностью, интенсивностью развития и распространения особо опасных вредных организмов, их потенциальной опасностью для растений и (или) растительной продукции. Должностные лица Главной государственной инспекции по семеноводству, карантину и защите растений и ее территориальных организаций обязаны использовать средства массовой информации и иные доступные способы для своевременного информирования населения о фитосанитарном состоянии территории Республики Беларусь и ее отдельных административно-территориальных единиц (ч. 3 ст. 26 Закона «О карантине и защите растений»). Однако, как мы видим, данная обязанность требует более детальной регламентации. Заслуживает особого внимания опыт правового регулирования рассматриваемых отношений в Российской Федерации, где на федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий федеральный государственный карантинный фитосанитарный контроль (надзор), возлагается прямая обязанность ежегодно до 15 мая на основании данных мониторинга готовить и публиковать Национальный доклад о карантинном фитосанитарном состоянии территории Российской Федерации¹⁹. Национальный доклад включает информацию о распространении карантинных объектов по территории Российской Федерации, а также об установлении и упразднении карантинных фитосанитарных зон на территории Российской Федерации по каждому виду карантинного объекта²⁰.

Наличие в ветеринарном и фитосанитарном законодательстве обязанности компетентных органов систематически предоставлять в открытом доступе информацию об эпизоотическом и фитосанитарном состоянии страны – важная гарантия обеспечения национальной государственной безопасности.

Заключение

Таким образом, значимость понятия «безопасность» как правовой категории в различном контексте возрастает, о чем свидетельствует принятие многочисленных концепций и доктрин по данному вопросу. Однако важно обеспечить взаимосвязь положений концепций и доктрин с реальными нор-

мами. Поэтому, как представляется, для начала соответствующая терминология должна появиться в отраслевом законодательстве, что обеспечит реальное функционирование уже имеющегося и нового инструментария в системе национальной безопасности. Ветеринарные и фитосанитарные меры

¹⁸Информация об итогах деятельности Государственной инспекции по карантину растений за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: https://www.ggiskzr.by/news/1613.html?sphrase_id=31058 (дата обращения: 10.09.2024).

¹⁹О карантине растений. Ст. 12 [Электронный ресурс] : Федер. закон, 21 июля 2014 г., № 206-ФЗ. // КонсультантПлюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». М., 2024.

²⁰Национальный доклад о карантинном фитосанитарном состоянии территории Российской Федерации в 2023 году [Электронный ресурс]. URL: <https://fsvps.gov.ru/files/nacionalnyj-doklad-o-karantinnom-fitosanitarnom-sostojanii-territorii-rossijskoj-federacii-v-2023-godu/> (дата обращения: 10.10.2024).

следует применять, основываясь на анализе рисков с учетом международных стандартов и рекомендаций, что должно найти законодательное закрепление при регулировании аграрных отношений.

Не менее актуальным в контексте национальной безопасности является обеспечение на практике реализации принципа гласности в работе компетентных

органов в ветеринарной и фитосанитарной сферах, для чего требуется более детальная регламентация их обязанностей по предоставлению информации об эпизоотической ситуации и фитосанитарном состоянии территории в рамках ветеринарного законодательства и законодательства в сфере карантина и защиты растений.

Библиографические ссылки

1. Ведьшева НО. Правовое обеспечение ветеринарной безопасности в условиях современных рисков и угроз. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)*. 2022;5:124–134. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.93.5.124-134.
2. Орехов ДА, Каштанова ДВ. Правовые основы анализа риска в ветеринарии. *Ученые записки КГАВМ им. Н. Э. Баумана*. 2018;4:146–150.
3. Редникова ТВ. Правовое обеспечение биологической безопасности в контексте национальной безопасности страны: новые угрозы и меры противодействия. *Юридические исследования*. 2023;2:1–10. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.2.39687. EDN: CFLSDR.
4. Умнова-Конюхова ИА. Биологическая безопасность в международном праве и российском праве как новая сфера правового регулирования. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция*. 2023;2:7–19. DOI: 10.18384/2310-6794-2023-2-7-19.
5. Кузнецова НИ. Биологическая безопасность: теоретические и правовые аспекты. *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2021;3:65–73.
6. Кузьмич ИП. О некоторых аспектах обеспечения биологической безопасности в рамках ветеринарного законодательства. В: Макарова ТИ, редактор. *Традиции и перспективы развития науки экологического, природоресурсного и аграрного права. Сборник статей по материалам круглого стола, приуроченного к юбилею кафедры экологического и аграрного права БГУ; 20 мая 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 21–24.
7. Кузьмич ИП. Правовое обеспечение ветеринарной безопасности в контексте проведения единой аграрной политики на территории Союзного государства. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 17*. Минск: Колорград; 2022. с. 687–694.
8. Арчаков В, Баньковский А, Савков П. Обеспечение биологической безопасности: зарубежный опыт в контексте современных вызовов и угроз. *Наука и инновации*. 2021;10:21–29.
9. Субботина ИА, Субботин АМ. Ветеринарная служба и ее роль в обеспечении биологической безопасности Республики Беларусь. *Ученые записки учреждения образования «Витебская ордена “Знак почета” государственная академия ветеринарной медицины»*. 2023;59(2):66–69. DOI 10.52368/2078-0109-2023-59-2-66-69.
10. Жалдыбин ВВ, Русиневич АА. Обеспечение биологической безопасности в Республике Беларусь. *Экология и животный мир*. 2023;2:3–7.
11. Русиневич АА, Мотузко НС. Оценка риска эпизоотической опасности в животноводстве. В: Миранович АВ, редактор. *Актуальные проблемы и перспективы развития сельских территорий и кадрового обеспечения АПК. Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции; 9–10 июня 2022 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГАТУ; 2022. с. 115–122.
12. Гаврилова ОН, Касымова РО, Касымов ОТ. Результаты внедрения системы оценки риска биологической безопасности в Кыргызской республике. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2019;6:41–47.
13. Онищенко ГГ, Топорков ВП, Смоленский ВЮ, Топорков АВ. Современные представления о биологической безопасности: эволюция взглядов, узкий и широкий формат содержания проблемы. *Инфекционные болезни: новости, мнения, обучение*. 2016;1:75–80.
14. Кузьмич ИП. Правовые проблемы совершенствования системы органов государственного управления в сельском хозяйстве. В: Короленок ГА, редактор. *Актуальные проблемы развития правовой системы Республики Беларусь. Материалы Республиканской научно-практической конференции с международным участием; 26 октября 2012 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Белорусский государственный экономический университет; 2012. с. 107–109.

References

1. Vedysheva NO. Legal support of veterinary safety in the face of modern risks and threats. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2022;5:124–134. Russian. DOI: 10.17803/2311-5998.2022.93.5.124-134.
2. Orekhov DA, Kashtanova DV. Legal basis of risk analysis in veterinary medicine. *Scientific Notes of the Kazan Bauman State Academy of Veterinary Medicine*. 2018;4:146–150. Russian.
3. Rednikova TV. [Legal provision of biological security in the context of national security of the country: new threats and countermeasures]. *Yuridicheskie issledovaniya*. 2023;2:1–10. Russian. DOI: 10.25136/2409-7136.2023.2.39687. EDN: CFLSDR.
4. Umnova-Koniukhova IA. Biological security in international law and Russian law as a new sphere of legal regulation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya*. 2023; 2:7–19. Russian. DOI: 10.18384/2310-6794-2023-2-7-19.
5. Kuznetsova NI. Biological safety: theoretical and legal aspects. *Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2021;3:65–73. Russian.
6. Kuzmich IP. [On some aspects of biosecurity in the framework of veterinary legislation]. In: Makarova TI, editor. *Traditsii i perspektivy razvitiya nauki ekologicheskogo, prirodoresurnogo i agrarnogo prava. Sbornik statei po materialam kruglogo*

stola, priurochennogo k yubileyu kafedry ekologicheskogo i agrarnogo prava BGU; 20 maya 2021 g.; Minsk, Belarus' [Traditions and prospects of the development of environmental, natural resource and agrarian law science. Proceedings of the round table dedicated to the anniversary of the department of environmental and agricultural law of the Belarusian State University; 2021 May 20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 21–24. Russian.

7. Kuzmich IP. [Legal support of veterinary security in the context of the implementation of a common agrarian policy in the territory of the Union State]. In: Karpovich NA, editor. *Pravo v sovremennom belorusskom obshchestve. Vypusk 17* [Law in modern Belarusian society. Issue 17]. Minsk: Kolorgrad; 2022. p. 687–694. Russian.

8. Archakov V, Bankovskiy A, Savkov P. Ensuring biological safety: experience in the context of modern challenges and threats. *Science and Innovations*. 2021;10:21–29. Russian.

9. Subbotina IA, Subbotin AM. Role of veterinary service in ensuring the biological safety of the Republic of Belarus. *Uchenye zapiski uchrezhdeniya obrazovaniya «Vitebskaya ordena "Znak pocheta" gosudarstvennaya akademiya veterinarnoi meditsiny»*. 2023;59(2):66–69. Russian. DOI 10.52368/2078-0109-2023-59-2-66-69.

10. Zhaldybin VV, Rusinovich AA. [Ensuring veterinary biological safety in the Republic of Belarus]. *Ekologiya i zhivotnyi mir*. 2023;2:3–7. Russian.

11. Rusinovich AA, Motuzko NS. [Epizootic risk assessment in livestock production]. In: Miranovich AV, editor. *Aktual'nye problemy i perspektivy razvitiya sel'skikh territorii i kadrovogo obespecheniya APK. Sbornik nauchnykh statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 9–10 iyunya 2022 g.; Minsk, Belarus'* [Actual problems and prospects of the rural territories development and staffing of agrarian-industrial complex. Proceedings of the 2nd International scientific and practical conference; 2022 June 9–10; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State Agrarian Technical University; 2022. p. 115–122. Russian.

12. Gavrilova ON, Kasymova RO, Kasymov OT. [Results of implementation of the biosecurity risk assessment system in the Kyrgyz Republic]. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 2019;6:41–47. Russian.

13. Onishchenko GG, Toporkov VP, Smolenskiy VyU, Toporkov AV. [Current thinking on biosecurity: evolution of views, narrow and broad content of the problem]. *Infektsionnye bolezni: novosti, mneniya, obuchenie*. 2016;1:75–80. Russian.

14. Kuzmich IP. [Legal problems of improving the system of public administration bodies in agriculture]. In: Korolenok GA, editor. *Aktual'nye problemy razvitiya pravovoi sistemy Respubliki Belarus'. Materialy Respublikanskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem; 26 oktyabrya 2012 g.; Minsk, Belarus'* [Actual problems of the development of law system of the Republic of Belarus. Proceedings of Republican scientific and practical conference with international participation; 2012 October 26; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarus State Economic University; 2012. p. 107–109. Russian.

Статья поступила в редакцию 22.10.2024.
Received by editorial board 22.10.2024.

УДК 349.6

ПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ НАБЛЮДЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ, РАЦИОНАЛЬНОГО (УСТОЙЧИВОГО) ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ И ИНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

О. В. МОРОЗ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассматривается правовое понимание производственных наблюдений в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, в том числе в сравнении с производственным экологическим контролем в утратившем силу законодательстве. Предлагается расширить правовое понимание таких производственных наблюдений до контроля за соблюдением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями экологического законодательства в целом. Согласно существующему правовому подходу они прежде всего направлены на проверку (оценку) соответствия хозяйственной и иной деятельности требованиям в области охраны окружающей среды, в связи с чем целесообразно вернуться к термину «производственный экологический контроль». Дается обоснование проведения производственных наблюдений как элемента экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности. Излагаются предложения по совершенствованию правового закрепления рассматриваемой природоохранной меры.

Ключевые слова: производственные наблюдения; производственный экологический контроль; охрана окружающей среды; хозяйственная и иная деятельность; экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности.

LEGAL UNDERSTANDING OF INDUSTRIAL OBSERVATIONS IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION, RATIONAL (SUSTAINABLE) USE OF NATURAL RESOURCES IN THE IMPLEMENTATION OF ECONOMIC AND OTHER ACTIVITIES

O. V. MOROZ^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The author of the article reveals the legal understanding of industrial observations in the field of environmental protection, rational (sustainable) use of natural resources in the implementation of economic and other activities, including the comparison with the concept of industrial environmental control under the abolished legislation. It is proposed to expand the legal understanding of such industrial observations to control over compliance by legal entities and individual entrepreneurs with environmental legislation in general. According to the existing legal approach, they are primarily aimed at checking (assessing) the compliance of economic and other activities with the requirements in the field of environmental

Образец цитирования:

Мороз ОВ. Правовое понимание производственных наблюдений в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов при осуществлении хозяйственной и иной деятельности. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:91–96.
EDN: UCRTDL

For citation:

Moroz OV. Legal understanding of industrial observations in the field of environmental protection, rational (sustainable) use of natural resources in the implementation of economic and other activities. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:91–96. Russian.
EDN: UCRTDL

Автор:

Олег Васильевич Мороз – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Author:

Oleg V. Moroz, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
moroz_ov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8201-2600>

protection. In this regard, it is advisable to return to the term «industrial environmental control». The article provides a rationale for industrial observations as an element of environmental support for economic and other activities. Proposals are presented to improve the legal consolidation of the environmental protection measure under consideration.

Keywords: industrial observations; industrial environmental control; environmental protection; economic and other activities; environmental support of economic and other activities.

Введение

Производственные наблюдения в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов при осуществлении хозяйственной и иной деятельности (далее – производственные наблюдения) являются составной частью организационно-правового механизма охраны окружающей среды и регулируются законодательством в области охраны окружающей среды. К основным нормативным правовым актам, регламентирующим производственные наблюдения, следует причислять Закон Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды»), Инструкцию о порядке разработки и утверждения инструкции по осуществлению производственных наблюдений в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов (далее – Инструкция), утвержденную постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 11 октября 2013 г. № 52 и Типовое положение о службе охраны окружающей среды, утвержденное постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 5 мая 2016 г. № 15.

Несмотря на то, что производственные наблюдения являются одной из основных природоохранных мер, комплексные правовые исследования в данной

сфере отсутствуют. Необходимость систематизации правовых норм, регламентирующих производственные наблюдения, в том числе в рамках планируемой кодификации национального экологического законодательства, также определяет актуальность данного исследования¹. Развитие правового регулирования соответствующих отношений в рамках экологического сопровождения хозяйственной и иной деятельности (далее – ЭСХД) будет иметь большой потенциал в случае его правового закрепления. Такое сопровождение основывается на концепции непрерывного учета экологического фактора начиная с замысла хозяйственной и иной деятельности и заканчивая ее прекращением [1, с. 85–88].

Существенной проблемой является разобщение правового закрепления природоохранных мер, ранее объединявшихся таким понятием, как экологический контроль. Развитие правового регулирования соответствующих отношений во многом подвергалось влиянию унификации законодательства в сфере контрольной (надзорной) деятельности², что не содействует систематизации правовых норм, которые регламентируют природоохранные меры, имеющие наиболее тесную взаимосвязь. К числу таких мер относятся производственные наблюдения, сопоставимые (соотносимые) с производственным экологическим контролем, закрепленным в законодательстве, которое утратило силу.

Основная часть

Правовой подход к производственным наблюдениям заключается в том, что сами юридические лица и индивидуальные предприниматели совершают определенные действия (проводят мероприятия) природоохранной направленности в отношении осуществляемой ими хозяйственной и иной деятельности, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду. В Законе «Об охране окружающей среды» такие мероприятия, за исключением организации мест отбора проб и проведения измерений, не упоминаются. В документе отсутствует определение правового понятия производственных наблюдений,

что не позволяет в полной мере получить представление о сущности одной из основных природоохранных мер на уровне головного акта экологического законодательства. В законодательстве закреплялись задачи, принципы и виды производственного экологического контроля в зависимости от периодичности его проведения, что способствовало надлежащему правопониманию природоохранной меры (более точному представлению допустимости тех или иных мероприятий в процессе его реализации)³.

Согласно Инструкции правовые требования к содержанию раздела «Планирование и проведение

¹Концепция проекта Экологического кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minpriroda.gov.by/uploads/files/Kontseptsija-EK-28.08.2023-na-obsch.-obsuzhd.pdf> (дата обращения: 05.03.2024).

²О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь, 16 окт. 2009 г., № 510 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

³Об утверждении Инструкции об организации производственного контроля в области охраны окружающей среды. П. 11, 12. [Электронный ресурс] : постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 17 марта 2004 г., № 4 : с изм. и доп. [утратил силу] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

производственных наблюдений», разрабатываемой субъектами хозяйствования инструкции по осуществлению производственных наблюдений, позволяют определить круг основных действий (мероприятий), к которым в законодательстве применяется термин «производственные наблюдения». Так, они должны проводиться в соответствии с разработанными планами (планы-графики, планы мероприятий и др.) на заранее определенных объектах. В качестве мероприятий для осуществления таких наблюдений указываются организация мест отбора проб и проведения измерений, действия по оформлению их результатов (актов производственных наблюдений, требований (предписаний) об устранении нарушений (недостатков) по итогам таковых, ведение их учета и др.), на основании которых производятся информирование руководителя юридического лица, индивидуального предпринимателя и устранение выявленных нарушений. Исходя из специфики указанных мероприятий, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, на основе отобранных проб и результатов измерений оценивается воздействие хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. Наличие актов производственных наблюдений и требований (предписаний) об устранении нарушений (недостатков) по итогам вышеупомянутой оценки свидетельствует о том, что осуществляющие их специалисты проверяют соответствие воздействия требованиям в области охраны окружающей среды. Устранение выявленных нарушений (недостатков) предполагает введение мер природоохранной направленности.

Во-вторых, мероприятия, именуемые производственными наблюдениями, направлены на обеспечение соблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и иную деятельность, требований в области охраны окружающей среды, а также на предотвращение, выявление и пресечение нарушений экологического законодательства. В связи с вышесказанным их вполне можно относить, как ранее существовавший экологический контроль, к системе экологического контроля в случае возврата к его правовому закреплению. Однако действующее законодательство не способствует установлению взаимосвязи производственных наблюдений с контролем в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов. Существует лишь одна норма, гласящая, что служба охраны окружающей среды осуществляет свою деятельность во взаимодействии с государственными органами, про-

изводящими указанный контроль. Возникает вопрос по поводу возможности аналогичного сотрудничества с лицами, деятельность которых выступает альтернативой работе данной службы: специалистом по охране окружающей среды и работником, на которого такие обязанности возлагаются наряду с иными обязанностями.

Ранее в качестве принципа производственного экологического контроля закреплялось взаимодействие систем производственного, ведомственного и государственного контроля в области охраны окружающей среды, а также существовало правовое требование о закреплении в инструкции об организации производственного экологического контроля порядка взаимодействия между субъектами, его осуществляющими⁴. Таким образом, нормы в утратившем силу законодательстве позволяли утверждать о широком взаимодействии производственного контроля и государственного экологического контроля. Данная взаимосвязь производственных наблюдений с контролем в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов будет содействовать более эффективной охране окружающей среды, что является дополнительным аргументом в пользу необходимости их целостного изложения как составляющих экологического контроля.

В-третьих, сложно определить, включают ли производственные наблюдения проверку соблюдения субъектами экологического законодательства по всем вопросам в целом, а не только по вопросам, касающимся непосредственно воздействия хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. По данному аспекту утратившее силу законодательство было более совершенным, так как в числе основных задач производственного экологического контроля указывался контроль за выполнением и соблюдением требований законодательства об охране окружающей среды в целом или, к примеру, за своевременным предоставлением сведений о состоянии и загрязнении окружающей среды. Исходя из содержания прав работников службы охраны окружающей среды, закрепленных в Типовом положении о службе охраны окружающей среды, такой контроль явно реализуется. Кроме того, инженер по охране окружающей среды (эколог), на которого может быть возложена обязанность по проведению производственных наблюдений, осуществляет контроль за соблюдением в подразделениях организации действующего экологического законодательства, инструкций, стандартов и нормативов по охране окружающей среды⁵. На наш взгляд, контрольные мероприятия

⁴Об утверждении Инструкции об организации производственного контроля в области охраны окружающей среды. П. 12, 13.4. [Электронный ресурс] : постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 17 марта 2004 г., № 4 : с изм. и доп. [утр. силу] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

⁵Об утверждении выпуска 1 Единого квалификационного справочника должностей служащих «Должности служащих для всех видов деятельности», выпуска 6 ЕКСД «Должности служащих, занятых в машиностроении и металлообработке», выпуска 33 ЕКСД «Должности служащих, занятых финансами, кредитом и страхованием» и выпуска 21 ЕКСД «Должности служащих, занятых геодезией и картографией» [Электронный ресурс] : постановление Министерства труда Респ. Беларусь, 30 дек. 1999 г., № 159 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

в области охраны окружающей среды, которые проводятся субъектами в отношении их деятельности, не относящиеся к производственным наблюдениям, рассматриваются законодателем как иная работа в области охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной и иной деятельности.

В связи с вышесказанным возникает вопрос по поводу соотнесения производственных наблюдений с правовыми требованиями к разделам «Учет и отчетность в области охраны окружающей среды», «Профессиональная подготовка, повышение квалификации и переподготовка работников-природопользователей, организация проведения инструктажа» инструкции по осуществлению производственных наблюдений, разрабатываемой субъектами хозяйствования. Сложно также определить охват производственными наблюдениями мероприятий, содержащихся в разделах «Планирование, разработка и утверждение мероприятий по охране окружающей среды и контроль за их выполнением» и «Снижение и ликвидация вредного воздействия на окружающую среду, связанного с угрозой загрязнения окружающей среды» отмеченного документа. Как видится, разделы касаются организации и проведения юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями иной работы (мероприятий) в области охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной и иной деятельности. Название данного документа не учитывает этот аспект и требует следующей формулировки: Инструкция о порядке разработки и утверждения инструкции по организации и проведению производственных наблюдений в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов, а также иной работы в области охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной и иной деятельности. Следует отметить, что на практике указанная инструкция рассматривается «как главный и важнейший документ по осуществлению природоохранной деятельности на предприятиях»⁶.

Ранее наличие схожих структурных частей в разрабатываемой субъектами хозяйствования инструкции по осуществлению производственного контроля в области охраны окружающей среды было очевидным, так как в качестве его задач указывались «контроль за ведением природопользователем документации по охране окружающей среды, проведением обучения, инструктажа и проверки знаний в области охраны окружающей среды и природопользования,

состоянием окружающей среды в зоне воздействия на нее хозяйственной и иной деятельности природопользователя, степени готовности к аварийным ситуациям, наличием и техническим состоянием оборудования по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁷. Такой контроль охватывал различные аспекты охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, оказывающей вредное воздействие на окружающую среду. Эта многоаспектность позволяла получить комплексное представление о природоохранных мероприятиях при осуществлении хозяйственной и иной деятельности. Действующее законодательство не дает такой возможности, что свидетельствует о целесообразности возврата к существовавшей ранее модели правового закрепления контрольных мероприятий, проводимых субъектами в отношении осуществляемой ими хозяйственной и иной деятельности.

В национальном законодательстве отсутствует определение понятия производственных наблюдений. В нем закреплена дефиниция понятия производственного экологического контроля в контексте экологического аудита (комплекс работ, связанных с проверкой выполнения требований экологического законодательства и установленных нормативов, осуществляемый аудируемым лицом, деятельность которого оказывает вредное воздействие на окружающую среду⁸). Наличие данного определения – это скорее результат того, что законодательство не приведено в соответствие с изменениями правового регулирования контрольной (надзорной) деятельности в полной мере. В нем также отражается подход к проведению производственного контроля по различным направлениям природоохранной деятельности субъекта (многоаспектный охват его деятельности), аналогичный подходу, который отражен в дефинициях, предлагаемых в научной литературе [2, с. 216–217; 3, с. 12].

Несмотря на специфику организационно-правового механизма осуществления производственного экологического контроля в Казахстане и России, он рассматривается как вид экологического контроля. В законодательствах этих государств отражается схожий подход к его проведению. Данный контроль в основном направлен на оценку воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности и определение ее соответствия экологическим требованиям. Однако природоохранная мера

⁶Производственные наблюдения. Разработка инструкции по осуществлению производственных наблюдений [Электронный ресурс]. URL: <https://ecoskygroup.by/ekologicheskoe-normirovanie/proizvodstvennyj-kontrol-okruzhayushhej-sredy/> (дата обращения: 24.07.2024).

⁷Об утверждении Инструкции об организации производственного контроля в области охраны окружающей среды. П. 11. [Электронный ресурс] : постановление Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь, 17 марта 2004 г., № 4 : с изм. и доп. [утратил силу] // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

⁸Национальные правила аудиторской деятельности. П. 4. [Электронный ресурс] : постановление Министерства финансов Респ. Беларусь, 28 сент. 2004 г., № 142 : с изм. и доп. // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

может включать контроль за соблюдением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями экологического законодательства и по иным аспектам⁹. В Модельном Экологическом кодексе для

государств – участников СНГ отражается стремление охватить производственным экологическим контролем различные аспекты деятельности субъектов по вопросу соблюдения экологического законодательства¹⁰.

Заключение

Взаимосвязь основных мероприятий (действий) производственных наблюдений проявляется в том, что они в совокупности позволяют оценить влияние хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду, определить ее соответствие экологическим требованиям, а также разработать и провести необходимые природоохранные мероприятия для уменьшения негативного воздействия на окружающую среду. С учетом вышесказанного производственные наблюдения можно отнести к элементам ЭСХД.

Производственные наблюдения, прежде всего, связываются с контролем за вредным воздействием хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду. Производственный экологический контроль, в свою очередь, касался соблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями экологического законодательства в целом. Данный факт следует учитывать при восстановлении правового закрепления ряда природоохранных мер в рамках единой системы экологического контроля в том объеме, который предусматривался в законодательстве, утратившем силу.

Потребуется расширение правового содержания производственных наблюдений до правового понимания производственного экологического контроля, существовавшего ранее, для того, чтобы они стали инструментом внутреннего контроля за соблюдением юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями экологического законодательства по различным аспектам деятельности, в том числе за воздействием хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду и ее соответствием экологическим требованиям. Для достижения данной цели видится необходимым восстановить термин «производственный экологический контроль», который в большей степени коррелирует с правовым содержанием рассматриваемых природоохранных мероприятий, чем термин «производственные наблюдения».

В настоящее время отсутствует целостность правового закрепления производственных наблюде-

ний и иных контрольных мероприятий, проводимых субъектами в процессе деятельности, которые рассматриваются законодателем как иная работа в области охраны окружающей среды при осуществлении хозяйственной и иной деятельности. Их взаимодействие или взаимосвязь, прежде всего, с контролем в области охраны окружающей среды, рациональным (устойчивым) использованием природных ресурсов также не отражены в конкретных нормах. Возврат к прежней модели правового изложения производственного экологического контроля (комплекса мероприятий, направленных на обеспечение соблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и иную деятельность, экологических требований) позволит восстановить единство системы внутри контрольных мероприятий и упрочить их взаимосвязь с иными видами экологического контроля, что будет способствовать достижению целостности системы экологического контроля. В этом случае можно будет говорить о единстве системы как внутреннего, так и внешнего экологического контроля относительно хозяйственной и иной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей.

Производственные наблюдения можно определить как комплекс мероприятий (работ), проводимый юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и иную деятельность, которая оказывает вредное воздействие на окружающую среду, и направленный на проверку (оценку) соответствия такого воздействия экологическим требованиям (согласно существующему правовому подходу к производственным наблюдениям) или на обеспечение соблюдения ими требований в области охраны окружающей среды (в случае расширения его правового понимания до производственного экологического контроля по утратившему силу законодательству).

⁹ Экологический кодекс Республики Казахстан. Ст. 182–189 [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39768520&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 01.07.2024); Правила разработки программы производственного экологического контроля объектов I и II категорий, ведения внутреннего учета, формирования и предоставления периодических отчетов по результатам производственного экологического контроля [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39768520&pos=4;-106#pos=4;-106 (дата обращения: 01.07.2024); Об охране окружающей среды [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации, 10 янв. 2002 г., № 7-ФЗ: с изм. и доп. // Консультант Плюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». М., 2024. Ст. 67; Требования к содержанию программы производственного экологического контроля [Электронный ресурс]: приказ Министерства природных ресурсов и экологии Рос. Федерации, 18 февр. 2022 г., № 109: с изм. и доп. // Консультант Плюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». М., 2024; Порядок и сроки представления отчета об организации и о результатах осуществления производственного экологического контроля: приказ Министерства природных ресурсов и экологии Рос. Федерации, 18 февр. 2022 г., № 109: с изм. и доп. [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. Россия / ООО «ЮрСпектр». М., 2024.

¹⁰ О принятии Модельного экологического кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств. Ст. 46 [Электронный ресурс]: постановление Межпарламентской Асамблеи государств – участников СНГ, 16 нояб. 2006 г., № 27-8 // ЭТАЛОН – Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2024.

Специфика производственных наблюдений его воссоздания), положения о котором, в свою очередь, необходимо закрепить в посвященной ЭСХД структурной части Закона «Об охране окружающей среды» или планируемого экологического кодекса.

Библиографические ссылки

1. Макарова ТИ, Балашенко СА, Лизгаро ВЕ, Мороз ОВ. *Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности*. Минск: БГУ; 2016. 191 с.
2. Исакова АВ. Правовое обеспечение производственного экологического контроля от инвестиционного проекта до эксплуатации. *Актуальные проблемы российского права*. 2020;15(7):207–217. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.116.7.207-217.
3. Бринчук ММ. Производственный экологический контроль как мера охраны природы. *Экологическое право*. 2007;3:12–17.

References

1. Makarova TI, Balashenko SA, Lizgaro VE, Moroz OV. *Pravovye mekhanizmy okhrany okruzhayushchei sredy i obespecheniya ekologicheskoi bezopasnosti* [Legal mechanisms for environmental protection and ensuring environmental safety]. Minsk: Belarusian State University; 2016. 191 p. Russian.
2. Isakova AV. Legal support of industrial environmental control from investment project to operation. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(7):207–217. Russian. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.116.7.207-217.
3. Brinchuk MM. [Industrial environmental control as a measure of environmental protection]. *Ekologicheskoe pravo*. 2007;3:12–17. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2024.
Received by editorial board 31.10.2024.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

И. С. ШАХРАЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Анализируются основные признаки земельного правонарушения. Особое внимание уделяется такому признаку земельного правонарушения, как противоправность, а также проблемам разграничения правомерного и противоправного поведения субъектов земельных отношений, в том числе в случаях несовпадения юридической и фактической границы земельного участка. Обоснованы предложения по совершенствованию земельного законодательства Республики Беларусь в части легализации нарушений земельного законодательства, уточнения обязанностей землепользователей по использованию земельных участков и разграничения смежных составов земельных правонарушений.

Ключевые слова: земельные правоотношения; обязанности субъектов земельных правоотношений; земельное правонарушение; противоправность; легализация; самовольное занятие земельного участка (его части).

ON THE ISSUE OF LAND OFFENSE SIGNS

I. S. SHAKHRAI^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Abstract. The main features of land offenses are analysed in the article. Particular attention is paid to such a feature of land offenses as illegality, as well as to the problems of distinguishing between lawful and illegal behaviour of subjects of land relations, including the cases of discrepancy between the legal and actual boundaries of a land plot. Proposals for improving land legislation of the Republic of Belarus in terms of legalisation of land offenses, clarification of the obligations of land users to use land plots and differentiation of related types of land offenses are substantiated.

Keywords: land relations; duties of subjects of land legal relations; land offense; illegality; legalisation; unauthorised occupation of a land plot (part of it).

Введение

Реализация юридической ответственности служит одним из способов обеспечения земельного правопорядка. Она имеет целью охрану земельных правоотношений и обеспечивает действие регулятивных норм

земельного права, а значит, как отмечается теоретиками права, выполняет сопроводительную функцию, гарантируя реализацию норм, на которых основан соответствующий правовой режим [1, с. 70]. В рассматри-

Образец цитирования:

Шахрай ИС. К вопросу о признаках земельного правонарушения. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:97–103.
EDN: PIXPLV

For citation:

Shakhray IS. On the issue of land offense signs. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:97–103. Russian.
EDN: PIXPLV

Автор:

Ирина Сергеевна Шахрай – доктор юридических наук, доцент; профессор кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Author:

Irina S. Shakhray, doctor of science (law), docent; professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.
shakhray@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0001-9909-7532>

ваемой сфере фактическим основанием (юридическим фактом), влекущим возникновение юридической ответственности, выступает земельное правонарушение, понятие и признаки которого отражают как сущность общеправовой категории «правонарушение» [2, с. 42], так и специфику субъектно-объектного состава и содержания земельных правоотношений.

Основная часть

В числе основных признаков правонарушения в юридической науке выделяют противоправность, наличие вины, возникновение негативных последствий в виде вреда государству, обществу, отдельным субъектам или угрозы его причинения [4, с. 703; 5, с. 31]. При этом определяющими сущностными характеристиками правонарушения, как отмечают теоретики права, являются общественная вредность, опасность (она называется в качестве значимого объективного признака и главного объективного основания, отграничивающего правомерное от противоправного) и противоправность [6, с. 282].

Сущность правонарушения выявляется в сравнении с его антиподом – правомерным поведением. «О правомерности или неправомерности поведения можно судить на основании того, согласуются ли действия, поступки... с правовыми предписаниями или не согласуются» [4, с. 705–706]. Так, модель поведения субъектов земельных правоотношений определяется нормами земельного законодательства Республики Беларусь, а отступление от его требований будет охватываться понятием земельного правонарушения (при наличии иных признаков и элементов состава правонарушения). Таким образом, с учетом устоявшихся общетеоретических подходов под земельным правонарушением следует понимать виновное противоправное деяние (действие или бездействие), посягающее на земельный правопорядок и нарушающее нормы земельного законодательства. Противоправный характер поведения лица, совершившего земельное правонарушение, позволяет говорить о причинении вреда (его можно понимать в широком смысле как неблагоприятные последствия) публичным или частным интересам участников земельных отношений [7, с. 311–312].

Принимая во внимание разнообразие земельных правоотношений, которые имеют общий объект и являются едиными по своей юридической форме, считаем обоснованной классификацию земельных правонарушений по различным критериям (основным из которых является объект таких правонарушений) с учетом того, какие общественные отношения подвергаются неправомерному воздействию [7, с. 312–313]. Задача земельного законодательства состоит в определении границ правомерного поведения (именно они имеют значение для применения

Несмотря на то, что признакам и сущности правонарушения уделялось достаточное внимание в общей теории права и отраслевых юридических науках, эти проблемы требуют дальнейшего осмысления в свете современных тенденций развития земельного законодательства Республики Беларусь [3], а также практики его применения.

мер ответственности, поскольку составы правонарушений в данной области всегда сформулированы как бланкетные). Следовательно, отсутствие любого из предусмотренных земельным законодательством юридических фактов, при наличии которых допускается осуществление права землепользования, свидетельствует о его противоправности (разрешительный тип правового регулирования, выражаемый формулой «все запрещено, кроме того, что разрешено» [8, с. 12], обусловлен спецификой земельных правоотношений, основанной на публичном значении земли как природного ресурса и составной части окружающей среды).

При этом в ряде случаев возникает проблема разграничения правомерного и противоправного поведения соответствующих субъектов. Эти сложности наиболее характерны для правонарушений, посягающих на порядок надлежащего использования земель, ввиду дилемматического характера данных земельных отношений [9]. Так, определение круга прав и обязанностей землепользователей нередко затруднено в случаях, когда право на земельный участок возникло в период действия иных норм земельного законодательства и продолжается в изменившихся (зачастую неоднократно и существенно) условиях правового регулирования, если в законодательстве отсутствуют четкие специальные оговорки о применении норм «старого» или «нового» законодательства.

Кроме того, обозначенные проблемы нередко возникают ввиду изменения технических возможностей индивидуализации на местности самого объекта землепользования (земельного участка) и развития новых технологий определения его пространственных характеристик (геоинформационные технологии, инженерно-геодезические, аэрокосмические съемки и др.), в результате чего возникают несовпадения юридических и фактических границ земельных участков. Недостаточный учет (в том числе, на уровне правового регулирования) условий и технологий осуществления измерений, их возможной погрешности может влечь смешение правомерного и противоправного поведения землепользователей и, как следствие, необоснованное привлечение к ответственности или, напротив, уход от нее.

Вопрос о разграничении правомерного и противоправного поведения особенно остро стоит в случаях несовпадения юридических и фактических границ

земельных участков. По данным Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь, в 2022–2023 гг. установлено 284 000 подтвержденных фактов использования земельных участков с нарушениями, подпадающими под действие п. 2 ст. 3 Закона Республики Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-З «Об изменении кодексов» (далее – Закон «Об изменении кодексов»), предусматривающего упрощенный порядок легализации ряда земельных правонарушений¹. Однако расхождение границ земельных участков, отраженных в правоудостоверяющих документах, и границ земельных участков, фактически сложившихся, встречается еще чаще, причем во многих случаях это расхождение обусловлено факторами, не зависящими от самих землепользователей. В их числе можно назвать имевшие место ранее (до цифровизации процесса формирования пространственных данных о земельных участках) недостатки изготовления кадастровых планов предоставляемых земельных участков, неточности установления их границ на местности и др. [10]. Кроме того, пользование земельным участком, формально подпадающее под закрепленные п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов» признаки самовольного занятия части земельного участка (возведение, реконструкция капитального строения, ограждения, благоустройство прилегающей территории с нарушением границы предоставленного земельного участка), может иметь место со стороны добросовестных приобретателей земельных участков. Такая ситуация обусловлена отсутствием законодательно закрепленных требований по сверке юридических и фактических границ земельных участков при заключении сделок, оформлении наследственных прав и в иных случаях перехода прав на земельные участки.

Следует отметить, что названные Законом «Об изменении кодексов» случаи (самовольное занятие земельного участка или его части, несоблюдение целевого назначения предоставленного земельного участка, предоставление земельного участка с нарушением установленного порядка) рассматриваются как противоправное поведение, но при этом закрепляется возможность узаконить право пользования этими участками. Соответствующие решения (о предоставлении земельного участка, в том числе дополнительного, изменении целевого назначения, сохранении права на земельный участок, предоставленный с нарушениями) могут быть приняты исполнительными комитетами при соблюдении совокупности условий, перечисленных в п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов». Как указывается в данном пункте, при их невыполнении, в том числе при необращении заинтересованных лиц до 1 сентября 2025 г.,

решения в отношении самовольного строительства принимаются в соответствии со ст. 223 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Помимо отраслевых различий (Закон «Об изменении кодексов» предусматривает механизм узаконения пользования земельными участками, тогда как ГК закрепляет порядок признания права собственности на объекты самовольного строительства), несовпадение закрепленных подходов состоит в определении Законом «Об изменении кодексов» более широкого перечня нарушений и упрощенной процедуры их легализации, что дает возможность юридически оформить права ряда фактических землепользователей.

В контексте применения упомянутых норм о легализации возникает вопрос разграничения случаев, когда имеет место нарушение земельного законодательства со стороны землепользователя (самовольное занятие части земельного участка), и иных случаев несовпадения юридических и фактических границ земельных участков. Это обстоятельство является важным с позиции наличия в земельном законодательстве особого (правомерного) основания приобретения права на земельный участок, владение которым осуществляется в течение длительного времени (ст. 56 Кодекса Республики Беларусь о земле (далее – КоЗ)). Данное основание может применяться в том числе при использовании гражданами земельного участка, граница и (или) размер которого не совпадают с границей и (или) размером, указанными в решении о предоставлении либо в правоудостоверяющем документе. При этом КоЗ в качестве обязательных условий называет добросовестность, открытость, непрерывность владения, а также четко разграничивает случаи, предусмотренные ст. 56, и случаи самовольного занятия земельного участка либо его части (ст. 87).

Пунктом 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов» выделяется круг правонарушений, которые могут быть легализованы, но не проводится разграничение сферы применения названного пункта и упомянутых статей КоЗ в первую очередь в части такого признака, как противоправность. Как уже отмечалось, подпадающее под упрощенный порядок легализации использование земельного участка или его части с «выходом» за пределы его юридической границы, отраженной в земельно-кадастровой документации и (или) в правоудостоверяющих документах, может осуществляться как правонарушителем, так и добросовестным землепользователем (например, в упомянутых случаях несовпадения юридических и фактических границ земельного участка в силу исторических особенностей формирования пространственных данных, проведенной нормализации

¹Заседание итоговой коллегии состоялось в Государственном комитете по имуществу [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/february/76838/> (дата обращения: 05.09.2024).

границ земельных участков², получения по наследству земельного участка, фактическое пользование которым сложилось в границах, отличающихся от отраженных в правоудостоверяющих документах, и др.).

Частично эти обстоятельства учитываются правоприменительной практикой, что проявляется в непривлечении землепользователей к административной ответственности в случаях, предусмотренных п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов». Однако такие землепользователи обязаны внести в местный бюджет плату за легализацию в размере кадастровой стоимости земельного участка или его части, а если основной земельный участок находится на праве частной собственности или аренды – также плату за предоставление на этих же правах дополнительного земельного участка. Аналогичное требование по внесению платы распространяется и на землепользователей, которым земельные участки были предоставлены с нарушением установленного порядка (при этом соблюдение такого порядка является обязанностью соответствующих государственных органов, а не лица, обратившегося за предоставлением ему земельного участка). Возложение на землепользователей имущественных последствий такой ситуации в виде внесения упомянутых видов платы, по сути, выступает в качестве меры ответственности, что, на наш взгляд, не соответствует принципу социальной справедливости.

Таким образом, необходимо разграничивать следующие случаи:

1) правомерное использование земельных участков, юридические и фактические границы которых не совпадают, включая случаи использования земельных участков, подпадающих под признаки, установленные ст. 56 КоЗ, несовмещения фиксированных и нефиксированных границ земельных участков в рамках предельных значений погрешности³, а также проведения нормализации границ земельных участков;

2) противоправное поведение, которое охватывает в том числе самовольное занятие земельного участка либо его части (оно влечет административную ответственность согласно п. 1 и 2 ст. 16.36 Кодекса

Республики об административных правонарушениях (далее – КоАП) и применение земельно-правовых мер воздействия в порядке, предусмотренном ст. 87 КоЗ), а также случаи, подпадающие под признаки, закрепленные п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов», когда возможно применение упрощенного порядка легализации соответствующих нарушений, а привлечение к административной ответственности не осуществляется в силу сложившихся правоприменительных подходов.

Проведенный анализ показывает, что установление такого признака земельного правонарушения, как противоправность, нередко затруднительно. Данные сложности во многом возникают из-за недостаточного учета законодателем всего спектра причин и ситуаций несовпадения юридических и фактических границ земельных участков.

Еще одна проблема, на которую следует обратить внимание, заключается в сложностях разграничения смежных составов земельных правонарушений. Так, законодательством Республики Беларусь использование земельных участков рассматривается одновременно как право и как обязанность землепользователя. При этом согласно ст. 85 КоЗ землепользователи обязаны использовать земельные участки в соответствии с их целевым назначением и условиями отвода (п. 1.1), а также соблюдать сроки занятия земельных участков, в том числе строительства на них капитальных строений (зданий, сооружений), и иные условия отвода (п. 1.4). В соответствии с п. 1.53 ст. 1 КоЗ, целевое назначение земельного участка представляет собой порядок, условия и ограничения использования земельного участка для конкретных целей. Целевое назначение может быть определено при предоставлении земельного участка, его формировании в целях проведения аукциона, изменении целевого назначения в установленном порядке. В случаях перехода прав на земельные участки на основании сделок сохранение целевого назначения является обязательным условием, что отражается в соответствующих договорах.

Неисполнение перечисленных обязанностей является правонарушением и может повлечь применение различных мер ответственности. Так, ст. 75,

²Нормализация границ земельных участков проводится в соответствии с постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 29 августа 2016 г. № 16 «О некоторых вопросах ведения единого государственного регистра недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним» в целях устранения выявленных несоответствий между расположением на местности и отображением на кадастровой карте, публичной кадастровой карте границ зарегистрированных земельных участков, если такие несоответствия превышают пределы допустимых погрешностей. В ходе нормализации юридические границы земельных участков могут быть подвергнуты изменениям, информация о которых вносится в единый государственный регистр недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним, соответствующие данные уточняются на публичной кадастровой карте. При этом землепользователи не участвуют в процедуре нормализации, не уведомляются ни о ее начале, ни о произошедших изменениях юридической границы земельного участка, что является существенным недостатком правового регулирования названного механизма, а также препятствует достижению изначальной цели его применения – обеспечению соответствия расположения границ земельных участков на местности и в кадастровой и иной документации.

³Такие значения предусмотрены п. 13, 30, 42, 45, 50 и другими нормами Инструкции о порядке проведения работ по установлению (восстановлению), изменению границ земельных участков, утвержденной постановлением Государственного комитета по имуществу Республики Беларусь от 23 декабря 2022 г. № 44 (с изменениями и дополнениями).

77–79 КоЗ устанавливают возможность изъятия земельного участка в случае его использования не по целевому назначению, неиспользования в течение определенного срока (для граждан этот срок составляет один год, для юридических лиц – шесть месяцев со дня государственной регистрации возникновения права на земельный участок или иной срок, установленный решением о предоставлении земельного участка, а впоследствии в зависимости от цели предоставления срок продления составляет один год для ведения сельского хозяйства и два года для несельскохозяйственных целей). Административная ответственность может наступать за неиспользование земельного участка в течение срока, установленного законодательными актами (п. 1 ст. 16.9 КоАП) либо за нецелевое использование предоставленного земельного участка (п. 3 ст. 16.9 КоАП).

Недостаточно четкое закрепление законодательством содержания перечисленных обязанностей землепользователей также зачастую влечет неопределенность такого признака земельного правонарушения, как противоправность. Логично предположить, что неиспользование земельного участка, в том числе неосуществление его занятия, проявляется в отсутствии какой-либо деятельности землепользователя на земельном участке, тогда как использование не по целевому назначению – в реализации не предусмотренных условиями предоставления видов деятельности. Однако данный вывод становится спорным, когда необходимо определить время начала использования земельного участка.

В частности, термин «занятие земельного участка» имеет различное содержание в зависимости от целевого назначения⁴. В результате обязанность соблюдать сроки занятия земельных участков подразумевает необходимость не только приступить к их использованию, но и осуществить определенные соответствующие целевому назначению земельного участка работы, содержание которых на основании норм законодательства нередко сложно выявить. В частности, неопределенным является минимальный объем действий, который должен совершить землепользователь, чтобы выполнить обязанность приступить к занятию земельного участка, предоставленного для строительства, поскольку перечень строительно-монтажных работ в законодательстве отсутствует⁵. Неясно также, какое правонарушение будет иметь место в случаях, когда землепользователь приступил к осуществлению таких работ,

но с отступлением от проектной документации либо без ее разработки (п. 1.14 ст. 1 КоЗ однозначно указывает на необходимость соответствия строительно-монтажных работ проектной документации, разработка которой при этом не является обязательной при применении упрощенного порядка возведения и реконструкции многоквартирных жилых домов, предусмотренного ст. 82 Кодекса Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности и Указом Президента Республики Беларусь от 13 июня 2022 г. № 202 «Об упрощенном порядке возведения и реконструкции объектов строительства»), начал осуществлять земляные работы, но еще не установил конструктивные элементы строения, начал освоение участка путем его озеленения, установки ограждения и т. п.

Препятствием для своевременного выполнения землепользователем рассматриваемой обязанности в случаях разработки проектной документации может стать несоблюдение сроков проектной организацией. В результате земельное правонарушение формально может иметь место и в случае, когда землепользователь не смог приступить к занятию по не зависящим от него причинам. Пункт 6 ст. 85 КоЗ предусматривает возможность продлить сроки выполнения условий отвода земельного участка на основании заявления землепользователя при наличии уважительной причины, препятствующей выполнению условий отвода (болезнь, отсутствие в Республике Беларусь и др.). Период продления указанного срока и уважительность причины определяются исполкомом в каждом конкретном случае. Полагаем, что заключение договора подряда на подготовку проектной документации, условия которого своевременно не выполнены ее разработчиком, должно рассматриваться как уважительная причина для продления сроков занятия земельного участка.

Сказанное свидетельствует, что трактовка выполнения землепользователем обязанности приступить к занятию земельного участка в каждом конкретном случае может различаться ввиду отсутствия четких норм, позволяющих определить перечень действий, которые необходимо осуществить для начала строительства капитального строения (здания, сооружения), основания и период продления срока начала занятия земельного участка, что обуславливает необходимость закрепления соответствующих норм в земельном законодательстве.

⁴Так, если земельный участок предоставлен для строительства, чтобы выполнить обязанность приступить к занятию землепользователь должен начать строительство объекта недвижимого имущества (при этом под началом строительства понимается осуществление строительно-монтажных работ в соответствии с утвержденной проектной документацией, в том числе в отношении нежилых построек на придомовой территории), а в иных случаях – иное освоение земельного участка, а именно осуществление комплекса работ в соответствии с целевым назначением и условиями предоставления земельного участка (п. 1.14 ст. 1 КоЗ).

⁵Такой перечень был закреплен в ТКП 45-1.03-162-2009 (02250) «Технический надзор в строительстве. Порядок проведения», утвержденном приказом Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 396, однако он отсутствует в принятой на смену названному ТКП Инструкции о порядке осуществления технического надзора за строительством, утвержденной постановлением Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 4 августа 2020 г. № 40.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Выявленные теоретико-прикладные проблемы разграничения правомерного и противоправного поведения субъектов земельных отношений обусловлены недостаточным учетом на уровне земельного законодательства длящегося характера таких отношений, произошедшего изменения условий и технических возможностей индивидуализации на местности земельного участка как объекта права землепользования, а также особенностей содержания права и обязанности осуществлять пользование земельным участком, в том числе начать его занятие.

2. Точечное внимание законодателя к отдельным проявлениям распространенной проблемы несовпадения юридических и фактических границ земельных участков зачастую влечет неопределенность такого признака земельного правонарушения, как противоправность. Эффективное решение указанной проблемы может быть обеспечено лишь при условии комплексного учета всех возможных правоприменительных ситуаций, обусловленных историческими особенностями развития земельного законодательства, технических средств установления границ земельных участков и формирования сведений о них.

3. В целях обеспечения правовой определенности в части обязанностей землепользователей и недопущения смешения их правомерного и противоправного поведения обоснованы следующие рекомендации:

- четко разграничить сферу действия п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов», закрепляющего механизм легализации нарушений земельного законодательства, не только с ГК, но и со ст. 56 и 87 КоЗ;
- закрепить особые правила, исключающие отнесение к земельным правонарушениям случаев

фактического «выхода» за пределы юридической границы земельных участков со стороны их добросовестных приобретателей (которым такие участки перешли в порядке наследования, на основании сделок и по иным причинам) с корректировкой применительно к таким случаям механизма узаконения прав на земельные участки, в том числе с закреплением более длительных сроков, чем установленные п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов»;

- исключить обязанности по внесению платы за легализацию в случаях, когда подпадающее под признаки п. 2 ст. 3 Закона «Об изменении кодексов» использование земельного участка осуществляется лицом, которому такой участок был предоставлен с нарушением установленного порядка со стороны государственных органов;

- согласовать механизм легализации земельных правонарушений с проводимой в Республике Беларусь нормализацией границ земельных участков, общие положения о проведении которой следует закрепить на уровне КоЗ, вписав в систему иных организационных земельно-правовых механизмов и обеспечив надлежащую защиту прав землепользователей;

- уточнить в КоЗ содержание обязанностей землепользователей по использованию земельных участков в соответствии с целевым назначением и условиями их отвода, а также по соблюдению сроков занятия, иных условий отвода земельных участков, включая закрепление перечня действий, свидетельствующих о начале занятия земельного участка;

- закрепить в КоЗ и КоАП более широкую формулировку: «несоблюдение условий отвода и иных условий использования земельного участка» (вместо «нецелевое использование») для четкого разграничения смежных составов правонарушений.

Библиографические ссылки

1. Кузьмин ИА. *Юридическая ответственность: теория и практика*. Москва: Юркомпани; 2022. 188 с.
2. Галиновская ЕА. Институт юридической ответственности как составляющая земельного правопорядка. *Журнал российского права*. 2014;1:41–48. DOI: 10.12737/1813.
3. Шахрай ИС, Шингель НА. Тенденции развития земельного законодательства Республики Беларусь: новый этап. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2023;1:51–58.
4. Марченко МН. *Проблемы теории государства и права*. Москва: Проспект; 2016. 760 с.
5. Витрук НВ. *Общая теория юридической ответственности*. Москва: РАП; 2008. 304 с.
6. Лазарев ВВ, редактор. *Общая теория права и государства*. Москва: Юристъ; 2001. 520 с.
7. Шингель НА, Шахрай ИС. *Природоресурсное право*. Минск: Вышэйшая школа; 2017. 399 с.
8. Волков ГА. Основные начала земельного права. *Экологическое право*. 2022;1:10–16.
9. Шахрай ИС, Шингель НА. Проблемы правового регулирования делящихся земельных отношений в условиях обновления земельного законодательства. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 18*. Минск: Колорград; 2023. с. 491–499.
10. Шахрай ИС. Формирование пространственных данных природоресурсного содержания в условиях цифровизации: правовой аспект. В: Чуприс ОА, редактор. *Динамика правоустановления и правореализации в сфере публично-правовых отношений. Выпуск 5*. Минск: Колорград; 2023. с. 211–222.

References

1. Kuz'min IA. *Yuridicheskaya otvetstvennost': teoriya i praktika* [Legal liability: theory and practice]. Moscow: Yurkompani; 2022. 188 p. Russian.

2. Galinovskaya EA. [The institute of legal responsibility as a constituent of land legal order]. *Journal of Russian Law*. 2014;1:41–48. Russian. DOI: 10.12737/1813.
3. Shakhray IS, Shingel NA. Trends in the development of land legislation in the Republic of Belarus: a new stage. *Journal of the Belarusian State University. Law*. 2023;1:51–58. Russian.
4. Marchenko MN. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law]. Moscow: Prospekt; 2016. 760 p. Russian.
5. Vitruk NV. *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti* [General theory of legal liability]. Moscow: Rossiiskaya akademiya pravosudiya; 2008. 304 p. Russian.
6. Lazarev VV, editor. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General theory of law and the state]. Moscow: Yurist; 2001. 520 p. Russian.
7. Shingel NA, Shakhray IS. *Prirodoresursnoe pravo* [Natural resource law]. Minsk: Vyshnejshaja shkola; 2017. 399 p. Russian.
8. Volkov GA. [The key origins of land law]. *Ekologicheskoe pravo*. 2022;1:10–16. Russian.
9. Shakhray IS, Shingel NA. [Problems of legal regulation of ongoing land relations in the context of land legislation updating]. In: Karpovich NA, editor. *Pravo v sovremennom belorusском obshchestve. Vypusk 18* [Law in modern Belarusian society. Issue 18]. Minsk: Kolorgrad; 2023. p. 491–499. Russian.
10. Shakhray IS. [Formation of spatial data of natural resource content in conditions of digitalisation: legal aspect]. In: Chupris OA, editor. *Dinamika pravoustanovleniya i pravorealizatsii v sfere publichno-pravovykh otnoshenii. Vypusk 5* [Dynamics of legal establishment and legal implementation in the sphere of public legal relations. Issue 5]. Minsk: Kolorgrad; 2023. p. 211–222. Russian.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024.
Received by editorial board 04.11.2024.

УДК 340.5

ОГРАНИЧЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОСТАВЩИКОВ УСЛУГ ЗА КОНТЕНТ, РАЗМЕЩАЕМЫЙ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Э. А. ГУМБАТОВ¹⁾

¹⁾Бакинский государственный университет, ул. З. Халилова, 23, 370148, г. Баку, Азербайджан

Аннотация. Контент, которым делятся в виртуальном пространстве, не всегда приятен. Зачастую в интернете имеют место оскорбления и клевета, распространение информации о личной жизни, разглашение коммерческих тайн и т. д. В подобных случаях особо важными становятся решение вопроса об ответственности интернет-провайдеров и определение пределов такой ответственности. В настоящем исследовании пределы ответственности интернет-провайдеров определяются на основе их классификации. Рассматривается опыт зарубежных стран, немецкое правовое регулирование признается наиболее успешным. Различная классификация провайдеров в Азербайджане оценивается как недостаток, предлагаются пути улучшения сложившейся ситуации. Рассматриваются последовательность и продолжительность процедур удаления и блокировки распространяемого противоправного контента, что в зависимости от типа интернет-провайдеров имеет значение при определении пределов их ответственности. С этой целью были проанализированы национальные материальные и процессуальные правовые нормы, а также определены недостатки национального законодательства в данной сфере, поскольку вопрос ответственности провайдеров связан с информацией, распространение которой ограничено. Сделан вывод, что внесение изменений в нормы ответственности за удаление противоправного контента позволит также устранить процессуальные недостатки.

Ключевые слова: виртуальное пространство; интернет-провайдер; хостинг-провайдер; контент-провайдер; провайдер доступа; общий контент; юридическая ответственность.

Образец цитирования:

Гумбатов ЭА. Ограниченная ответственность поставщиков услуг за контент, размещаемый в виртуальном пространстве. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2024;3:104–110 (на англ.).
EDN: UWNZYY

For citation:

Humbatov EA. Limited liability of provider services for content shared in virtual space. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2024;3:104–110.
EDN: UWNZYY

Автор:

Эльнур Акиф Гумбатов – кандидат юридических наук; преподаватель кафедры ЮНЕСКО «Права человека и информационное право» юридического факультета.

Author:

Elnur Akif Humbatov, PhD (law); professor at the UNESCO department «Human rights and information law», faculty of law.
elnur_88@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1495-8039>

LIMITED LIABILITY OF PROVIDER SERVICES FOR CONTENT SHARED IN VIRTUAL SPACE

E. A. HUMBATOV^a

^a*Baku State University, 23 Z. Khalilov Street, 370148 Baku, Azerbaijan*

Abstract. Content shared in virtual space is not always pleasant. In many cases, insults and slander, personal life information, commercial disclosures are allowed through such contents. In cases of such violations, solving the issue of responsibility of Internet providers and determining the limits of such responsibility is of great importance. In the article, the limits of providers' responsibility are based on their classification. In this regard, the experience of foreign countries was reviewed, and German legal regulations were identified as more successful experience. Different classification of providers in Azerbaijan was assessed by the author as a shortcoming and suggestions were presented in this regard. In addition, the sequence and duration of the procedures for the removal and blocking of shared illegal content were analysed, which, depending on the type of Internet providers, is important in determining the limits of their responsibility. For this purpose, the national material and procedural legal norms were analysed, and the shortcomings of the national legislation in this field were determined, since the issue of the responsibility of the providers is related to the information whose distribution is restricted. In the end, it was concluded that making changes in the norms of responsibility for the removal of illegal content will also eliminate procedural deficiencies.

Keywords: virtual space; Internet provider; hosting provider; content provider; access provider; shared content; legal responsibility.

Introduction

The issue of providers' responsibility for content shared in virtual space is based on the unity of two main information legal research topics: Internet regulation and information legal responsibility.

Back in 1962, American scientist J. Licklider, who put forward the idea of creating a global network of interconnected computers in his concept «galaxy network», through this network showed the possibility of instant access to data and programmes on the computer [1, p. 368]. According to its essence, that concept is very close to the copper of the modern Internet, and for these services J. Licklider is rightly called the father of the Internet [2, p. 35].

Thus, the Internet, which appeared as a computer network called ARPANET in 1969, has completely covered society in the modern world [3]. This determines its thorough investigation as an object of scientific research. Although the guiding principles of Internet regulation are set for the purpose of its governance, they essentially serve to protect basic human rights and freedoms on the Internet. The Declaration on freedom of communication on the Internet adopted by the Cabinet of Ministers of the Council of Europe on 28 May 2003

contains seven principles, one of which is related to the limited liability of providers for shared content. Thus, in accordance with the sixth principle, member states should ensure that the provider services do not interfere with the content of Internet materials while limiting the functions of information transmission or access to the Internet by national legislation. However, this does not apply to cases of decision-making to prevent or eliminate violations of law. This means that interference is allowed for legitimate purposes and is completely legal. The Law of the Republic of Azerbaijan of 4 June 2005 No. 927-IIQ «On telecommunications» (hereinafter Law on telecommunications) states that operators and providers are not responsible for the content of data transmitted through telecommunication networks, unless otherwise specified in the legislation (Art. 43.3). However, it is somewhat controversial which specific providers are meant here. Because as we know, Internet providers are classified as content provider, host provider, access provider. Is limited liability defined for all types? In the article, such questions will be analysed on the basis of the legislation of different states, as well as the Republic of Azerbaijan.

Materials and methods

The formation of virtual space is not analysed in a positive way. In the digital age, serious changes are observed in the nature of crimes through the opportunities provided by new technologies. Violations, which are no longer on the physical plane, but on the virtual plane, cause serious concerns for the modern world population. Deepfakes, which have a special weight among

such violations, are one of the current problems of the time. International organisations that take this potential seriously consider deepfake to be one of the biggest threats of the future [4, p. 703].

Experts estimate that by 2026, up to 90 % of online content will be synthetically generated. Synthetic media refers to media created or manipulated using artificial

intelligence (AI) [5]. In most cases, synthetic media is created to play games, improve services or improve the quality of life¹, but already today, the increase of synthetic media and improved technology has led to the possibility of disinformation, including negative results such as deepfakes.

In many cases, the existing legal regulations are not adequate to solve the legal problems created by the Internet. Solving the legal problems created by the Internet with existing positive regulations is a situation specific to the special field of law. In cases where the existing normative documents are insufficient, it is considered appropriate to add new provisions that complement each other, and if this is not possible, to make independent legal regulations. The fact that such arrangements are based on doctrine rather than spontaneity can ultimately lead to successful practice. Therefore, the interpretation of the human rights aspect of issues related to the Internet and virtual space is one of the most important topics today. From this point of view, the responsibility of Internet providers should be studied from the aspect of guaranteeing human rights and freedoms on the one hand, and specific guarantees should be provided in the legislation because

there are many rights and freedoms that are opposed to freedom of information. For example, as the sharing of any content in the virtual space falls within the scope of freedom of information, if that content violates honour and dignity or results in the dissemination of information related to private life, the issue of protecting honour and dignity and protecting the right to privacy comes into focus.

Nevertheless, legal regulations should determine the issue of liability according to the classification of Internet providers, which is one of the main problems of national legislation.

The object of the study was the analysis of the problems of determining the liability issues of Internet providers in substantive and procedural legal norms and applying them in practice. The subject of the research included the search for solutions to the mentioned problems, the presentation of proposals and recommendations.

The theoretical and methodological basis of the article is the provisions of such sciences as information law, legal cybernetics, criminal law, administrative law and informatics. Logical, historical, systematic-legal and comparative-legal methods of scientific research were used during the writing of the article.

Discussion

Classification of providers: differences in legal regulations. Internet service providers are defined as mediators who enable users to access the Internet, provide electronic services and opportunities provided by the Internet to users, thus playing the role of a «bridge» between users and the Internet. The main service provided by service providers is to provide users with Internet connection, Internet communication and access to content. Apart from this, various services such as providing content, providing domain name, hosting services are also performed by service providers [6, p. 741]. Examples of Internet service providers in our country are «AzerTelecom» and «CONNECT». When Internet service providers want to provide Internet access services, they contract with telephone or telecommunications companies and acquire the right to use these dedicated lines, which they generally lease to Internet users for a fee.

As a result of the generalisation of modern legal literature and legal regulations, the following types of Internet providers can be distinguished.

Host provider. Hosting, i. e. hosting service, is defined as the ability to store content such as information, documents or files submitted to the Internet network with the technical infrastructure it provides, and to transfer them directly to the Internet using Internet connections. In other words, when accessing websites through domain names, it is a service of hosting web pages on your computer and providing access to these pages by redirecting users to the corresponding

page through the domain name. The person and companies that perform this service are called hosting providers [7, p. 318]. As a rule, hosting providers, who do not interfere with the operations performed by users, prepare the necessary conditions for the correct storage or transmission of the data that they want to obtain, according to the users' requirements. Examples of host providers include search engines such as *Google, Bing, Safari*, online shopping platforms such as *eBay, Trendyol*, websites such as *google.com*, and social media platforms such as *Facebook, YouTube, and Instagram*. It should be noted that these example websites can create page content by themselves and are considered content providers to the extent that they create content.

Internet access provider. An access provider is a telecommunication entity that mediates users' access to content on the Internet and works on the physical infrastructure to provide access service and provides it to service providers and users for a fee. In the doctrine, an access provider is defined by T. Soysal as a type of Internet service provider that connects users' computer equipment to each other and to other Internet service providers through lines it owns or leases from the local network [7, p. 308]. In this context, any entity that provides Internet service, from a local business to the International Telecommunication Union, is generally defined as an access provider. The access provider does not store information and data on its own servers by mediating access to content belonging to others, but

¹Facing reality? Law enforcement and the challenge of deepfakes: an observatory report from the Europol Innovation Lab. Luxembourg : Publ. Office of Europ. Union, 2023. P. 6.

only provides an access service. As such, the term «access provider» is often used synonymously with the term «Internet service provider», which more broadly refers to any entity that provides Internet service. The same rule is provided in our national legislation: the term «Internet provider» was applied as a supplier providing technical facilities for connecting to the Internet network by means of telecommunications (Art. 2 of the Law of the Republic of Azerbaijan of 3 April 1998 No. 460-IQ «On information, informatisation and information protection» (hereinafter Law on information, informatisation and information protection)). But can such providers only be legal entities? The aforementioned regulations of 2017 allow both natural and legal entities to act as Internet providers.

Content provider. A content provider is defined in the doctrine as a natural or legal person who contributes with the information provided to the creation of any content that Internet users can access on the Internet and provides this information or data to others with the support of an access and hosting provider. Website owners who upload content to the website, people who create the content and design of Internet broadcasting, people who prepare content and upload it to the Internet, authors who prepare an Internet newspaper, people who comment on the news in the newspaper, people who share with their profile on social media can also be cited as examples of content providers. In some cases, hosting providers upload content directly to the Internet to increase their preference for accessing the content themselves. Hosting providers which upload content that can be accessed by users on the Internet are considered content providers in terms of these services. For example, those who upload various photos to photo-sharing platforms are content providers, and those who deploy the system to publish these contents are hosting providers. If a photo sharing platform in the position of a hosting provider uploads an image to its system, this platform will be the content provider in terms of the photos it uploads, and in the case of uploading images by members, the hosting provider.

It should be noted that within the framework of Art. 12–15 of the Electronic commerce directive of the European Parliament and the Council of 8 June 2000 No. 2000/31/EC, only technical intermediaries are considered as Internet service providers and evaluated as services consisting of the transmission of data via a communications network to ensure the proper functioning of the internal market, in particular services that ensure the free movement of personal data between access. This means that the regulations regarding content providers are not included in the directive, as the service of producing, changing and providing information offered to users is not considered as providing the technical capabilities of the Internet.

According to the analysis of the information legislation in our republic, the legal approach to the types of Internet providers is reflected in the Law on informa-

tion, informatisation and information protection and Law on telecommunications. First of all, we should note that Internet service is a type of telecommunication service. National legislation defines the scope of telecommunications entities as follows:

- telecommunication operator is a legal entity or a natural person engaged in entrepreneurial activity that provides telecommunication services on legal grounds through its owned telecommunication network;
- telecommunications provider is a legal entity or a natural person engaged in entrepreneurial activity that provides telecommunication services using the telecommunication operator's network.

According to the Regulation of internet telecommunication service providers and operators of 12 October 2017 No. 427, Internet telecommunication service providers include Internet service providers and host providers. If the first ones provide the technical possibility to connect to the Internet network by means of telecommunications, the second ones provide the service of placing the Internet information resources in their information systems in order to ensure the use of them. Apparently, the term «content provider» is not used in our republic. When solving the issue of responsibility for the content posted on the Internet, responsibility is determined for the owner of the Internet information resource or individual persons. By Internet information resources, the law accepts resources created for the purpose of information dissemination in the Internet network, which is given a domain name to refer to that resource (Art. 2 of the Law on information, informatisation and information protection). Therefore, content providers are not considered as Internet providers in national regulations.

If we look at foreign countries, according to Art. 2/1-f of Law of the Republic of Turkey of 4 May 2007 No. 5651 «On regulation of publications on the Internet and combating crimes committed by means of such publication», content provider means «natural or legal persons who produce, modify and provide any information or data provided to users over the Internet». Internet content providers are individuals or organisations that organise the publication of information or documents on the Internet. Content providers have the ability to post messages posted by others on forums and to delete their own messages when necessary. Such an arrangement can be considered more successful.

Interesting facts from foreign experience on the responsibility of providers. The United States is the first country to legalise the notice and takedown system. The Internet service provider shall immediately remove the broadcast and terminate access upon notification of a broadcast containing an illegal element. According to regulations in the US, Internet service providers must ensure that such content is removed upon notification. The Digital millennium copyright act, established in 1998 for intellectual property violations, introduced both notice and takedown and notice and put back models.

In fact, this model relieves the host provider of all responsibility.

To fully understand the practice, one should refer to the case of *Gucci* in the United States District Court of New York (*Gucci v. Gucci Shops, Inc.*, 688 F. Supp. 916 (S.D.N.Y. 1988)). At the end of the court proceedings in the case, the court decided that the Internet service provider was complicitly liable if it knew about the illegal activity, but did not take the necessary measures.

There is generally no regulation of Internet service provider criminal liability in England. However, the 2002 Directive known as the Electronic commerce agenda stipulates that liability for illegal information or data on the Internet will primarily lie with the person or entity providing the data. Accordingly, if an Internet service provider is notified of an illegal application, it must take action within a reasonable time to stop the transmission. Otherwise, it will be responsible and a criminal case will be opened against it. In general, child pornography, obscene and racist discourses are considered the subject of blocking access to the Internet.

In general, the of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 Directive 2000/31/EC on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market (hereinafter Directive on electronic commerce) has a significant impact on the legal regulations of European countries. The directive has taken an interesting approach to the issue of responsibility of Internet providers. Thus, the directive limits the responsibility of providers for «caching», that is, in order to be exempt from liability for the automatic, indirect and temporary storage of information accompanying data transmission services on the network and aimed at more efficient data transmission at the request of the user, the provider must comply with the following five conditions.

Article 14 of the Directive on electronic commerce appears to contain conditions for the exemption of hosting providers from liability and does not regulate a general liability regime. According to the article, the hosting provider, who assumes a passive and impartial role, will not be responsible for illegal information and activity transmitted to the Internet environment if it does not know about it and does not understand the consequences of this situation. In addition, it will not be liable again in the event of the said information or blocking of access to the information after being informed. If the content is provided by the service provider itself, the service providers will be responsible.

In most of the European countries based on the Directive on electronic commerce, almost similar legal arrangements have been made regarding the responsibility of providers. Of these, the experience of Germany draws more attention. Germany was one of the first countries to regulate the Internet. In German law, the liability

of Internet service providers is regulated in the Telemedia act of 26 February 2007 (hereinafter Telemedia act). This document contains provisions applicable to criminal, public and private law disputes. As a general principle, content providers are responsible for their own content that they make available for use. In terms of access providers, in principle, they are not liable for the access they provide, but the circumstances in which they may be liable are governed by a dual distinction. Art. 9/1 of the Telemedia act stipulates that the access provider shall be liable if it initiates the transmission or selects the recipient of the transmission or selects or modifies the transmitted information itself. As for host providers, although Art. 10 of the mentioned act states that there is no legal or criminal liability for host providers, this irresponsibility is only absolute in cases where the content is not known to be illegal [6, p. 758]. In this case, as soon as the host provider becomes aware that the content belonging to another is clearly illegal and does not immediately take necessary measures to remove this content or prevent access to it, this conscious action will result in legal and criminal liability. However, in cases where the host provider does not have the technical means to prevent this transmission, it cannot be held responsible. In addition, according to the last paragraph of Art. 11 of the Telemedia act, if the user who produces criminal data is in the service and under the control of the service provider, then the service provider may be liable.

According to Art. 184 of the German Criminal Code, a blacklist of domain names, IP addresses and URLs of child pornography websites is provided by the federal criminal police. Also, the list is updated by a group of 5 experts checking. As one of the interesting experiences in this regard, we can mention that in 2000, Internet providers in Germany blocked access to 76 websites outside Germany, mainly the United States, that broadcast racist and neo-nazi content².

As far as Asian countries are concerned, China is the country that attracts more attention. To connect to the Internet in China, registration is required at the local police station. China has allowed giant American IT companies such as *Google*, *Yahoo*, and *Microsoft* to operate in their country on the condition that they develop systems in line with the internet policy. China uses the world's most advanced system of Internet access blocking and monitoring. Technically speaking, one of the content blocking systems such as IP, URL, DNS can be used or all of them can be applied in combination to block access [8, p. 62].

Thus, based on the analysis of foreign experience, we can conclude that more successful arrangements are made in Europe.

Limits of providers' liability. Current experience shows that different providers interact with users as

²German official asks U. S. ISPs to block neo-nazi sites [Electronic resource]. URL: <http://edition.cnn.com/2000/TECH/computing/08/29/hate.sites.idg/index.html> (date of access: 29.09.2024).

access and transit service providers, as well as telecommunication providers offering access to Internet, while Internet content is provided by different content providers, which may or may not be managed. This latter distinction between connection-related service providers and content-delivery service providers is particularly relevant to liability analysis. Thus, while host and content providers have a potentially global reach, those providing services or connectivity to end users within a given territory will typically be subject to the legal and geographic restrictions of such territory. So, although the web page is available worldwide, the connection providers will be different depending on the computer used to access the website. Therefore, access and connectivity service providers must comply with the laws of the jurisdiction in which they operate, while hosts and content providers will be subject to the regulations of any jurisdiction where their content is available. Of course, each state has its own rules for the provision of services between the end user and the Internet provider. Broadly speaking, there are no specific international or national regulations that directly and specifically affect Internet providers. In such situation, the problem of how to solve the issue of responsibility will be analysed in detail below.

Since the term content provider is not used in the national legal regulation, the responsibility for the content rests with the owner of the Internet information resource or the owner of its domain name. The most important condition here is that information about both subjects should be displayed on the site in a clearly readable form. Another important condition is imposed on the owner of the Internet information resource: it is the duty to ensure compliance with the norms of the Azerbaijani language, for which the owner of the Internet information resource is personally responsible (Art. 13-2 of the Law on information, informatisation and information protection).

In addition, the legislator defined specific information content, the publication of which is prohibited not only for the owner of the Internet information resource and the owner of the domain name, but also for the users. For example, this ban will apply to any user on the social network. This information is listed in Art. 13-2.3 of the Law on information, informatisation and information protection. As the content violates legitimate interests, their dissemination may threaten the safety of society, the state, and the individual. For example, information related to state secrets is aimed at the national security of the state, insulting or slanderous information, as well as information that violates the integrity of private life is against the individual and harming life and health of people, mass violation of public safety, and causing significant property damage is directed against the society as a whole.

The problem does not arise with the specified list, but with the execution of the procedure. So, according to the mentioned law, a different rule has been defined.

The distribution of prohibited information is discovered directly by the owner of the Internet information resource, the owner of the domain name or the host provider. This time is the following:

- when the owner of an Internet information resource or the owner of a domain name directly discovers that there is information that is prohibited for distribution in that information resource or its relevant part, when they receive a request about it, to remove this information from the information resource or ensure restriction of access to that information resource or its relevant part;
- when such information is directly discovered by the host provider or when it receives information, it immediately takes measures to remove the information by the owner of the information or restrict access to that information resource or its relevant part.

The following question arises: is there a provision that provides for a specific crime or administrative offense for the dissemination of prohibited information? First of all, we should note that the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan does not provide for a specific responsibility for the dissemination and transmission of information that is prohibited. Only the use of Internet information resources as a constituent element of some crimes is envisaged. For example, insult, defamation, illegal sale of narcotics or psychotropic substances to minors, organisation of gambling games, etc. Using the Internet to disseminate other information will create responsibility for that act itself. So, publishing information constituting a state secret on the Internet will create liability under Art. 284 of the Criminal Code of the Republic of Azerbaijan. However, Art. 388-1 of the Code of Administrative Offenses of the Republic of Azerbaijan defines administrative responsibility for disseminating or permitting the dissemination of information that is prohibited in a specific form. In this regard, the approach of foreign experience is different. For example, in Turkey, the term «content provider» is used. Thus, in Art. 4 of Law of the Republic of Turkey of 4 May 2007 No. 5651 «On regulation of publications on the Internet and combating crimes committed by means of such publication», as well as in Art. 6 of Regulation on the procedures and principles regarding the regulation of publications made on the Internet of 30 November 2007 No. 26716, the responsibilities of content providers are regulated in the same manner. According to this, «the content provider is responsible for all types of content that it provides to the Internet environment. The content provider is not responsible for the content of others to which it provides links. However, if it is clear from the presentation format that he accepts the content to which he provides a link and that he intends for the user to reach said content, he is liable in accordance with the general provisions. The liability referred to here is liability arising from guilt. In this context, the creator of the web page will be responsible for its content in accordance with the general provisions.

Conclusions

As a result of our research, it was concluded that the following classification of Internet providers exists in world practice: content provider, host provider, access provider. However, in the information legislation of our republic, instead of the content provider, the expression of the owner of the Internet information resource is used. This statement is not so successful, because the owner of the information can entrust different providers to form his website and carry out its subsequent maintenance. This type of legal arrangement ultimately makes it difficult to determine the responsibility of that provider. Therefore, we consider it appropriate to use the term content provider and give its legal definition in domestic law.

Determining the limits of responsibility of Internet providers should be specified not only based on their types, but also with reference to the content of the dis-

seminated information. We believe that the norms related to the responsibility of content providers should be determined by benefiting from the experience of Turkey and Germany: the content provider is responsible for any content that it provides for use in the Internet environment. In the second paragraph, which stipulates a reservation, it should be established that the content provider is not responsible for the content belonging to another person to whom it provides connection. However, if it is clear from the presentation form that the link appropriates the content it provides and aims for the user to access the content, it is liable according to the general provisions. In addition, there is uncertainty in the procedure of blocking access to information that is prohibited in the Republic of Azerbaijan. Therefore, it is necessary to re-develop the procedural rules in the national legal regulation, especially to pay attention to the issues of duration.

References

1. Əliyev Aİ, Rzayeva GA, İbrahimova AN, Məhərrəmov BA, Məmmədrzalı ŞS. *İnformasiya hüququ: dərslik*. Bakı: Nurlar nəşriyyatı; 2019. 448 s. Azerbaijani.
2. Əliquliyev RM, Mahmudov RŞ. İnternet cəmiyyətin inkişafının hərəkətverici qüvvəsi kimi. *İnformasiya cəmiyyəti problemləri*. 2016;1:35–45. Azerbaijani.
3. Cohen-Almagor R. Internet history. *International Journal of Technoethics*. 2011;2(2):45–64. DOI: 10.4018/jte.2011040104.
4. Fatih Arslan. Deepfake technology: a criminological literature review. *The Sakarya Journal of Law*. 2023;11(1):701–720. DOI: 10.56701/shd.1293642.
5. Schick N. *Deepfakes and infocalypse: what you urgently need to know*. London: Hachette; 2020. 224 p.
6. Mine K. Almanya'da internet servis sağlayıcılarının hukuki sorumluluğu. *Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi*. 2015;64(3):739–774. Turkish.
7. Soysal T. İnternet Servis Sağlayıcılarının Hukuki Sorumlulukları. *Türkiye Barolar Birliği Dergisi*. 2005;18:304–339. Turkish.
8. Mehmet Bedii K. *Teknik ve Hukuki Boyutlarıyla İnternete Erişimin Engellenmesi*. İstanbul: Yetkin Yayınları; 2010. 158 s. Turkish.

Received by editorial board 03.10.2024.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 316.334.4(075.8)

Вершок И. Л. Социология права [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-24 01 02 «Правоведение» / И. Л. Вершок ; ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь». Электрон. текстовые дан. Минск : НПЦ проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь, 2024. 83 с. : табл. Библиогр.: с. 75–83. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/320599>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 18.10.2024, № 015118102024.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Социология права» предназначен для студентов специальности 1-24 01 02 «Правоведение».

В ЭУМК содержатся четыре раздела, в которых излагаются теоретический (текст лекций) и практический (тематика семинаров) материал. В разделе контроля знаний размещен примерный перечень вопросов для экзамена. Вспомогательный раздел включает список рекомендуемой литературы и электронных ресурсов. ЭУМК отражает содержание учебной программы по дисциплине «Социология права» и включает комплексные знания по данной дисциплине.

УДК 349.4/6(082)

Эволюция научной школы аграрного, экологического и природоресурсного права: преемственность и стратегия будущего [Электронный ресурс] : сб. статей по материалам круглого стола с междунар. участием, посвящ. памяти профессора Н. В. Сторожева (Минск, 30 мая 2024 г.) / БГУ ; [редкол.: Т. И. Макарова, И. С. Шахрай]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 141 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/320947>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 28.10.2024, № 015728102024.

В сборнике опубликованы статьи ученых и практикующих юристов Республики Беларусь и зарубежных стран о проблемах аграрного, экологического, природоресурсного права как отраслей науки и законодательства, подготовленные по материалам докладов на круглом столе, посвященном памяти профессора Н. В. Сторожева.

УДК 343.985(06)

Тактика и методика расследования преступлений: теория, практика, инновации [Электронный ресурс] : материалы круглого стола с междунар. участием, (Минск, 25–26 окт. 2024 г.) / БГУ ; [редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2024. 521 с. Библиогр. в конце ст. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/322908>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 11.12.2024, № 018111122024.

В сборнике опубликованы научные статьи ученых-юристов и практикующих работников правоохранительных органов Республики Беларусь и зарубежных стран, представленные на круглом столе, приуроченном к 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Республики Беларусь, доктора юридических наук, профессора Андрея Васильевича Дулова. Сборник адресован научной юридической общественности, практическим работникам, аспирантам, магистрантам и студентам, обучающимся по специальностям юридического профиля.

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за содержание, грамотность, достоверность информации, приведенных фактов и сведений несут авторы. Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакционной коллегии и рецензентов.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

<i>Балашенко С. А.</i> Исторические источники правовой охраны природы Беларуси.....	3
---	---

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

<i>Андриченко Л. В., Масловская Т. С., Плюгина И. В.</i> Конституционные ценности в условиях исторической преемственности	9
<i>Крупейченко М. А.</i> Институт представительства власти народа в истории белорусской государственности	20

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И НАЛОГОВОЕ ПРАВО

<i>Пилипенко А. А.</i> Дискуссионные вопросы корректировки налоговой базы при дроблении бизнеса	27
---	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

<i>Скобелев В. П.</i> Принцип состязательности в кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь: концептуальные вопросы понимания и правовой регламентации	33
---	----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО, УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

<i>Бибило В. Н.</i> Уголовно-процессуальные конфликты	50
<i>Шидловский А. В.</i> Восстановление социальной справедливости как основа уголовной политики Республики Беларусь	56
<i>Харевич Д. Л.</i> Деление на наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры в международном и национальном праве.....	66

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

<i>Красуцкий Г. В.</i> Гарантии прав землепользователей при использовании земельных участков для индивидуального жилищного строительства	72
<i>Кузьмич И. П.</i> Роль аграрного законодательства в обеспечении национальной безопасности Республики Беларусь	83
<i>Мороз О. В.</i> Правовое понимание производственных наблюдений в области охраны окружающей среды, рационального (устойчивого) использования природных ресурсов при осуществлении хозяйственной и иной деятельности.....	91
<i>Шахрай И. С.</i> К вопросу о признаках земельного правонарушения.....	97

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

<i>Гумбатов Э. А.</i> Ограниченная ответственность поставщиков услуг за контент, размещаемый в виртуальном пространстве	104
---	-----

Аннотации депонированных в БГУ работ	111
--	-----

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

<i>Balashenko S. A.</i> Historical sources of legal protection of nature in Belarus	3
---	---

CONSTITUTIONAL LAW AND ADMINISTRATIVE LAW

<i>Andrichenko L. V., Maslovskaya T. S., Plyugina I. V.</i> Constitutional values in the conditions of historical continuity.....	9
<i>Krupeichenko M. A.</i> Institute of representation of the people's power in the history of Belarusian statehood.....	20

FINANCE LAW AND TAX LAW

<i>Pilipenko A. A.</i> Discussion issues of adjusting the tax base when splitting a business	27
--	----

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

<i>Skobelev V. P.</i> The adversarial principle in the Code of Civil Procedure of the Republic of Belarus: conceptual issues of understanding and legal regulation.....	33
---	----

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEDURE AND CRIMINALISTICS

<i>Bibilo V. N.</i> Criminal procedural conflicts	50
<i>Shidlovsky A. V.</i> Restoration of social justice as the basis of criminal policy of the Republic of Belarus....	56
<i>Kharevich D. L.</i> Division into narcotic drugs, psychotropic substances and their precursors in international and national law.....	66

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

<i>Krasutski H. V.</i> Guarantees of the rights of land users of land plots for individual housing construction	72
<i>Kuzmich I. P.</i> The role of agrarian legislation in national security ensuring of the Republic of Belarus	83
<i>Moroz O. V.</i> Legal understanding of industrial observations in the field of environmental protection, rational (sustainable) use of natural resources in the implementation of economic and other activities....	91
<i>Shakhray I. S.</i> On the issue of land offense signs	97

INTERNATIONAL LAW

<i>Humbatov E. A.</i> Limited liability of provider services for content shared in virtual space	104
--	-----

Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	111
--	-----

*Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам.
Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).*

**Журнал Белорусского
государственного университета. Право.
№ 3. 2024**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Право» издается с января 1969 г.
До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ.
Серыя 3, Гісторыя. Эканоміка. Права»
(ISSN 2308-9172).

Редактор *А. С. Люкевич*
Технические редакторы *М. М. Баулина, М. А. Панкратова*
Корректоры *П. А. Нгомека, С. Р. Пинчук, А. С. Якименко*

Подписано в печать 20.12.2024.
Тираж 45 экз. Заказ 1167.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2024

**Journal
of the Belarusian State University. Law.
No. 3. 2024**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.
E-mail: jlaw@bsu.by
URL: <https://journals.bsu.by/index.php/law>

«Journal of the Belarusian State University. Law»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava»
(ISSN 2308-9172).

Editor *A. S. Lyukevich*
Technical editors *M. M. Baulina, M. A. Pankratova*
Proofreaders *P. A. Ngomeka, S. R. Pinchuk, A. S. Yakimenka*

Signed print 20.12.2024.
Edition 45 copies. Order number 1167.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2024